КАРЦОВ

ИСТОРИЧЕСК.
ОЧЕРК
ЛЕЙБ-ГВ. I СТРЕЛК...
БАТАЛИОНА
1856 - 1885

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ПЕРВАГО СТРѢЛКОВАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

БАТАЛЬОНА

съ 1856 по 1885 годъ.

СОСТАВИЛЪ

Генералъ-Лейтенантъ П. Карцовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1885.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ПЕРВАГО СТРѢЛКОВАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

БАТАЛЬОНА

съ 1856 по 1885 годъ.

СОСТАВИЛЪ

Генералъ-Лейтенантъ П. Карцовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Сформированіе батальона.

ГЛАВА II.

Въ Москвѣ на коронаціи.

ГЛАВА III.

Время командованія графа Строганова.

ГЛАВА IV.

Съ 1857 по 1860 годъ.

ГЛАВА V.

Переводъ батальона въ Царское село.

ГЛАВА VI.

Въ Курляндіи и Литвѣ.

ГЛАВА VII.

Время командованія графа Шувалова.

ГЛАВА VIII.

Съ 1866 по 1872 годъ.

ГЛАВА IX.

Стрѣлки подъ начальствомъ Великаго князя Владиміра Александровича.

ГЛАВА X.

Передъ войною.

ГЛАВА XI.

Отъ границы до Плевны.

ГЛАВА XII.

Горный-Дубнякъ.

ГЛАВА XIII.

Правецкій бой.

ГЛАВА XIV.

На Балканахъ.

ГЛАВА XV.

Отъ Балканъ до Софіи.

ГЛАВА XVI.

Отъ Софіи до Филиппополя.

ГЛАВА XVII.

Отъ Филиппополя до Константинополя.

ГЛАВА XVIII.

У вратъ Царьграда.

ГЛАВА XIX.

Возвращеніе въ Россію.

ГЛАВА XX.

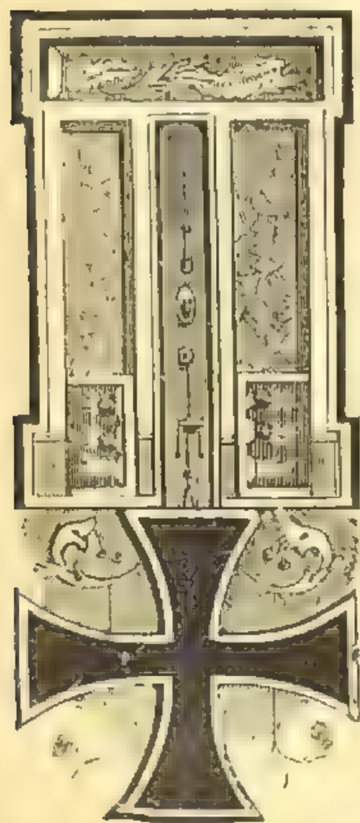
Послѣ войны.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Учрежденіе гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ.

Сформированіе Л.-Гв. 1-го Стрѣлковаго баталіона. — Первый составъ его офицеровъ. — Взгляды его перваго командира. — Обмундированіе и хозяйственное устройство. — Избраніе дня баталіоннаго праздника. — Новые взгляды на обученіе и новыя требованія. — Приготовленіе къ выступленію въ Москву по случаю Коронаціи. — Устройство тамъ лагеря. — Смотръ передъ выступленіемъ. — Переѣздъ по желѣзной дорогѣ. — Лагерныя занятія.

ередъ восточною войною 1853—56 годовъ, въ Россіи было всего 8 стрѣлковыхъ батальоновъ: одинъ гвардейскій (Финскій), 6 армейскихъ, по числу корпусовъ, и 1 резервный. Въ тоже время Франція имѣла ихъ болѣе двадцати.

Еще за долго до войны, въ нашихъ военныхъ кружкахъ много говорили о Венсенскихъ стрѣлкахъ и молва представляла ихъ такимъ совершенствомъ, до котораго будто-бы намъ никогда не достигнуть. Между тѣмъ наши существовавшіе 8 батальоновъ нисколько не уступали имъ, хотя и были вооружены тяжелыми литтихскими штуцерами, требовавшими продолжительнаго и довольно сложнаго заряжанія. Такими-же шту-

церами были снабжены существовавшія въ полкахъ небольшія штуцерныя команды.

Потери понесенныя нашими войсками въ неудачномъ Альминскомъ сраженіи и громадная убыль людей на Севастопольскихъ бастіонахъ, были приписаны Венсенскимъ стрѣлкамъ; въ сущности-же, не столько ихъ искуство, сколько свойство вооруженія, дозволявшаго открывать огонь на дальнія разстоянія и дѣйствовать навѣсно, порождали убыль. Все это привело къ убѣжденію о необходимости увеличить число стрѣлковыхъ батальоновъ, сколь возможно развить въ войскахъ стрѣлковое дѣло и связанныя съ нимъ отрасли образованія,—гимнастику и фехтованье.

Во второй половинѣ 1855 года нововведенія въ системѣ обученія начались съ гвардіи, гдѣ вмѣсто штуцерныхъ командъ учреждены были стрѣлковыя роты, заведено нѣсколько стрѣльбищъ, устроены гимнастическіе городки, а потомъ основаны были стрѣлковая учебная рота и фехтовальный кадръ.

Въ началѣ слѣдующаго года проектировано было учрежденіе стрѣлковыхъ батальоновъ при каждой дивизіи, что и начато съ гвардейскихъ.

27-го марта 1856 года состоялся Высочайшій приказъ о сформированіи Лейбъ-Гвардіи 1-го и 2-го стрѣлковыхъ батальоновъ, со всѣми правами и преимуществами старой Гвардіи.

Въ приказѣ значилось, что Государь Императоръ принимаетъ на Себя званіе шефа перваго изъ нихъ.

Въ то время дѣйствующіе полки находились въ западныхъ предѣлахъ Имперіи и потому выборъ въ учреждаемые батальоны офицеровъ и нижнихъ чиновъ, при-

казано было произвести изъ резервныхъ полковъ гвардіи. Все дѣло формированія создаваемыхъ стрѣлковъ, Высочайшею волею было возложено на начальника штаба Гвардейскихъ и Гренадерскихъ корпусовъ, генералъ-адъютанта графа Баранова.

Въ какой мѣрѣ Л. Гв. Финскій стрѣлковый батальонъ долженъ считаться родоначальникомъ стрѣлковъ стараго режима, настолько-же 1-й Гвардейскій Его Величества и близнецъ его—2-й гвардейскій, могутъ быть названы родоначальниками стрѣлковъ нынѣшняго времени. Какъ Великій преобразователь Россіи Петръ 1-й, своими потѣшными, положилъ основаніе регулярнымъ войскамъ нашимъ, такъ Императоръ Александръ II, учрежденіемъ гвардейскихъ стрѣлковъ, положилъ основаніе стрѣлковому дѣлу, на которомъ теперь главнымъ образомъ зиждется сила и боевой успѣхъ войскъ.

Первымъ Командиромъ Л.-Гв. 1-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона былъ назначенъ одинъ изъ старшихъ Флигель-адъютантовъ, полковникъ графъ **Строгоновъ**.

Еще до отданія объ этомъ въ приказѣ, графъ Барановъ потребовалъ къ себѣ, исправлявшаго должность штабъ-офицера въ Л.-Гв. Семеновскомъ резервномъ полку, капитана Карцова и сказалъ ему:

„Государю Императору угодно, сформированіемъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ дать новое направленіе стрѣлковому дѣлу и поднять формируемыя части до того уровня, который онѣ должны имѣть по своей цѣли. Поэтому Его Величество назначаетъ первыми командирами этихъ батальоновъ старшихъ Своихъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ графа **Строганова**—1-мъ и князя **Барятинскаго**—2-мъ. Я избираю васъ младшимъ

штабъ-офицеромъ къ Строгонову и надѣюсь, что вы будете ему усерднымъ и надежнымъ помощникомъ. Онъ почти съ прапорщичьяго чина въ Свитѣ и вѣроятно отсталъ отъ строя; хозяйственная часть ему тоже не знакома, но это отличный человѣкъ, съ которымъ вы навѣрно сойдетесь. Помогите ему въ дѣлѣ формированія, въ выборѣ людей и особенно офицеровъ. Онъ никого не знаетъ въ полкахъ, вы-же знаете многихъ. Что касается Преображенскаго полка, то я ихъ всѣхъ знаю и изберу самъ".

Руководствуясь этимъ Карцовъ немедленно явился графу Строгонову. При первомъ-же свиданіи они, по общему согласію, избрали изъ Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго полковъ, тѣхъ офицеровъ, которые были потомъ переведены въ батальонъ, одновременно съ избранными графомъ Барановымъ Преображенскими.

На основаніи Высочайшихъ приказовъ 15 Апрѣля и 15 Мая, въ первый составъ батальона, при его формированіи поступили:

Изъ Л.-Гв. Преображенскаго полка—штабсъ-капитанъ **Янковскій**, поручики: графъ **Зубовъ** и баронъ **Фредериксъ**; подпоручики: **Трузсонъ**, **Нейдгартъ**, фонъ **Розенбахъ** и князь **Щербатовъ**.

Изъ Л.-Гв. Семеновскаго: полковникъ **Карцовъ**; штабсъ-капитанъ **Рылѣевъ**; поручики: **Карцовъ 2-й** и **Межениновъ**; подпоручики: **Случевскій**, **Линдфорсъ** и **Челищевъ**.

Изъ Измайловскаго: подпоручикъ графъ **Комаровскій 2-й**.

Изъ Егерскаго: подпоручикъ **Жербинъ**.

Нѣсколько позднѣе были еще переведены изъ Измайловскаго полка прапорщикъ графъ **Комаровскій 2-й** и изъ Егерскаго—штабсъ-капитанъ **Даниловъ 1-й**.

Изъ этого состава офицеровъ были назначены: батальоннымъ адъютантомъ подпоручикъ князь Щербатовъ и казначеемъ подпоручикъ фонъ Розенбахъ. Первыми-же ротными командирами были: роты Его Величества—штабсъ-капитанъ Янковскій. 2-й роты—поручикъ Карцовъ 2-й—3-й роты—штабсъ-капитанъ Рылѣевъ и 4-й—поручикъ Межениновъ *).

Что касается выбора нижнихъ чиновъ, то онъ производился почти исключительно изъ стрѣлковыхъ ротъ резервныхъ полковъ 1-й гвардейской дивизіи. Выбранные назначались: Преображенцы — въ роту Его Величества, Семеновцы—во 2-ю, Измайловцы—въ 4-ю и Егеря—въ 3-ю роты. Отступленіе отъ старшинства двухъ послѣднихъ полковъ было сдѣлано потому, что тогда вторые полубатальоны ранжировались съ лѣва на право и потому 4-я рота была выше 3-ей.

Для выбора людей полковникъ **Карцовъ** и докторъ **Мессершмидтъ** лично осматривали каждаго человѣка; но не смотря на всю строгость выбора, изъ людей видныхъ и казалось вполнѣ способныхъ, многихъ пришлось потомъ перемѣнить, по слабости зрѣнія и груди. Нѣкоторые были взяты и изъ линейныхъ ротъ, по особой рекомендаціи поступившихъ изъ полковъ офицеровъ.

Формированіе батальона происходило въ послѣднія двѣ недѣли великаго поста. Какъ не спѣшили этимъ дѣломъ, но къ Пасхѣ могли быть взяты только люди Преображенскаго полка, которыхъ помѣстили въ манежѣ Зимняго Дворца; прочіе оставались въ своихъ казармахъ, потому

---

*) Вскорѣ по сформированіи 3-я рота, по болѣзни Рылѣева, была передана штабсъ-капитану Данилову. Первымъ старшимъ батальоннымъ врачемъ назначенъ изъ Л.-Гв. Саперпаго батальона докторъ **Мессершмидтъ**.

что не было еще окончательно рѣшено гдѣ будетъ помѣщенъ батальонъ. Въ этомъ отношеніи существовало нѣсколько предположеній. Сначала была мысль примѣнить для батальона зданіе Солянаго городка, что у лѣтняго сада; потомъ предполагали перестроить фуражный дворъ, что на Семеновскомъ плацу; но наконецъ, когда состоялось распоряженіе объ оставленіи 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи въ Москвѣ, рѣшено было водворить батальонъ въ бывшихъ Московскихъ казармахъ, у Семеновскаго моста, съ тѣмъ, чтобы занимавшій ихъ полкъ перевести на Выборгскую сторону, въ бывшія Литовскія казармы.

Одновременно съ формированіемъ личнаго состава батальона проэктировались его штатъ и форма обмундированія. Графу Строганову хотѣлось, чтобы на всѣ нестроевыя должности и для всѣхъ хозяйственныхъ надобностей были опредѣлены по штату особые нижніе чины; чтобы портные, сапожники, хлѣбопеки, кашевары, конюхи,—были сверхъ строеваго состава. Хотя ему и говорили, что на подобное для батальона исключеніе нельзя расчитывать, но онъ надѣялся на свое вліяніе и конечно ошибся. Вся разница съ другими частями, въ вышедшихъ осенью штатахъ, состояла въ томъ, что въ число нестроевыхъ было назначено батальону 40 портныхъ и 10 сапожниковъ.

Необходимо замѣтить, что графъ Строгановъ, во все время своего командованія, сильно увлекался спеціальностью стрѣлковаго дѣла, въ ущербъ прочимъ отраслямъ образованія. Желая сразу видѣть въ каждомъ взятомъ въ батальонъ человѣкѣ стрѣлка, онъ упускалъ изъ вида, что прежде надо образовать солдата и уже изъ него вырабатывать стрѣлка, что нужно сначала сплотить бата-

льонъ, какъ въ административномъ такъ и въ фронтовомъ отношеніи, и потомъ уже выдвигать спеціальность на первый планъ. Онъ забывалъ, что отъ батальона потребуется не одна стрѣльба, но и все то, что требуется отъ другой гвардейской части, и потому ротнымъ командирамъ часто приходилось отступать отъ его взгляда и заниматься тѣмъ, что раньше потребуется и что было нужнѣе. Подобные взгляды перваго командира были впослѣдствіи причиною той фронтовой неудачи, о которой будетъ сказано ниже.

Относительно обмундированія, графу Строганову хотѣлось дать батальону нѣчто подобное обмундированію Венсенскихъ стрѣлковъ. Онъ проэктировалъ нѣсколько образцовъ головнаго убора, ранцевъ, патронташей; но Государю Императору было угодно, чтобы батальонъ имѣлъ мундиры и шинели одинаковаго покроя съ другими частями гвардіи; только лацкана и канты приказано имѣть малиновые и именно того оттѣнка, какой имѣлъ гвардейскій Конно-егерскій полкъ, бывшихъ польскихъ войскъ, шефомъ котораго Государь былъ назначенъ какъ наслѣдникъ престола. Въ мундирѣ этого полка, имѣя всего 10 лѣтъ отъ рожденія, Его Величество изволилъ быть въ Варшавѣ при коронаціи Августѣйшаго Своего Родителя, какъ Царя Польскаго.—Долго не могли найти сукна этого оттѣнка, но наконецъ Его Величество былъ доволенъ представленнымъ образчикомъ и утвердилъ его. Утвержденіе это, а равно и кивера, даннаго вмѣсто бывшихъ въ то время у гвардіи кеши, произошло въ первыхъ числахъ апрѣля, въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца, одновременно съ разбивкою по полкамъ партіи назначенныхъ въ гвардію рекрутъ.

Графъ Строгановъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить и тѣ предметы снаряженія, которые были лично имъ проэктированы. Правѣе рекрутской партіи стояли: фельдфебель 1-й роты Пермяковъ, унтеръ-офицеръ, музыкантъ и 3 стрѣлка, всѣ въ различной формѣ головныхъ уборовъ. Одинъ имѣлъ киверъ въ родѣ французскаго шако, съ совершенно прямымъ козырькомъ, другой,—шапку полка Императорской фамиліи, но съ малиновымъ верхомъ, третій—киверъ уменьшенной высоты, съ экишкетомъ.—Взглянувъ на перваго, Его Величество, обратясь къ графу Баранову, сказалъ:

„Это пожалуй не дурно, но черезъ чуръ по французски" и изволилъ утвердить киверъ съ экишкетомъ.

Находившійся при этомъ за батальоннаго командира, такъ какъ Строгановъ былъ нездоровъ, полковникъ Карцовъ рѣшился доложить, что экишкетъ на киверѣ будетъ неудобенъ при стрѣльбѣ, что при вѣтрѣ онъ будетъ качаться мимо прицѣливающагося глаза.

„Когда-же стрѣлку—сказалъ на это Его Величество—придется стрѣлять въ киверѣ. Въ дѣло онъ конечно пойдетъ въ фуражкѣ". Такимъ образомъ были введены и экишкеты, но не на долго.

Графъ Барановъ, которому были непосредственно подчинены создаваемыя части, на правахъ начальника дивизіи, принималъ самое близкое и сердечное участіе въ ихъ первоначальномъ устройствѣ. Почти ежедневно требовалъ онъ къ себѣ полковника Карцова, входилъ во всѣ подробности, прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы полки дали лучшихъ людей и снабдили ихъ всѣмъ сполна.

Обозъ баталіона сформировался выдѣленіемъ патронныхъ ящиковъ и провіантскихъ телегъ, по равной части,

изъ каждаго полка дивизіи. Денежный ящикъ и лазаретная карета были заказаны вольному мастеру, на отпущенныя деньги. Для ротнаго хозяйства все было выдѣлено изъ полковъ, а лошади, какъ для батальоннаго обоза, такъ и для ротъ, были куплены. Желая щегольнуть первыми, графъ Строгановъ не жалѣлъ денегъ; нѣсколько пріобрѣтенныхъ имъ одномастныхъ четверокъ, ничѣмъ не уступали славившимся въ то время пожарнымъ лошадямъ и годились хоть подъ орудіе.

Для вооруженія батальона были приняты новыя 7-ми линейныя винтовки Литтихскаго заготовленія; аммуниція выдана въ двойномъ количествѣ; каждый нижній чинъ получилъ по 2 мундира, новые ранцы были приняты изъ коммисаріатской коммисіи.

Выше было сказано, что ранѣе всѣхъ формировалась Государева рота, которая первою и удостоилась посѣщенія Его Величества.

Днемъ батальоннаго праздника, по желанію офицеровъ, былъ избранъ день рожденія Государя, 17-го Апрѣля, въ который празднуется память святыхъ угодниковъ Засима и Саватія, соловецкихъ чудотворцевъ. Въ этотъ то именно день, около 9 час. утра, Его Величество, совершая свою обычную утреннюю прогулку, взошелъ въ дворцовый манежъ со стороны зимней канавки. Тамъ въ то время находился командиръ роты штабсъ-капитанъ Янковскій и случайно прапорщикъ Нейдгартъ. Нижніе чины готовились къ молебну. Государь поздоровался съ людьми и милостиво поздравилъ ихъ съ батальоннымъ праздникомъ; затѣмъ обойдя строй и видя что люди безъ лацкановъ, изволилъ сказать, что Онъ уже утвердилъ цвѣтъ сукна и прочіе предметы снаряженія. Это было первое посѣ-

щеніе Государемъ Императоромъ формируемаго батальона и 17-е Апрѣля было первымъ его батальоннымъ праздникомъ. Торжественнаго празднованія нельзя было устроить, потому что выбранные люди другихъ полковъ еще не были переведены.

Появленіе нѣсколькихъ офицеровъ въ первый день Пасхи на выходѣ, въ новой формѣ, съ невиданными публикою отворотами малиноваго цвѣта, возбуждало общее любопытство, особенно гражданскихъ и придворныхъ чиновъ. Многіе изъ нихъ спрашивали офицеровъ: откуда они и какой это полкъ? другіе-же принимали ихъ за иностранцевъ.

Къ концу апрѣля весь личный составъ батальона былъ уже окончательно избранъ, но нижніе чины все еще оставались въ своихъ частяхъ, потому что не легко было Московскому полку очистить занимаемыя имъ полъ вѣка казармы. Старожиламъ ихъ долго казалось, что быть не можетъ, чтобы распоряженіе о ихъ перемѣщеніи не отмѣнилось и что для стрѣлковаго батальона изберутъ другое помѣщеніе. Особенно не легко было убѣдить семейныхъ въ необходимости уступить мѣсто вновь формируемой части. Послѣ неоднократно назначаемыхъ сроковъ, только при вліяніи начальника штаба, въ началѣ мая можно было перевести выбранныхъ людей въ казармы. Переводъ этотъ состоялся 10-го мая и въ тотъ-же день былъ отданъ *первый* приказъ по батальону. Затѣмъ 12-го числа былъ отслуженъ молебенъ, а на другой день роты приступили къ занятіямъ.

Первымъ руководствомъ для обученія людей обращенію съ оружіемъ послужила составленная полковникомъ Карцовымъ, по порученію командира гвардейскаго кор-

пуса генералъ-адъютанта Плаутина, брошюра, подъ заглавіемъ: „Наставленіе для солдатъ о томъ, какъ должно обращаться съ ружьемъ и учиться стрѣлять“. Съ какимъ рвеніемъ въ то время всѣ брались за новое дѣло, видно изъ того, что въ теченіи мѣсяца брошюра разошлась въ количествѣ 14 тысячъ экземпляровъ.

Вмѣстѣ съ формированіемъ ротъ шло и формированіе музыкантской команды. Въ нее поступили лучшіе люди изъ хоровъ резервныхъ полковъ гвардіи. Первымъ капельмейстеромъ въ батальонѣ былъ, произведенный въ чиновники, извѣстный въ то время солистъ на кларнетѣ, Кавалергардскаго полка унтеръ-офицеръ Васильевъ. Но графъ Строгановъ желалъ, чтобы независимо отъ капельмейстера, обученіемъ музыкантовъ занимался лучшій знатокъ духовой музыки, для чего и былъ приглашенъ корнетистъ Императорскихъ театровъ Вурмъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ и достигшій теперь званія главнаго капельмейстера гвардіи.

Сформированіемъ стрѣлковыхъ батальоновъ гвардіи положено было начало тѣмъ новымъ основаніямъ военнаго образованія нижнихъ чиновъ, которыя постепенно развиваясь и испытываясь въ этихъ батальонахъ, входили потомъ въ уставы и инструкціи для другихъ войскъ. Можно сказать, что батальоны были проводниками новыхъ взглядовъ и новыхъ требованій. Теорія стрѣльбы, гимнастика, фехтованіе, обученіе бѣгу, все это, о чемъ до тѣхъ поръ знали только по наслышкѣ и что проходилось кое гдѣ въ спеціальныхъ командахъ разныхъ наименованій, пріобрѣло положительныя основанія и сдѣлалось обязательнымъ. Ниже будетъ сказано, что многое о чемъ до сихъ поръ подтверждается къ исполненію и

на что указывается какъ на не вполнѣ еще привившееся. 25 лѣтъ назадъ уже проэктировалось и испытывалось стрѣлками. Баталіонъ былъ еще не въ полномъ штатномъ составѣ, а на Волковомъ полѣ уже производилась пристрѣлка ружей, формировалась патронная команда, ввѣренная поручику барону Фредериксу. Другая команда, подъ руководствомъ фехтовальнаго учителя Соколова готовила инструкторовъ для ротъ.

29-го мая всѣ штабъ и оберъ-офицеры баталіона представлялись корпусному командиру, при чемъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ объявилъ, что баталіонъ войдетъ въ составъ войскъ, собираемыхъ въ Москвѣ на время священнаго коронованія Государя Императора, для чего будетъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ и расположится лагеремъ на Ходынскомъ полѣ.

Чтобы устроить баталіонъ въ московскомъ лагерѣ возможно удобнѣе, графъ Строгановъ въ первыхъ числахъ іюня поѣхалъ въ Москву на 3 дня. Тамъ онъ не остановился передъ громадною затратою на лагерь собственныхъ средствъ, такъ что удобства перешли уже въ роскошь. Въ то время оканчивалось возобновленіе, послѣ пожара, Большаго театра и возводилось множество временныхъ зданій для народныхъ гуляній. Всѣ эти работы были въ рукахъ извѣстнаго подрядчика Тарасова. Съ нимъ то и заключилъ графъ Строгановъ условіе на постройку для баталіона 12-ти отдѣльныхъ строеній и гимнастическаго городка, за 25 тысячъ рублей.

Для указанія размѣровъ построекъ и распланировки ихъ, а также для провѣрки работъ, по представленію графа Строганова, былъ командированъ въ Москву полковникъ Карцовъ. Ему было приказано явиться тамъ коман-

диру л.-гв. 2-го стрѣлковаго баталіона флигель-адъютанту полковнику князю Барятинскому, формировавшему свой баталіонъ въ с. Хорошовѣ, изъ резервныхъ полковъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ тѣмъ, чтобы условиться съ нимъ о разграниченіи отведеннаго обоимъ баталіонамъ мѣста.

По пріѣздѣ въ Москву, Карцовъ нашелъ работы лагерныхъ строеній въ полномъ разгарѣ. Согласно составленной графомъ Строгановымъ описи, уже было приступлено къ постройкѣ: въ 1-й линіи барака баталіоннаго командира, рядомъ съ нимъ общей офицерской столовой, съ залою для чтенія и канцелярія, съ квартирою адъютанта. Позади ихъ во 2-й линіи строились: баракъ младшаго штабъ-офицера, 4 барака ротныхъ командировъ и ихъ офицеровъ, затѣмъ шли солдатскія кухни, съ навѣсами для столовыхъ, пріемный покой, цейхаузъ и швальня, потомъ музыкантскій баракъ, съ комнатою для капельмейстера и наконецъ конюшни и навѣсъ для обоза. Всѣ постройки возводились не только тщательно, но даже щеголевато, какъ будто баталіону предстояло постоянно занимать этотъ лагерь, а не провести въ немъ всего $2^1/_2$ мѣсяца. Въ послѣдствіи, къ 25 тысячамъ, Тарасовъ выговорилъ еще, чтобы по окончаніи лагеря весь матеріалъ былъ оставленъ въ его пользу.

По возвращеніи изъ командировки младшій, штабъ-офицеръ отдавая отчетъ о постройкѣ лагеря, не могъ не высказать графу Строганову, что считаетъ затраты его на двухъ мѣсячный лагерь слишкомъ большими.

„Ничего, отвѣчалъ графъ, я хочу показать, что ничего не жалѣю для части, которою командую".

Затѣмъ онъ прибавилъ:

„Потрудитесь передать офицерамъ, чтобы никто изъ нихъ не безпокоился брать въ Москву свое хозяйство. Я прошу всѣхъ постоянно обѣдать и ужинать у меня. Когда мнѣ самому нельзя будетъ находиться за обѣдомъ, то прошу васъ быть за меня хозяиномъ".

Подобное вниманіе избавило офицеровъ отъ значительныхъ издержекъ. Для общей столовой былъ нанятъ превосходный поваръ, заказано особое серебро, посуда, бѣлье, съ шифрами и мѣтками л.-гв. 1-го Стрѣлковаго баталіона. По возвращеніи изъ Москвы, графъ подарилъ все это обществу офицеровъ, что и послужило основаніемъ для устройства общей офицерской артели, которая такимъ образомъ основалась первою въ гвардіи.

Впервые, въ полномъ уже составѣ, баталіонъ имѣлъ счастіе представиться Державному Шефу и Основателю своему, на майскомъ парадѣ 1856 года и заслужилъ похвалу за правильность и стройность бѣглаго шага.

Въ то время очень много говорили о такъ называемомъ гимнастическомъ шагѣ Венсенскихъ стрѣлковъ и явилось не мало охотниковъ указывать какъ слѣдуетъ бѣжать этимъ растяженымъ шагомъ. Конечно всякій указывалъ по своему: одни требовали шага въ полтора аршина, съ подпрыжкою наноскахъ, другіе рекомендовали присѣданіе на колѣно. Все это возбуждало не мало недоразумѣній въ фронтовомъ обученіи и порождало частыя измѣненія.

Приготовленія къ московскому лагерю требовали особенной хозяйственности. Въ началѣ іюня выдѣлены были изъ полковъ нижніе чины инвалидныхъ полуротъ, для образованія при баталіонѣ инвалидной команды, первымъ начальникомъ которой былъ назначенъ гвардейской ин-

валидной № 3 роты подпоручикъ Парамоновъ. Баталіонная швальня, подъ надзоромъ подпоручика фонъ-Розенбаха, успѣшно работала надъ новыми мундирами и передѣлывала вторые. Чтобы эта работа могла кончиться къ выступленію, отъ каждаго полка первой гвардейской резервной дивизіи было прикомандировано по 25 портныхъ. Одновременно съ этимъ принималась выдѣленная баталіону часть огородовъ Московскаго полка. Фурштаты, ложенники, лазаретные служителя, оружейники и прочій составъ нестроевыхъ окончательно пополняли и для образованія ротныхъ съѣстныхъ суммъ, каждый резервный полкъ 1-й дивизіи доставилъ въ соотвѣтствующую ему роту 1200 рублей; однимъ словомъ и хозяйственной и строевой работы было не мало.

Между тѣмъ и составъ офицеровъ нѣсколько усилился: 16-го іюня были произведены изъ камеръ-пажей прапорщики баронъ **Дризенъ** и **Столыпинъ**, и переведены изъ Преображенскаго полка прапорщикъ князь **Долгоруковъ** и изъ Московскаго—прапорщикъ князь **Трубецкой**.

Среди усиленныхъ хозяйственныхъ заботъ, батальонъ 23-го Іюня здалъ свой первый инспекторскій смотръ, ближайшему своему начальнику Генералъ-Адъютанту графу Баранову, а 28-го числа Его Величеству угодно было еще разъ видѣть Своихъ стрѣлковъ на смотру, который былъ произведенъ на Царицыномъ лугу, вмѣстѣ съ 1-мъ и 2-мъ учебными стрѣлковыми полками.

За недѣлю до вступленія отправился въ Москву баталіонный квартирмейстеръ *), а на другой день смотра

---

*) Первымъ квартермистромъ былъ переведенный изъ резервнаго Семеновскаго полка, коллежскій совѣтникъ **Николаевъ**.

выступили и квартирьеры при подпоручикѣ Трузсонѣ; имъ было приказано заготовить ротамъ горячую пищу въ Вишерѣ, Бологомъ и Твери.

Выступленіе батальона въ Москву происходило 8-го Іюля: онъ размѣстился въ двухъ поѣздахъ: въ первомъ— перевезенъ былъ по Николаевской желѣзной дорогѣ весь строевой составъ; во второмъ—обозъ и тяжести. За нѣсколько дней до выступленія, Графъ Строгановъ былъ уволенъ въ отпускъ и потому батальонъ 11-го числа вступилъ въ Москву подъ командою полковника Карцова. Дѣйствующіе полки гвардіи прибыли изъ Литвы въ лагерь ранѣе, такъ что офицеры батальона были встрѣчены на Ходынскомъ полѣ бывшими товарищами, послѣ почти двухлѣтней разлуки.

Первые дни по приходѣ были по обыкновенію употреблены на устройство лагеря; но какъ выше было сказано, что всѣ постройки производились по порядку, то все устройство заключалось только въ проведеніи дорожекъ, да въ возведеніи при гимнастическомъ городкѣ большаго полеваго укрѣпленія, въ видѣ люнета съ флангами.

Въ теченіи іюля и первой половины августа мѣсяца лагерная жизнь не представляла ничего особеннаго. Баталіонъ самостоятельно занимался стрѣльбою и строевыми занятіями. Для того чтобы во время фронтовыхъ ученій новыя винтовки не портились приняты были изъ московскаго арсенала гладкоствольныя ружья. Ихъ называли ружьями 2-го комплекта и употребляли при строевыхъ занятіяхъ до 1858 года, а затѣмъ приказано было здать въ петербургскій арсеналъ. Нарѣзныя же ружья употреблялись исключительно для стрѣльбы.

Текущимъ лагернымъ занятіямъ много мѣшала дурная погода, продолжавшаяся почти весь іюль и августъ. Холода и ненастья дошли до того, что разрѣшено было раскладывать костры. Офицеры находя въ своемъ лагерѣ всѣ удобства жизни, рѣдко ѣздили въ Москву и проводили свободное время вмѣстѣ, или въ своей роскошной столовой, или предпринимая общія прогулки по ближайшимъ окрестностямъ. Это постоянное пребываніе въ своей средѣ, много способствовало тому, что въ первый-же годъ своего существованія, офицерское общество вполнѣ слилось, не смотря на то, что было составлено изъ разныхъ частей.

ГЛАВА II.

Въ Москвѣ на коронаціи.

Пріѣздъ Императора въ Петровскій дворецъ. — Прибивка знамени. — Участіе въ этомъ Ея Величества. — Слова Государя. — Освященіе знамени 15 августа. — Празднованіе этого событія. — Посѣщеніе батальона Ихъ Величествами. — Торжественный въѣздъ Ихъ въ столицу. — День коронованія. — Зачисленіе въ батальонъ Герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго. — Коронаціонные торжества.—Состязаніе въ стрѣльбѣ.

Въ первой половинѣ августа начали съѣзжаться въ Москву старшіе начальники войскъ, иностранные послы, представители различныхъ вѣдомствъ и вообще всѣ тѣ, кто присутствовалъ при коронаціи. Приготовленія къ этому событію касались и войскъ. За нѣсколько дней до прибытія Императорской Фамиліи произведены были генералъ-адъютантомъ Сумароковымъ репетиціи общаго парада, объѣзда лагеря и разстановки войскъ при торжественномъ въѣздѣ въ столицу.

Наконецъ насталъ желанный день пріѣзда Государя и всей Царской Фамиліи въ Петровскій дворецъ. Это произошло 14-го августа. День этотъ имѣлъ особенное значеніе для батальона, потому что вечеромъ назначена была прибивка знамени, которое Его Величеству угодно

было пожаловать стрѣлкамъ ко дню священнаго Своего коронованія. Къ $8^1/_2$ часамъ вечера приказано было прибыть въ круглый залъ Петровскаго дворца, всѣмъ генераламъ и командирамъ частей войскъ собранныхъ подъ Москвою, и отъ обоихъ стрѣлковыхъ батальоновъ: всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, фельдфебелямъ, и по одному унтеръ-офицеру и рядовому каждой роты.

Совершаемая по уставу прибивка имѣла свою знаменательную особенность. Государыня Императрица Марія Александровна, возвращаясь съ прогулки, проходила круглый залъ, въ то время, когда полотно было прибито только на половину. По предложенію Государя, Ея Величество благоволила принять участіе въ церемоніи. Она собственноручно вбила гвоздь въ древко и передала молотокъ бывшему на очереди подпоручику Розенбаху. Такимъ образомъ знамя Л.-Гв. 1-го Стрѣлковаго батальона, едва-ли не единственное въ русской арміи, въ прибивкѣ котораго Ея Величество принимала личное участіе.

Въ ознаменованіе того, что всѣ чины батальона взяты изъ частей имѣющихъ георгіевскія знамена, Государю угодно было осчастливить вновь сформированные батальоны, пожалованіемъ имъ таковыхъ-же знаменъ. Навязавъ георгіевскій крестъ подъ орломъ древка, Его Величество, вручая знамя знаменщику, обратился къ окружавшимъ Его офицерамъ съ слѣдующими достопамятными словами:

„*Я даю вамъ прямо георгіевское знамя, жалуемое обыкновенно только за военное отличіе, потому что вы служили подъ такими-же знаменами въ полкахъ изъ которыхъ взяты. Надѣюсь что вы покроете новое свое знамя тою-же славою, какою покрывали полки 1-й дивизіи свои знамена, въ теченіи столѣтія, во всѣхъ случаяхъ, когда*

того требовала воля Государя, и что вы заслужите его своею вѣрною службою и отличіями въ бояхъ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь".

Громкое ура! было отвѣтомъ на милостивыя слова Монарха, а дальнѣйшая служба батальона доказала, что онъ вполнѣ оправдалъ надежды своего Августѣйшаго шефа.

На другой день, въ праздникъ Успенія Божьей Матери, по окончаніи церковнаго парада въ Высочайшемъ присутствіи, у лагерной церкви 1-й гвардейской дивизіи, происходило освѣщеніе знаменъ обоихъ батальоновъ. При этой церемоніи, не обыкновенной и въ обычное время, кромѣ огромной Свиты, присутствовало множество иностранныхъ принцевъ, чрезвычайныхъ пословъ и военныхъ агентовъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Все это придавало ей особенную торжественность.

По возвращеніи подъ сѣнью новаго знамени въ лагерь, для батальона былъ устроенъ праздникъ, продолжавшійся весь день и большую часть ночи. Солдатскія столовыя, интервалы между бараками и палатками, гимнастическія машины, — все было украшено флагами и гирляндами изъ зелени. Фасадъ лагеря представлялъ декорацію изъ трехъ громадныхъ щитовъ. На серединѣ, въ центрѣ Андреевской звѣзды, имѣвшей 6 сажень въ діаметрѣ, былъ вензель Ихъ Величествъ; въ правомъ щитѣ слова: „Боже Царя храни", въ лѣвомъ—„15-е августа 1856 г." Офицерская столовая въ этотъ день была убрана тропическими растеніями, арматурами и въ вѣнкахъ изъ зелени помѣщены были заглавныя буквы полковъ изъ которыхъ сформированъ батальонъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго.

Чтобы судить какимъ обиліемъ явствъ и относительною роскошью отличался приготовленный для нижнихъ чиновъ обѣдъ, достаточно сказать, что на столѣ каждой роты стояло по цѣлому зажаренному быку, съ позолоченными рогами. Въ три часа начался обѣдъ офицеровъ, длившійся, среди всевозможныхъ тостовъ и рѣчей, среди изліянія надеждъ на будущее и дружескихъ, веселыхъ бѣседъ, до наступленія сумерокъ, когда уже начали зажигать иллюминацію. Помощниками полковника Карцова по ея устройству, и вообще по убранству лагеря, были поручикъ баронъ Фредериксъ, подпоручики Розенбахъ и Жербинъ и прапорщикъ Нейдгартъ.

Какъ только стали зажигать первые шкалики, раздался вызовъ всѣхъ на линію, что означало прибытіе кого-либо изъ лицъ Царской Фамиліи. Но ни офицеры, ни нижніе чины не успѣли еще выбѣжать, какъ на серединѣ батальоннаго интервала остановился шарабанъ, въ которомъ находились: Государыня Императрица, съ дежурною фрейлиною, а противъ нихъ Государь и Принцъ Александръ Дармштатскій. Выше названные офицеры подбѣжали къ нимъ первыми, а затѣмъ всѣ другіе стремглавъ спѣшили изъ столовой. Его Величество милостиво расспросилъ какъ стрѣлки празднуютъ, обратилъ вниманіе на приготовляющуюся иллюминацію и окруженный офицерами, шагомъ проѣхалъ по средней дорогѣ, къ баракамъ 2-го батальона, гдѣ празднованіе было тоже въ полномъ разгарѣ. Князь Барятинскій, какъ былъ въ сюртукѣ и безъ фуражки, такъ и подбѣжалъ къ экипажу.

„У тебя кажется празднованіе уже кончается", сказалъ ему Государь.

„Нѣтъ, Ваше Величество, только что начинается“ отвѣчалъ Барятинскій.

„Ну по тебѣ этаго не замѣтно — улыбаясь прибавилъ Императоръ.

„Къ разсвѣту пройдетъ — продолжалъ князь — и мы будемъ на парадѣ какъ слѣдуетъ“ *).

„Надѣюсь“, прибавилъ Государь — и экипажъ, при крикахъ сбѣжавшихся стрѣлковъ поѣхалъ далѣе.

Вечеромъ офицеры обоихъ батальоновъ соединились въ одну семью. Въ то время какъ нижніе чины, любуясь на иллюминацію, гуляли и пѣли на передней линейкѣ, а въ центрѣ лагеря попеременно гремѣли оркестры, офицеры, возлѣ барака князя Барятинскаго и подъ его руководствомъ, варили жжонку. Около 11 час. вечера появились по дорогѣ изъ Кунцова экипажи съ гостями графа Строгонова, приглашенными его супругою на стрѣлковый праздникъ, законченный роскошнымъ ужиномъ. Было уже свѣтло, когда подъ звуки утренней зари, офицеры расходились по своимъ квартирамъ, унося самыя пріятныя воспоминанія о минувшемъ днѣ. Среди этихъ воспоминаній, конечно на всю жизнь каждаго изъ участниковъ, сохранятся два факта, — это милостивое вниманіе къ стрѣлкамъ Государя Императора, выразившееся Его пріѣздомъ въ лагерь вмѣстѣ съ Ея Величествомъ и еще то, что 15-е августа 1856 г. было днемъ перваго сліянія гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ въ одну общую семью, неразрывно идущую рука объ руку, къ цѣли быть всегда достойными милостей и вниманія своего Монарха.

16-го августа, послѣ общаго парада, Государь изволилъ

*) На другой день, 16-го августа былъ назначенъ общій парадъ.

назначить въ батальонъ 8-мь Георгіевскихъ кавалеровъ, изъ партіи прибывшей съ Кавказа. Подобныя назначенія повторялись неоднократно и впослѣдствіи, такъ что въ батальонѣ находилось всегда до 20 человѣкъ, украшенныхъ знакомъ отличія военнаго ордена. Эти представители доблестной Кавказской арміи, своими разсказами о ея подвигахъ, знакомили молодой составъ батальона съ тѣми фазисами боевой жизни, которые потомъ были испытаны имъ въ 1863 и 1877 годахъ.

17-го августа происходилъ торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ въ Москву. При этой церемоніи, батальонъ стоялъ развернутымъ фронтомъ, по правой сторонѣ Тверской улицы, по ея склону отъ дома генералъ-губернатора. Затѣмъ въ немногіе дни, оставшіеся до коронаціи, онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ общихъ ученіяхъ, служившихъ подготовленіемъ къ тѣмъ смотрамъ и маневрамъ, которыя предстояли въ 1-й половинѣ сентября. Одно ученье, бывшее наканунѣ коронаціи памятно тѣмъ, что на немъ былъ раненъ командиръ 2-й роты поручикъ Карцовъ 2-й, по неосторожности стрѣлка 4-й роты, выстрѣлившаго ему въ лицо. Упоминаемъ объ этомъ фактѣ потому, что и въ этомъ частномъ случаѣ выразилось рѣдкое благодушіе покойнаго Государя. Несмотря на величіе предстоящаго на слѣдующій день торжества, Его Величество, узнавъ о происшествіи, приказалъ Лейбъ-окулисту Кабату навѣстить больнаго, слѣдить за нимъ и ежедневно докладывать о ходѣ леченья. Только благодаря этому милостивому участію Августѣйшаго шефа Карцовъ обязанъ сохраненіемъ зрѣнія.

26-го августа послѣдовало торжество Священнаго коронованія. Въ числѣ войскъ разставленныхъ шпалерами

въ Кремлѣ, между соборами, находилась отъ батальона рота Его Величества и музыкантскій хоръ. Они были поставлены на право отъ Краснаго крыльца, между гауптвахтою и Архангельскимъ соборомъ. Такъ какъ Строгановъ, какъ одинъ изъ старшихъ флигель-адъютантовъ, былъ назначенъ участвовать въ шествіи, то передъ ротою полковникъ Карцовъ занималъ его мѣсто. Въ строю съ ротою находились: штабсъ-капитанъ Янковскій, поручикъ графъ Зубовъ, подпоручикъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и прапорщикъ Линдфорсъ; ассистентами при знамени были прапорщики баронъ Дризенъ и Столыпинъ. Въ составъ роты входили по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ отъ каждой изъ другихъ ротъ, съ тѣмъ, чтобы они могли передать своимъ товарищамъ видѣнное ими знаменательное торжество.

Высочайшимъ приказомъ 26-го августа, Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, назначенъ инспекторомъ стрѣлковыхъ батальоновъ и зачисленъ въ 1-й батальонъ *). Съ этого дня началось то дѣятельное участіе, которое обнаруживалъ Герцогъ къ стрѣлковому дѣлу и та польза, которая сдѣлана имъ этой важной отрасли военнаго образованія. Отличія оказанныя стрѣлковыми батальонами на Шипкѣ, при Ловчѣ, Плевнѣ, Горнымъ-Дубнякомъ и Правцѣ, доказали, какъ свято сохранили они въ своихъ рядахъ,

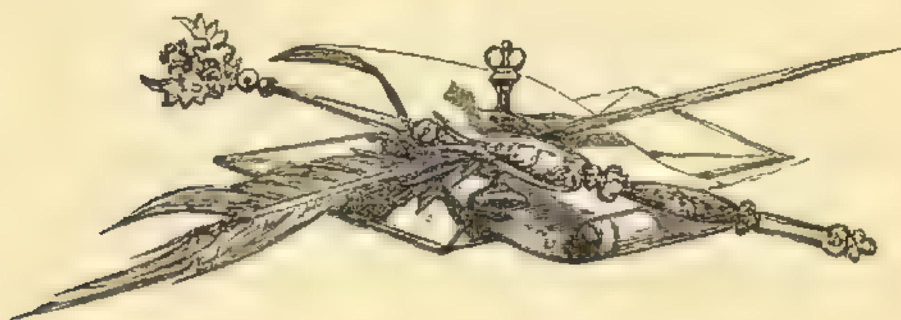
*) Въ день Коронаціи состоялось первое въ батальонѣ по его основаніи производство офицеровъ. Произведены были: въ капитаны —Даниловъ и Янковскій; въ штабсъ-капитаны—Карцовъ 2-й, Межаниновъ, баронъ Зубовъ и баронъ Фредериксъ; въ поручики — графъ Мусинъ-Пушкинъ, Жербинъ, фонъ Розенбахъ и князь Щербатовъ; въ подпоручики — Случевскій, Линдфорсъ и Трузсонъ. Тогда-же произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики Философовъ.

какъ духъ истинной отваги и самопожертвованія, такъ и тѣ методы обученія, которыя проводились покойнымъ инспекторомъ. На другой день Его Высочество прибылъ въ лагерь, гдѣ ему поименно были представлены всѣ штабъ и оберъ-офицеры.

На послѣдовавшіе за днемъ коронованія торжественные праздники и балы, они были постоянно приглашаемы. Связи графа Строганова и его знакомство въ дипломатическихъ кружкахъ, нерѣдко были причиною, что въ батальонъ присылалось, сравнительно съ другими частями, большее число пригласительныхъ билетовъ, на балы къ чрезвычайнымъ посламъ иностранныхъ державъ. Эти лица конкурировали между собою блескомъ и роскошью даваемыхъ ими празднествъ. Среди нихъ прошли первые дни сентября; но къ сожалѣнію имъ немало мѣшала длившаяся почти подрядъ дурная погода, заставившая много разъ отмѣнять смотры и парады. Къ особенно выдающимся празднествамъ, нужно отнести обѣдъ, данный 4 сентября московскимъ купечествомъ, офицерамъ собранныхъ подъ Москвою войскъ. Кромѣ 2000 офицеровъ, къ нему были приглашены фельдфебель, по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ съ каждой роты, что изъ 10-ти дивизій, составляло еще до 3000 человѣкъ. Этотъ обѣдъ происходилъ въ большомъ московскомъ манежѣ.

Хотя въ бытность въ Москвѣ и не было произведено баталіону смотра стрѣльбы въ цѣль, но 5-го сентября состоялось, въ Высочайшемъ присутствіи, общее состязаніе въ стрѣльбѣ офицеровъ, всѣхъ собранныхъ на коронацію войскъ. По большому числу выполнившихъ предварительныя условія, къ состязанію было допущено болѣе 50 офицеровъ. Близь малой Всесвятской рощи поставлено

было нѣсколько богатыхъ шатровъ, для многочисленной свиты и представителей всевозможныхъ иностранныхъ армій. Всѣхъ призовъ было роздано 24 и въ числѣ получившихъ, полковникъ Карцовъ удостоился получить изъ рукъ Государя первый призъ.

ГЛАВА III.

Время командованія графа Строгонова.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Устройство казармъ.—Осеннія и зимнія занятія.—Первый разводъ съ церемоніею.—Участіе въ парадахъ.—Мѣры по стрѣлковому образованію.—Заботы о немъ графа Строгонова.—Первый батальонный праздникъ.—Причисленіе батальона къ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.—Наименованіе Л.-Гв. стрѣлковымъ Его Величества батальономъ.—Весеннія занятія 1857 года.—Устройство лагеря въ Красномъ Селѣ. Стрѣлковый уставъ.—Неудачный смотръ 1-го іюня. Его послѣдствія.—Сцена у графа Баранова.—Вторичный смотръ 6 іюня.—Отставка графа Строгонова.

Празднества Коронаціи закончились 17-го сентября великолѣпнымъ, нѣсколько неудавшимся по ненастью, фейерверкомъ. На другой день баталіонъ, позднимъ вечеромъ, былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, куда и прибылъ 20-го числа.

Данныя баталіону казармы требовали значительнаго ремонта и улучшеній. Все внутреннее устройство надо было измѣнить и примѣнить къ требованіямъ стрѣлковаго дѣла. Первое съ чего пришлось начать передѣлки, это было обращеніе манежа, выходившаго на Загородный проспектъ, въ зимній тиръ. На этотъ предметъ было отпущено 4 тысячи рублей изъ Инженернаго вѣдомства. Скорымъ отпускомъ денегъ, а слѣдовательно возможностью заниматься стрѣльбою во время первой зимы, бата-

ліонъ обязанъ особенному участію графа Баранова, безъ настояній котораго Инженерное вѣдомство никакъ не соглашалось начать работу раньше слѣдующаго года, потому что перестройка эта не входила въ смѣту текущаго. Тогда графъ Барановъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на передачу перестройки баталіону, на коммерческомъ правѣ. Длина манежа равнялась всего 175 шагамъ; отъ нее пришлось удѣлить 15 шаговъ для комнаты, изъ которой производилась стрѣльба. Она была отдѣлена стеклянною перегородкою, съ четырьмя створчатыми форточками, черезъ что четыре человѣка могли стрѣлять одновременно. Окна выходившія на улицу, воизбѣжаніе вылета пуль, пришлось задѣлать, а съ правой стороны, выходящей во дворъ, поставить высокій заборъ. Черезъ это образовался недостатокъ свѣта, что заставило освѣтить тиръ сверху, потомъ устроить нѣсколько большихъ и сильныхъ винтиляторовъ, для вытягиванія дыма, обшить стѣну гдѣ ставились мишени, толстою чугунною бронею и проч. Все это было причиною, что отпущенной на тиръ суммы недостало и командиру баталіона пришлось пополнить передержку.

Офицерскія квартиры казармъ всѣ были отдѣланы заново, а большая квартира бывшаго полковаго командира была обращена въ офицерское собраніе. Въ немъ кромѣ буфета и столовой были: библіотека, билліардная и большой фехтовальный залъ. Такъ какъ графъ Строгоновъ жилъ въ собственномъ домѣ у Полицейскаго моста, то въ казармахъ онъ удѣлилъ себѣ только кабинетъ и пріемную.

Канцелярія, учебная команда, пріемный покой, музыкантная команда получили удобныя помѣщенія. Мебель

и прочія принадлежности пришлось заводить вновь, что тоже потребовало много издержекъ.

Осеннія занятія начались по окончаніи устройства, не ранѣе октября, причемъ главное вниманіе было обращено на приготовительныя для стрѣльбы упражненія прикладку и прицѣлку, на обученіе грамотѣ, фехтованію и гимнастикѣ. Все это въ то время составляло нововведенія, а между тѣмъ не было еще по этимъ предметамъ никакихъ положеній, наставленій и правилъ.

Мало по малу, система занятій принятая въ 1-мъ гвардейскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ сдѣлалась извѣстною въ гвардіи. О ней много говорили въ военныхъ кружкахъ, что понуждало многихъ лично убѣждаться въ сущности этихъ занятій. Всѣ пріѣзжавшіе въ Петербургъ командиры вновь основанныхъ армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, считали необходимымъ посѣщать наши казармы и присутствовать на занятіяхъ. Нѣсколько штабъ-офицеровъ были даже прикомандированы къ баталіону, для изученія стрѣлковаго дѣла, послѣ чего получали армейскія части.

Съ ноября мѣсяца батальонъ, въ очереди съ другими гвардейскими полками, сталъ занимать городской караулъ. Это не очень нравилось графу Строгонову, и какъ онъ не хлопоталъ объ отмѣнѣ распоряженія, которое по его мнѣнію мѣшало стрѣлковому образованію, но оно осталось въ силѣ. Особенно не могъ онъ примириться съ караульнымъ нарядомъ, когда приблизилась очередь дать разводъ съ церемоніей, что происходило по обычаю въ Михайловскомъ манежѣ. Полковнику Карцову пришлось представить Государю первый отъ батальона разводъ, въ воскресенье 30-го января, потому

что графъ Строгоновъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ подалъ рапортъ о болѣзни. Разводъ удался вполнѣ. Герцогъ былъ въ восторгѣ. Въ этотъ день, сколько помнится, было его рожденіе и этому совпаденію нужно приписать приглашеніе Карцова, съ ротными командирами, въ Михайловскій дворецъ на завтракъ, на которомъ присутствовала вся Императорская фамилія.

Кромѣ развода баталіонъ участвовалъ въ этомъ году въ осеннемъ и зимнемъ парадахъ. Къ нимъ готовились такъ сказать урывками; главное же вниманіе было обращено на стрѣлковую спеціальность. Для распространенія между офицерами познаній оружейнаго дѣла, Его Высочество инспекторъ исходатайствовалъ разрѣшеніе, о прикомандированіи одного изъ офицеровъ къ оружейному заводу, а другаго лично къ нему, по званію предсѣдателя комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей. Послѣдній былъ обязанъ принимать участіе въ опытахъ производимыхъ на Волковомъ полѣ, для чего ему было отпущено 200 рублей разъѣздныхъ. Эту командировку получилъ подпоручикъ князь Трубецкой, впослѣдствіи адъютантъ Герцога.

Штатъ батальона былъ окончательно утвержденъ только 17-го ноября. Съ объявленіемъ его графъ Строгоновъ наконецъ убѣдился, что не все имъ желаемое могло быть удовлетворено. Недовольствуясь тѣмъ, что по штату пологалось имѣть въ батальонѣ въ числѣ унтеръ-офицеровъ, отдѣльно учителя гимнастики и фехтованія, онъ сѣтовалъ зачѣмъ не было назначено въ эти должности извѣстныхъ спеціалистовъ, и потому пригласилъ на свой счетъ заниматься фехтованіемъ съ офицерами лучшаго учителя Соколова. Для этого комната смѣжная съ каби-

нетомъ батальоннаго командира была обращена въ фехтовальный залъ. Строгоновъ снабдилъ его выписанными имъ изъ заграницы масками, рапирами, эспадронами и прочими принадлежностями всевозможныхъ образцовъ. За полтора часа до обѣда т. е. въ $2^{1}/_{2}$ часа, всѣ субалтернъ-офицеры обыкновенно собирались въ этомъ залѣ, гдѣ Соколовъ три раза въ недѣлю давалъ имъ уроки.

Для распространенія между нижними чинами любви къ стрѣльбѣ и для возбужденія между ними соревнованія, сдѣлано было распоряженіе о заготовленіи для тира и ротъ красныхъ досокъ, на которыя ежемѣсячно заносили имена лучшихъ стрѣлковъ и учреждены были ежемѣсячныя состязанія въ стрѣльбѣ на призы; по этому поводу отданъ былъ приказъ по батальону:

„Для поощренія нижнихъ чиновъ въ стрѣльбѣ учреждаются отъ моего имени разные призы, которые будутъ раздаваться по слѣдующимъ правиламъ:

1) Призами могутъ быть вещи полезныя для стрѣлка въ служебномъ или домашнемъ его быту, какъ-то: часы, шинель, одѣяло, фуражка, сапожный товаръ, зеркало, щетки и проч.

2) Состязаться могутъ только 4 первые по журналу стрѣлка, за тотъ мѣсяцъ въ которомъ производится состязаніе.

3) Порядокъ состязанія слѣдующій: 4 первые стрѣлка роты, въ присутствіи моемъ и всѣхъ свободныхъ отъ должностей офицеровъ, выпустятъ по одиночкѣ по 5 пуль; изъ нихъ выводится не процентъ, а средній номеръ.

4) Изъ 16 стрѣлявшихъ, отдѣляются 8 старшихъ по среднему номеру и они-то стрѣляютъ уже на призы пятью пулями. Тѣ изъ нихъ, которые станутъ четырьмя первыми, получаютъ призы по порядку старшинства среднихъ нумеровъ.

5) Порядокъ призовъ по достоинству слѣдующій:

Первый	призъ	серебряные часы, цѣною	въ	15 руб.
Второй	„	новая шинель, цѣною . .	„	7 „
Третій	„	одеяло или другая вещь	„	4 „
Четвертый	„	вещь цѣною	„	2 „

6) Получить призъ деньгами можетъ только тотъ, кто однажды уже выигралъ вещь того-же наименованія.

7) Состязающійся стрѣляетъ изъ принадлежащаго ему ружья, съ дистанціи послѣдней стрѣльбы.

Другой приказъ касался стрѣльбы офицеровъ; въ немъ было сказано:

„Необходимо, чтобы каждый офицеръ убѣдился на опытѣ въ пользѣ тѣхъ теоретическихъ правилъ, которыя обязанъ передавать солдату и пріобрѣлъ-бы собственною практикою тѣ сноровки, которыя необходимы, по недостаточно правильному устройству прицѣловъ и неизбѣжны при различныхъ измѣненіяхъ погоды, освѣщенія и силы вѣтра.

Считаю недостаточнымъ для офицера стрѣлковаго баталіона посѣщенія офицерскаго тира, гдѣ стрѣльба ограничивается малыми дистанціями, а потому учреждаю особую офицерскую стрѣльбу, на томъ-же мѣстѣ гдѣ стрѣляютъ роты и гдѣ устроенъ для этого особый валъ. Я вполнѣ увѣренъ, что они съ тою-же охотою, которая проявляется въ нихъ ко всѣмъ отраслямъ стрѣлковаго образованія, поспѣшатъ заняться стрѣльбою, согласно съ слѣдующими правилами.

а) Офицерская стрѣльба назначается три раза въ недѣлю, отъ 11 до 12 часовъ, или отъ 6 до 7½ час. вечера, о чемъ наканунѣ будетъ объявляемо въ приказѣ.

б) Завѣдующимъ офицерскою стрѣльбою назначаю полковника Карцова, которому лично вести отмѣтки въ журналѣ.

в) Стрѣльба допускается изъ ружей всѣхъ системъ и пулями различныхъ формъ, но патроны должны быть собственнаго заготовленія.

г) Первоначальною дистанціею назначаю 300 шаг., по каждую недѣлю дистанція эта будетъ увеличиваться па 100 шаговъ, доколѣ недойдетъ до 1000; произвольно-же переходить отъ одной дистанціи къ другой не дозволяется.

Все это въ настоящее время кажется мѣрами обыкновенными, но тогда имѣло важное значеніе по своей новизнѣ и пользѣ.

Труднѣе всего вводилось бережное обращеніе съ винтовками, ихъ сбереженіе и умѣніе разбирать и собирать ихъ. Имѣя гладкоствольныя ружья, съ которыми поступили стрѣлки въ батальонъ, они привыкли обращаться съ ними иначе, отъ нихъ требовалось одна наружная чистота, безъ разбора средствъ, которыми она достигалась, средствъ весьма часто вредящихъ ружью въ смыслѣ вѣрности выстрѣла. На первомъ осмотрѣ винтовокъ обнаружилось, какъ трудно вселить въ нижнихъ чиновъ вѣру въ пользу новыхъ требованій. Кромѣ того, по возвращеніи изъ Москвы, люди старшихъ сроковъ были уволены и вмѣсто нихъ, на укомплектованіе батальона, поступили нижніе чины изъ расформировываемыхъ резервныхъ полковъ гвардіи. Многіе изъ нихъ оказались малоспособными къ стрѣлковой службѣ; но графъ Строгоновъ не желалъ перемѣнять ихъ, не испробовавъ всѣхъ средствъ сдѣлать, изъ этихъ видныхъ и красивыхъ людей, хорошихъ стрѣлковъ. Съ этою цѣлью онъ образовалъ изъ безуспѣшныхъ, въ каждой ротѣ, особую команду, ввѣривъ ее избранному имъ офицеру. Не смотря на это, еще до начала весеннихъ занятій, пришлось просить о возвращеніи въ полки 70 челов. Чтобы подобные переводы взадъ и впередъ не повторялись, генералъ Платинъ приказалъ: назначаемыхъ изъ полковъ въ стрѣл-

ковый батальонъ людей, не переводя ихъ, прикомандировывать на мѣсяцъ для испытанія и тѣхъ кои окажутся не способными къ стрѣлковой службѣ, передъ возвращеніемъ въ полки, для замѣны другими, представлять на смотръ начальнику штаба, графу Баранову.

Съ приближеніемъ весны, батальону предстояло дать первый отчетъ о своихъ зимнихъ занятіяхъ. Но еще прежде, 17 апрѣля, надо было представиться Государю, по случаю батальоннаго праздника. Въ этотъ день парадъ обоимъ стрѣлковымъ батальонамъ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи въ Михайловскомъ манежѣ. Его Величество остался имъ вполнѣ доволенъ и въ знакъ своего къ батальону благоволенія, назначилъ командира Своей роты, капитана Янковскаго, флигель-адъютантомъ, а батальону повелѣно было именоваться лейбъ-гвардіи стрѣлковымъ Его Императорскаго Величества батальономъ.

Вскорѣ послѣ этого послѣдовало причисленіе батальона, въ строевомъ отношеніи, къ составу 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, но въ хозяйственномъ и административномъ, онъ по прежнему остался въ веденіи графа Баранова, что значительно облегчало всѣ распоряженія и теченіе дѣлъ. Что-же касается штаба инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ, то отношенія къ нему, въ первое время ограничивались представленіемъ копій съ мѣсячныхъ отчетовъ и только весною, съ наступленіемъ полевыхъ занятій, батальонный адъютантъ ежедневно посылалъ въ Михайловскій дворецъ, на французскомъ языкѣ записку о томъ, гдѣ и въ какіе часы роты будутъ производить стрѣльбу.

Почти сряду послѣ батальоннаго праздника происхо-

дилъ майскій парадъ, а затѣмъ наступилъ и періодъ весеннихъ Высочайшихъ смотровъ, по бригадно. Зная что здать подобный смотръ, не то что представить одинъ церемоніальный маршъ, младшій штабъ-офицеръ представлялъ графу Строгонову, о необходимости провѣрить ротныя ученья и заняться батальоннымъ. Но графъ неохотно выслушивалъ то, что несогласовалось съ личными его взглядами и послѣ нѣсколькихъ напоминаній объявилъ, что по его докладу, о необходимости посвятить весеннее время исключительно стрѣльбѣ, смотра батальону съ одною изъ бригадъ не будетъ. И дѣйствительно, въ объявленной по корпусу очереди смотровъ, стрѣлковаго батальона не было. Это исключеніе не нравилось большей части офицеровъ, такъ какъ каждый изъ нихъ привыкъ считать Царскій смотръ праздникомъ и смотрѣлъ на него какъ на знакъ Монаршаго вниманія. Многіе изъ старшихъ офицеровъ немогли уяснить даже возможность подобнаго исключенія для части, съ первыхъ дней своего основанія пользовавшейся особеннымъ благоволеніемъ Государя. Какъ полковникъ Карцовъ ни совѣтовалъ заняться свѣденіемъ батальона, графъ Строгоновъ все таки велѣлъ прекратить строевыя ученья и переѣхалъ на дачу. Съ этихъ поръ всѣ его заботы сосредоточились на устройствѣ для батальона лагеря въ Красномъ Селѣ, куда онъ довольно часто ѣздилъ самъ и еще чаще посылалъ младшаго штабъ-офицера.

Одна изъ поѣздокъ послѣдняго была сдѣлана вмѣстѣ съ командиромъ 2-го батальона княземъ Барятинскимъ. Происходившій въ дорогѣ разговоръ, вполнѣ характеризуетъ описываемое время и обоихъ, первыхъ командировъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Узнавъ что графъ

дѣлаетъ громадныя затраты на лагерныя постройки. князь обратился къ своему спутнику съ слѣдующей фразой:

„Скажите вы Строгонову, чтобы онъ не черезъ чуръ шикарилъ устройствомъ своего лагеря. Онъ разсчитываетъ, что у меня нѣтъ денегъ. Все равно, вѣдь я неуступлю: 30,000 долгу больше или меньше, для меня одинаково, а ужъ я отъ 1-го батальона не отстану".

Хотя младшій штабъ офицеръ и передалъ эти слова графу Строгонову, но это не помогло. Желая съ разу дать лагерю видъ парка, онъ неограничился посадкою молодыхъ растеній и живыхъ изгородей, но затѣялъ перевозку въ лагерь громадныхъ тополей, пихтъ и липъ. изъ имѣнія графини Кушелевой—Лигова, которые вскорѣ засохли и въ первое-же лѣто были вырублены. Лагерныя пострйки производились по подряду. Онѣ были совершенно тѣже что и въ Москвѣ, строились потому же плану, съ прибавкою лазарета и бани на берегу озера. Много трудовъ и денегъ положено было на все это, и благодарная память о первомъ командирѣ, должна на всегда сохраниться между служившими при немъ стрѣлками; самъ же онъ и не воспользовался тѣмъ что устроилъ.

Въ тотъ самый день какъ полковникъ Карцовъ ѣздилъ съ княземъ Барятинскимъ въ Красное, на Семеновскимъ плацу происходилъ смотръ 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ концѣ ученья Государь приказалъ, бывшему при немъ дежурнымъ. генералу Паткулю вызвать батальонъ по тревогѣ. Онъ прибѣжалъ на плацъ, когда полки уже строились въ общую колонну и прошелъ только церемоніальнымъ маршемъ. Потомъ графъ Строгоновъ съ особеннымъ увлеченіемъ говорилъ Карцову:

„Вотъ Вы все толковали о необходимости готовиться къ смотру. Теперь надѣюсь убѣдились что его не будетъ.“

Не далѣе какъ черезъ три дня ему пришлось испытать полное разочарованіе въ своихъ взглядахъ. 27 мая вечеромъ получено было изъ гвардейскаго штаба увѣдомленіе, что 1 іюня, Государь Императоръ изволитъ производить ученье 2-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вмѣстѣ съ стрѣлковымъ баталіономъ Его Величества.

Прежде описанія этого ученья, необходимо сказать, что еще зимою, въ комитетѣ о новой редакціи уставовъ, заявлена была мысль объ упрощеніи для стрѣлковыхъ баталіоновъ нѣкоторыхъ построеній. Въ то время являлось вообще множество проэктовъ, предложеній и заявленій, о необходимости измѣненій въ уставахъ. Между прочими былъ и проэктъ устава, составленный генералъ-адъютантомъ княземъ Васильчиковымъ. Когда онъ не былъ принятъ, то графъ Барановъ поручилъ полковнику Карцову составить уставъ батальоннаго ученья для стрѣлковъ, что было исполнено къ концу апрѣля. Представленный въ Царскомъ селѣ, въ рукописи, Государю, новый стрѣлковый уставъ былъ одобренъ Его Величествомъ. Введенныя въ него упрощенія состояли въ томъ, что стрѣлковые баталіоны должны имѣть только одну колонну, полувзводную изъ середины, что они не наступаютъ иначе, какъ перестроившись предварительно по ротно, движеніе же развернутымъ фронтомъ у нихъ не употребляется, что общаго баталіоннаго каре они не строятъ, что перемѣна фронта не дѣлается изъ развернутаго строя, а по перестроеніи его по ротно. Въ разсыпномъ строѣ особыхъ перемѣнъ проэктировано не было, за исключеніемъ отмѣны нѣкоторыхъ сигналовъ; напротивъ ему

дано большее сравнительно съ полками развитіе, а именно: введено отступленіе перекатными цѣпями, атака цѣпью, разсыпаніе ротъ 2-й линіи назадъ и фланговыхъ въ стороны, подъ угломъ къ фронту 1-й линіи.

По полученіи въ баталіонъ приказанія о предстоящемъ смотрѣ, полковникъ Карцовъ немедленно поѣхалъ къ графу Строгонову, узнать какія онъ сдѣлаетъ распоряженія на остававшіяся три дня до смотра. Видя графа взволнованнымъ и не въ духѣ, младшій штабъ-офицеръ не только не напомнилъ ему о томъ что не слѣдовало прерывать строевыхъ занятій, но старался по возможности успокоить его. Такъ какъ по утрамъ Семеновскій плацъ былъ занятъ другими частями, то было условлено, что утромъ сдѣлаетъ ученье на Царицыномъ лугу младшій штабъ-офицеръ, а вечеромъ его произведетъ на Семеновскомъ плацу графъ Строгоновъ. Необходимо замѣтить, что баталіонъ послѣ зимы ни разу не былъ сведенъ, что ротные командиры и особенно младшіе офицеры, выпущенные осенью, нисколько еще не привыкли къ общимъ ученьямъ, поэтому слѣдовало сначала основательно продѣлать все по ротно. Надо было сдѣлать хотя два ученья безъ баталіоннаго командира, которому многое что дѣлалось не гладко и различно, казалось отличнымъ и многое онъ считалъ лишнимъ, хотя оно требовалось и упрочилось строевыми обычаями.

И въ этотъ разъ, какъ и часто бывало, графъ Строгоновъ неисполнилъ условія. Онъ явился въ половинѣ утренняго ученья на Царицынъ лугъ, находилъ все прекраснымъ, за всякое построеніе благодарилъ, невидя ошибокъ, и когда младшій штабъ-офицеръ хотѣлъ что либо повторить, то отклонялъ это, говоря что все

превосходно и наконецъ, когда далеко еще не все было продѣлано, приказалъ кончить ученье и отмѣнилъ вечернее. Слѣдующій день повторилось тоже самое и такимъ образомъ баталіону предстояло представиться Государю на-удачу и даже впервые на смотру услышать голосъ своего командира, потому что онъ во всѣхъ случаяхъ только присутствовалъ при строѣ, а произносить команды поручалъ младшему штабъ-офицеру. И такъ оставалось всю надежду возложить на ротныхъ командировъ и на одиночное развитіе людей.

1-го іюня, въ 11 часовъ утра, выведенныя на смотръ части были построены въ развернутомъ фронтѣ на Семеновскомъ плацу, покоемъ, слѣдующимъ образомъ: въ правомъ фасѣ—л.-гв. Измайловскій полкъ, тыломъ къ старымъ Егерскимъ казармамъ; средній фасъ составилъ стрѣлковый Его Величества баталіонъ и лѣвый—л.-гв. Егерскій полкъ, тыломъ къ желѣзной дорогѣ. По объѣздѣ войскъ, Государь Императоръ приказалъ стрѣлковому баталіону построить колонну и выдти на середину плаца бѣгомъ. Движеніе было исполнено весьма стройно и когда колонна на бѣгу зашла правымъ плечомъ, чтобы быть лицомъ къ Егерямъ, данъ былъ на походѣ сигналъ—„разсыпаться“. Вмѣсто того чтобы продолжать движеніе впередъ шагомъ, а разсыпающимся полувзводамъ опередить колонну бѣгомъ, гр. Строгоновъ остановилъ баталіонъ, вмѣстѣ съ которымъ остановились и начавшіе отдѣляться полувзводы. Это была первая ошибка неудачнаго смотра. Вторую сдѣлалъ прапорщикъ графъ Комаровскій 2, который, при усиленіи цѣпи на отступленіи, провелъ свой полувзводъ впередъ и разсыпалъ его, чрезъ что образовалось двѣ цѣпи. Чтобы исправить это, Государь приказалъ дать сигналъ „сборъ къ сомкну-

тому фронту“. Сигналъ этотъ, какъ отмѣненный, не входилъ въ стрѣлковый уставъ, а потому горнисты не повторили его. Его Величество обратился тогда къ гр. Строгонову съ вопросомъ, почему нѣтъ исполненія и когда тотъ, не твердо знавшій сигналы, немогъ отвѣтить, съ тѣмъ же вопросомъ былъ посланъ къ младшему штабъ-офицеру дежурный флигель-адъютантъ. „Доложите Государю — отвѣчалъ полковникъ Карцовъ, что этотъ сигналъ отмѣненъ и потому неповторенъ горнистами“. Видимо желая дать батальону возможность поправиться, Его Величество приказалъ собрать его въ колонну и затѣмъ ученье было начато снова, очереднымъ разсыпаніемъ цѣлыхъ ротъ, начиная со 2-й. Затѣмъ первая рота усилила цѣпь правильно, но 3-я приняла сигналъ „разсыпаться“ за перемѣну цѣпи на мѣстѣ. Видя это, Государь приказалъ графу поправить ошибку. Вмѣсто того чтобы собравъ 3 роту направить въ ее цѣпь, Строгоновъ поскакалъ ко 2-й и велѣлъ ее отвести назадъ. Убѣдясь, что одна ошибка слѣдуетъ за другою, Его Величество приказалъ отвѣсти батальонъ въ сторону и началъ ученье Измайловскому полку. Черезъ нѣсколько минутъ прислано было другое приказаніе: отвести батальонъ на дворъ казармъ гдѣ и учить его. Такъ какъ командиръ батальона долженъ былъ оставаться на плацу, до конца ученья, то это было исполнено младшимъ штабъ-офицеромъ.

По окончаніи смотра, гр. Строгоновъ, прибывъ въ казармы, приказалъ всѣмъ офицерамъ собраться къ нему. Онъ былъ крайне взволнованъ. Что происходило когда командиры полковъ выслушивали разборъ ученья Государемъ, Строгоновъ непередавалъ, но потомъ, присутствовавшіе при этомъ, говорили, что Его Величество,

поблагодаривъ полковыхъ командировъ, выразилъ графу свое неудовольствіе, такимъ образомъ: „А вамъ, г. батальонный командиръ стыдно приводить батальонъ на смотръ, незнающимъ сигналовъ. Если я требую этого отъ полковъ, то стрѣлкамъ надо знать сигналы, хотя бы ихъ подняли ночью".

Только что графъ началъ высказывать офицерамъ свое огорченіе, какъ было доложено, что графъ Барановъ прислалъ за младшимъ штабъ-офицеромъ коляску и требуетъ его къ себѣ. По пріѣздѣ въ гвардейскій штабъ, полковникъ Карцовъ долженъ былъ обождать, такъ какъ въ кабинетѣ графа Баранова былъ корпусный командиръ. Во время этого выжиданія вошелъ въ пріемную Строгоновъ. Увидя младшаго штабъ-офицера онъ обратился къ нему съ фразою.

„Я болѣе не останусь батальоннымъ командиромъ".

— Зачѣмъ это говорить графъ,—отвѣчалъ Карцовъ,— неужели одна поправимая неудача, можетъ васъ заставить сдѣлать такую вещь?"

„Пусть поправляютъ другіе,—продолжалъ графъ — я принялъ батальонъ, чтобы сдѣлать изъ него стрѣлковъ, а не для того, чтобы онъ соперничалъ съ полками по фронту".

„Я графъ предварялъ васъ, что нельзя сдавать смотра экспромптомъ и потому надѣюсь, что въ сегоднешней неудачѣ вы упрекать меня не можете", отвѣчалъ Карцовъ.

Въ это время генералъ Плаутинъ, вмѣстѣ съ провожавшимъ его графомъ Барановымъ, проходя пріемную, обратился къ обоимъ присутствовавшимъ съ словами: „Что стрѣлки! Не все васъ будутъ гладить по головкѣ, иногда погладятъ и противъ шерсти".

Проводивъ корпуснаго командира, начальникъ штаба пригласивъ Строгонова и Карцова въ кабинетъ, сказалъ последнему: „Раскажите мнѣ по порядку, какія были на этомъ ученьи ошибки и отъ чего они происходили"?

Толко что начался подробный разборъ ученья, какъ графъ Строгоновъ, взволнованнымъ голосомъ перебилъ разсказъ. Обращаясь къ графу Баранову на французскомъ языкѣ, онъ заявилъ, что если ему разъ было сказано, что смотра не будетъ, то не слѣдовало его дѣлать. Видя что между ними завязывается споръ и что Строгоновъ все болѣе и болѣе горячится, Карцовъ, считая себя лишнимъ, всталъ и хотѣлъ удалиться, но начальникъ штаба остановилъ его, говоря:

„Извольте мнѣ составить и сегодня же прислать записку, въ которой подробно изложите ходъ ученья, объясните бывшія ошибки и укажите кто былъ виноватъ въ нихъ; я доложу записку Государю. Кромѣ того,—продолжалъ гр. Барановъ, обращаясь къ Строгонову, вотъ еще что: Государь приказалъ, чтобы генералъ Гильденштуббе сегодня же вечеромъ сдѣлалъ батальону ученье."

„Я небуду на этомъ ученьи,—возразилъ Строгоновъ— потому что при всемъ моемъ уваженіе къ генералу Гильденштуббе, не могу выѣхать передъ прогнанный съ плаца батальонъ".

Эти слова подали поводъ еще къ болѣе оживленнымъ объясненіямъ. Тогда Карцовъ, находя не скромнымъ быть ихъ свидѣтелемъ и зная что ему же придется представлять вечеромъ батальонъ начальнику дивизіи, просилъ разрѣшенія начальника штаба ѣхать къ нему для полученія приказанія, гдѣ и въ какой формѣ онъ назначитъ вечернее ученье. Строгоновъ остался у графа Баранова.

Генералъ Гильденштуббе, очень хорошо видѣвшій все что было во время смотра, и конечно не пропустившій ни одной ошибки, приказалъ Карцову начать ученье въ 7 часовъ, неожидая его, прибавивъ, что онъ будетъ только присутствовать.

Произведенное ученье принесло несомненную пользу: оно было сдѣлано нетороплиго, систематически. Начальникъ дивизіи, какъ опытный знатокъ строеваго дѣла, ободрялъ людей и успокоивалъ невольно суэтившихся офицеровъ.

На слѣдующій день Карцовъ былъ вновь потребованъ вечеромъ къ начальнику штаба, который объявилъ ему, что записка его доложена Государю, что генералъ Гильденштуббе былъ при докладѣ и съ похвалою отозвался о произведенномъ ученьи и что батальону 6-го іюня назначается вторичный смотръ въ Высочайшемъ присутствіи. Послѣднѣе несказанно обрадовало офицеровъ, видившихъ въ этомъ новую милость Государя и желаніе дать имъ возможность поправить неудачу. Но каково было удивленіе всѣхъ, когда на слѣдующій день, рано утромъ, батальонный адъютантъ князь Щербатовъ пришелъ къ младшему штабъ-офицеру, съ полученною имъ ночью запискою отъ гр. Строгонова, въ которой послѣдній приказывалъ написать и прислать къ его подписи прошеніе объ отставкѣ. Это произвело сильное впечатлѣніе среди офицерскаго общества. Сначала старшіе изъ нихъ, а потомъ и всѣ собрались у Карцова. Общее желаніе было немедленно всѣмъ ѣхать къ Строгонову и просить его неоставлять батальона. Выразивъ мнѣніе, что прежде чѣмъ ѣхать, нужно предварить батальоннаго командира и спросить желаетъ ли онъ принять все общество офицеровъ.

Карцовъ вмѣстѣ съ батальоннымъ адъютантомъ поѣхалъ впередъ. Графъ хотя былъ видимо тронутъ сочувствіемъ офицеровъ, но при всемъ желаніи отклонить общій ихъ пріемъ, немогъ этого сдѣлать, потому что покуда онъ говорилъ съ младшимъ штабъ-офицеромъ въ кабинетѣ, зала дачи уже наполнилась пріѣхавшими. Свиданіе это неимѣло никакого опредѣленнаго результата. Видимо было, что Строгоновъ колебался сказать что либо рѣшительное, хотя отпуская офицеровъ и прибавилъ, что онъ не прощается съ ними.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ приглашалъ офицеровъ партіями, человѣкъ по 10, къ обѣду. Несмотря на интимность этихъ обѣдовъ, никто не рѣшился спросить батальоннаго командира, остается онъ или уходитъ. Извѣстно было только то, что онъ рапортовался больнымъ и потому небудетъ на предстоящемъ вторичномъ смотрѣ. Ходили впрочемъ слухи о какихъ то переговорахъ и о томъ, что князь Васильчиковъ имѣлъ порученіе отклонить Строгонова отъ намѣренія оставить службу. Но какъ общее вниманіе батальоннаго общества сосредочилось на заботѣ какъ бы лучше представиться Государю, то вопросъ о томъ выдетъ ли графъ или останется, отошелъ на второй планъ.

Вступивъ за болѣзнею Строгонова въ командованіе батальономъ, полковникъ Карцовъ, въ продолженіи трехъ дней остававшихся до смотра, занимался по утрамъ ротными ученьями, а по вечерамъ дѣлалъ батальонныя. Накапунѣ же смотра, по распоряженію графа Баранова, ученье было произведено при оберъ-квартирмейстерѣ гвардейскаго корпуса.

6-го іюня Государь Императоръ изволилъ нарочно

прибыть изъ Царскаго Села, и сѣвъ на коня у вокзала, подъѣхалъ къ батальону, стоявшему посреди плаца, въ колоннѣ изъ середины. Принявъ отъ командовавшаго батальономъ рапортъ, Его Величество спросилъ:

„А гдѣ Строгоновъ?

— Онъ нездоровъ Ваше Величество, отвѣчалъ Карцовъ.

Объѣхавъ ряды, Государь вызвалъ впередъ ротныхъ командировъ и изволилъ сказать имъ:

„Въ четвергъ ученье шло неудачно. Этому отчасти виноватъ и я, потому что только наканунѣ просмотрѣлъ вашъ уставъ. Надѣюсь что сегодня будетъ лучше. Я начну ученье съ того, что разведу батальонъ по ротно въ 2 линіи, сдѣлаю наступленіе съ нѣсколькими усиленіями цѣпи, затѣмъ перемѣню фронтъ на лѣво и буду отступать перекатными цѣпями; кончу же атакой вала".

Едва ли это не единственный случай, чтобы Императоръ, передъ началомъ ученья одному батальону, предварялъ о томъ, что ему угодно будетъ смотрѣть. Не ясно ли это доказываетъ, какъ велика была любовь и милость Государя къ Своимъ стрѣлкамъ.

Ученье шло отлично, какъ бы по заранѣе продѣланной программѣ. Единственною ошибкою, и то во время поправленною командовавшимъ батальономъ, прежде чѣмъ Государь замѣтилъ ее, было то, что 4-я рота, вмѣсто усиленія цѣпи впередъ, начала разсыпаться для перемѣны цѣпи на мѣстѣ.

„Скачите къ поручику Меженинову,—сказалъ Карцовъ батальонному адъютанту,—и скажите чтобы велъ роту влѣво въ цѣпь".

„Что такое?—спросилъ Государь, смотрѣвшій въ это время на наступавшія роты.

„Ошибка, Ваше Величество, отвѣчалъ Карцовъ, 4-я рота не разобрала сигнала.

„Оставь, она уже поправляется", — сказалъ Государь.

Дѣйствительно, ловкій и смѣтливый Межанниковъ, въ это время уже велъ роту впередъ.

Послѣ церемоніальнаго марша, Его Величество, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, нѣсколько разъ благодарилъ офицеровъ и стрѣлковъ. Особенно понравился Ему бѣглый шагъ, причемъ присутствовавшій на смотру, только что возвратившійся изъ Парижа, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, изволилъ сказать: „Они бѣжали нисколько не хуже Венсенскихъ стрѣлковъ".

Садясь съ Его Высочествомъ въ коляску, Государь еще разъ подозвалъ Карцова и сказалъ ему:

„Поѣзжай къ Строгонову и передай ему, что я вполнѣ доволенъ батальономъ и жалѣю, что онъ не полюбовался на сегодняшнее ученье".

Прямо съ плаца Карцовъ поѣхалъ къ графу, ожидавшему результата смотра въ своей городской квартирѣ. У него уже находились: командиръ 2-го стрѣлковаго батальона князь Барятинскій, прибывшій тоже прямо съ ученья и генералъ-адъютантъ князь Паскевичъ. Входя въ кабинетъ Карцовъ прежде всего сказалъ, что онъ присланъ Государемъ. Всѣ встали. На повторенное слово въ слово приказаніе Его Величества, графъ Строгоновъ отвѣтилъ: „Радуюсь за Васъ и за батальонъ, который не мнѣ, а Вамъ обязанъ полученными похвалами". Къ этой фразѣ, князь Паскевичъ, опускаясь въ кресло, добавилъ: „Pourtant sa doit vous flaté, mon cher".

Черезъ 5 дней послѣ смотра состоялся Высочайшій приказъ объ увольненіи Строгонова въ отставку и о на-

значенія на его мѣсто, командира Староингерманландскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника князя Шаховскаго; младшему же штабъ-офицеру полковнику Карцову, предписано было принять батальонъ на законномъ основаніи и быть временно-командующимъ, до прибытія вновь назначеннаго командира.

ГЛАВА IV.

Съ 1857 по 1860 годъ.

Характеристика командованія графа Строгонова. — Временное командованіе батальономъ полковника Карцова. — Отношеніе батальона къ штабу инспектора.—Призовая стрѣльба офицеровъ.—Недостатокъ времени для стрѣльбы.—Лагерь 1857 года. Высочайшіе смотры.—Сдача батальона полковникомъ Карцовымъ князю Шаховскому.—Зимнія занятія. Выходъ весною въ Кузьмино.—Постройка красносельской желѣзной дороги. — Перемѣны въ составѣ офицеровъ. — Мѣропріятія Герцога по стрѣлковому дѣлу.

еудачнымъ смотромъ 1-го іюня закончилось четырнадцати-мѣсячное командованіе батальономъ графа Строгонова.

Вообще про это командованіе можно сказать, что оно принесло матеріальной части батальона несомнѣнную пользу. Имѣя большія собственныя средства, Строгоновъ ничего не жалѣлъ для первоначальнаго устройства батальона и для поддержанія его хозяйства. Но какъ самъ онъ былъ вовсе не хозяинъ, то многія его затраты были напрасными и не рѣдко отзывались баловствомъ нижнихъ чиновъ. Такъ напримѣръ, при малѣйшей непогодѣ

и послѣ всякаго продолжительнаго ученья, онъ приказывалъ выдавать стрѣлкамъ винную порцію; непроходило почти караула, послѣ котораго не повторялось-бы тоже самое. Къ числу напрасныхъ затратъ нужно отнести и роскошное устройство, всего на 2 мѣсяца, московскаго лагеря, упорное желаніе щеголять лошадьми, за которыми не было должнаго ухода; содержаніе при музыкантскомъ хорѣ двухъ учителей и т. п. При прощаньи съ батальономъ, происходившемъ уже въ лагерѣ, Строгоновъ, съ разрѣшенія начальника штаба, подарилъ въ каждую роту по 1000 р. Это было допущено на томъ основаніи, что вслѣдствіе прихотливыхъ приказаній о выдачѣ винной порціи, съѣстныя суммы ротъ, передъ здачею батальона были истощены и требовали поддержки. Кромѣ того графомъ было выдано: фельдфебелямъ по 10 р., всѣмъ унтеръ-офицерамъ по 6 р. 50 к., стрѣлкамъ по 2 р. 50 к. и нестроевымъ по 1 р., что составило на батальонъ 2825 р.

Казалось-бы заботы Строгонова о бытѣ нижнихъ чиновъ и частыя для нихъ затраты должны-бы были, при разставаніи съ подобнымъ командиромъ, возбудить въ стрѣлкахъ особое о немъ сожалѣніе. Къ удивленію этого замѣчено не было; напротивъ, равнодушное ихъ отношеніе къ его уходу изъ батальона подтвердило мнѣніе, что русскій солдатъ гораздо болѣе привязывается къ строгому и знающему свое дѣло командиру, нежели къ доброму и балующему его. На вопросъ сдѣланный одному изъ стрѣлковъ, о причинѣ нѣкоторой холодности со стороны людей, выразившейся при отъѣздѣ Строгонова, онъ отвѣчалъ: „ихъ сіятельство точно были очень добры, да только по службѣ съ ними плохо, того и гляди пропадешь на смотру“.

Что касается любви къ стрѣлковому дѣлу, то она была развита въ немъ до страсти, и эта-то страсть къ специальности и порождала неправильный взглядъ на все остальное, доводила до увлеченій, заставлявшихъ забывать, что нельзя всякому вести и обучать свою часть по своему, не подчиняясь: ни общимъ правиламъ, ни требованіямъ времени, ни укоренившимся обычаямъ. Эти-то увлеченія, вмѣстѣ съ излишнею надеждою на свои связи и были причиною, что командованіе Строгонова продолжалось всего годъ и 2 мѣсяца.

Между описаннымъ смотромъ и лагеремъ состоялось еще одно изъ состязаній офицеровъ на призы, на которомъ изъ батальона получили ихъ: поручики Жербинъ и Межениновъ. Такъ какъ призы вообще состояли изъ ружей различныхъ иностранныхъ системъ, то получившихъ ихъ, начальникомъ штаба было приказано, по испытаніи ружей, доставить свои замѣчанія о достоинствѣ и недостаткахъ системы. Въ это же время была сформирована въ Царскомъ селѣ гвардейская учебная стрѣлковая рота, въ составъ которой вошли 5 человѣкъ съ каждой роты, при штабсъ-капитанѣ Жербинѣ.

Съ весны 1857 года отношенія батальона къ стрѣлковому штабу нѣсколько увеличились. Командующій батальономъ, неразъ былъ приглашаемъ начальникомъ этого штаба, генералъ-адъютантомъ Глинкою, для совѣщаній по стрѣлковымъ вопросамъ. Кромѣ того полковнику Карцову было поручено составить правила для производства смотровъ стрѣльбы. Правила эти были испробованы въ присутствіи Его Великогерцогскаго Высочества Инспектора, въ Царскомъ селѣ, при 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ

и затѣмъ служатъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, руководствомъ до сихъ поръ.

Въ теченіи лагеря 1857 года, составъ офицеровъ батальона пополнился выпущенными изъ камеръ-пажей: Желтухина 1, Яковлева и Толстаго; изъ школы подпрапорщиковъ: Охотникова, Козлова 2, графа Цукато, Шуленникова и Аничкова.

Проводя лѣто въ Ораніенбаумѣ, Герцогъ неразъ требовалъ туда командующаго батальономъ, для личныхъ приказаній по части стрѣлковаго дѣла. Его Высочеству сразу хотѣлось разширить его программу. Онъ уже тогда выражалъ желаніе, чтобы батальонъ самъ себѣ приготовлялъ патроны, чтобы введена была стрѣльба въ подвижныя и выскакивающія мишени, чтобы обученіе глазомѣру велось систематически. Все это было тогда неслыханною новостью. Но условія красносельскаго лагеря недопускали исполненія подобныхъ требованій. То что батальонъ долженъ былъ принимать участіе въ дивизіонныхъ ученьяхъ, въ большихъ и малыхъ маневрахъ, являться на смотры строевые и стрѣльбы всѣхъ начальниковъ, на что уходила большая часть учебныхъ дней, все это неохотно принималось Герцогомъ во вниманіе. На представленныя въ особой запискѣ доводы о затрудненіяхъ, Его Высочество въ предписаніи отъ 21-го іюня излагалъ: „Мнѣ извѣстно какъ значительное разстояніе, которое люди проходятъ идя на стрѣльбу, такъ и другія затрудненія, встрѣчаемыя въ лагерѣ, но нужно умѣть преодолѣвать препятствія и офицеръ проникнутый чувствомъ долга достигнетъ этого“.

Приводя ниже подробное распредѣленіе занятій батальона въ красносельскомъ лагерѣ, скажемъ, что изъ 52

дней лагерной стоянки, 30 дней, несчитая праздниковъ, были изъяты отъ домашнихъ занятій и если приложить 10 праздниковъ, то для занятія своею специальностью батальонъ имѣлъ всего 12 дней *).

Несмотря на недостатокъ времени для занятій, лагерь былъ крайне удачный. На всѣхъ ученьяхъ, смотрахъ и маневрахъ батальонъ заслуживалъ похвалы. Стрѣльба, по недавности ея изученія, не могла дать особенныхъ результатовъ, но все таки была найдена удовлетворительною. Сравнительно съ настоящимъ ея состояніемъ, она тогда только начинала пріобрѣтать значеніе.

15 августа батальонъ участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ невѣсты Великаго Князя Михаила Николаевича, а 30-го полковникъ Карцовъ, послѣ трехъ-мѣсячнаго командованія на законномъ основаніи, здалъ его только теперь прибывшему, флигель-адъютанту князю Шаховскому,

*) 12, 13 и 14 іюня—вступленіе въ лагерь и его устройство.
17 іюня смотръ стрѣльбы Герцогомъ на ближнія дистанціи.
18 „ смотръ имъ же гимнастики и фихтованія.
21 „ смотръ стрѣльбы начальникомъ дивизіи.
26 „ инспекторскій смотръ начальника дивизіи.
30 „ батальонъ на малыхъ маневрахъ.
2 іюля смотръ гимнастики и фихтованья корпуснымъ командиромъ.
4 и 6 дивизіонныя ученья.
10 „ батальонъ на ученьи 2-й дивизіи изображаетъ непріятеля.
12 и 14 малые маневры.
17 „ смотръ Герцога на дальнія дистанціи.
18 „ повѣрка генераломъ Глинкою глазомѣра теоріи стрѣльбы зборки и разборки ружей.
25 „ ученье противъ 3 дивизіи.
26 „ Высочайшій смотръ при 1-й дивизіи.
28 „ тревога; 29 отдыхъ.
30 „ Высочайшій смотръ стрѣльбы.
31 „ Корпусное ученье.
Съ 1 по 8 августа большія маневры.

самъ же былъ назначенъ командиромъ 3-го стрѣлковаго баталіона.

Дальнѣйшій ходъ какъ служебной такъ и бытовой жизни батальона Его Величества, излагается нами уже не по личнымъ воспоминаніямъ, но по оффиціальнымъ источникамъ и по указаніямъ лицъ служившихъ впослѣдствіи.

Вмѣсто Карцова, на должность младшаго штабъ-офицера, поступилъ переведенный изъ л.-гв. Семеновскаго полка полковникъ князь Крапоткинъ. На него князь Шаховской возложилъ полное распоряженіе всѣми занятіями въ ротахъ, въ учебной, гимнастической и фихтовальной командахъ.

Съ осени 1857 года начали обращать особенное вниманіе на обученіе нижнихъ чиновъ грамотѣ, вошедшей съ того времени въ число нетолько обязательныхъ, но едвали не главныхъ отраслей образованія. Постепенно развиваясь, она получила потомъ преобладающее значеніе, такъ что въ унтеръ-офицеры разрѣшалось производить только прошедшихъ учебную команду. Люди каждой роты были раздѣлены по грамотности на три разряда.

Зима 1857—58 года прошла подобно предшествовавшей. Батальонъ точно также участвовалъ во всѣхъ общихъ парадахъ и при всѣхъ случаяхъ удостоивался Высочайшаго благоволенія. Съ этой же зимы начались въ Михайловскомъ манежѣ спеціальные смотры гимнастики и фихтованія, корпуснымъ командиромъ и инспекторомъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Такъ какъ эти смотры и повѣрки занятій теоріею стрѣльбы, командируемыми Герцогомъ лицами, повторялись и въ слѣдующіе года, то мы не будемъ болѣе упоминать о нихъ.

Съ наступленіемъ весны 1858 года, Его Высочество инспекторъ, во вниманіе къ тому, что при стоянкѣ въ Петербургѣ, сопряженной съ несеніемъ гарнизонной службы, батальону весьма трудно заниматься стрѣльбою, а въ лагерѣ для нее почти нѣтъ времени, исходатайствовалъ разрѣшеніе, о выводѣ батальона съ 1-го мая до лагеря, въ деревню Кузьмино, что близъ Царскаго Села, въ которомъ имѣлъ постоянныя квартиры 2-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ, переименованный въ Царскосельскій. Вслѣдствіе этого временнаго перемѣщенія, батальонъ получилъ возможность систематически проходить стрѣльбу на ближнія дистанціи до лагеря. Всѣ его хозяйственныя заведенія, инвалидная и нестроевая команды оставались въ Петербургѣ. Подобныя весеннія передвиженія повторялись ежегодно, покуда батальонъ квартировалъ въ столицѣ. Высочайшій дворъ тоже всякую весну находился въ Царскомъ Селѣ, поэтому всякое воскресенье офицеры присутствовали при выходахъ, приглашались въ придворные спектакли, были при производимыхъ частямъ царскосельскаго гарнизона смотрахъ и ученьяхъ. Въ концѣ Кузьминской стоянки, Государь обыкновенно производилъ батальону, на Софійскомъ плацу, ученье вмѣстѣ съ Образцовымъ полкомъ и Царскосельскимъ батальономъ, послѣ чего вскорѣ выступали въ лагерь. Вся особенность его, противъ предшествовавшихъ, заключалась въ томъ, что онъ впервые былъ на Высочайшемъ смотру стрѣльбы въ цѣль, въ полномъ составѣ, тогда какъ прежде для этого назначались извѣстные взводы ротъ, или которая либо изъ нихъ цѣликомъ.

По окончаніи лагеря, часть батальона, въ числѣ 120 человѣкъ, была оставлена въ Красномъ селѣ, для устрой-

ства батарей артиллерійскаго полигона. Кромѣ того, сводная команда отъ всѣхъ ротъ, всю осень находилась на вольной работѣ, въ деревнѣ Константиновкѣ, при постройкѣ Красносельской желѣзной дороги. Эта команда была ввѣрена штабсъ-капитану Меженинову, въ помощь которому назначались, по очередно, на недѣлю, по одному офицеру изъ каждой роты. Работа продолжалась до 22 октября и доставила чистаго заработка 4000 рублей. Весною наступившаго 1859 года, вновь было послано 540 чел. для окончанія дороги, которая и была открыта передъ лагеремъ.

Въ этомъ году, въ первый разъ, вышелъ приказъ Герцога, съ сравнительными результатами смотровыхъ стрѣльбъ всѣхъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Издаваемые потомъ ежегодно, подобные приказы много способствовали полѣзному между батальонами соревнованію. Кромѣ этого, Его Высочество желалъ лично убѣдиться какъ идутъ въ ротахъ зимнія занятія, для чего нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ казармы. Вообще описываемое время было временемъ какъ бы опытовъ, для выработки системы веденія занятій и опредѣленія требованій. Иначе трудно понять, съ какою цѣлью начальникъ штаба инспектора дѣлалъ батальону смотръ стрѣльбы въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на Волковомъ полѣ и испытывалъ въ стрѣльбѣ офицеровъ въ декабрѣ, когда новый курсъ еще не начинался и люди, по возвращеніи съ работъ, не сдѣлали еще ни одного выстрѣла.

Въ началѣ 1859 года возвратился въ батальонъ первый выпускъ кончившихъ образованіе въ учебной гвардейской стрѣлковой школѣ и съ ними поручикъ Жербинъ, произведенный за отличіе въ штабсъ-капитаны. Онъ былъ немедленно назначенъ завѣдующимъ оружіемъ и учебною

командою, въ которой преподаваніе предметовъ было распредѣлено между его помощниками, прапорщиками Козловымъ 2 и Аничковымъ.

Что касается внутренней жизни батальона, то она шла своимъ обычнымъ теченіемъ. Въ личномъ составѣ офицеровъ происходили довольно частыя перемѣны и уже большая половина бывшихъ 4 года назадъ, при сформированіи батальона, вышли изъ него. Ихъ замѣнили выпускаемыя преимущественно изъ Пажескаго корпуса и изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ *). Съ 1859 года начались почти ежегодныя поступленія офицеровъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Первыми, изъявившими на это желаніе, были подпоручики: графъ Комаровскій 2 и батальонный адъютантъ князь Щербатовъ, вмѣсто котораго былъ назначенъ адъютантомъ подпоручикъ Толстой. Въ слѣдующемъ же году поступили въ академію подпоручики Случевскій и князь Долгоруковъ.

Занятыя баталіономъ бывшія московскія казармы, насколько возможно, съ каждымъ годомъ улучшались. Сначала въ нихъ были отремонтированы флигеля учебной команды, музыкантскій и пріемнаго покоя; потомъ заново отдѣланъ лѣвый офицерскій флигель, что дало возможность многимъ субалтернъ-офицерамъ перейти съ вольныхъ квартиръ въ казармы. На внутреннемъ ихъ дворѣ устроены были зимнія горы для катанья, причемъ для стрѣлковъ опредѣлены были часы между утренними и послѣобѣденными занятіями. По вечерамъ горы иногда иллюминовали и во время катанья играла музыка.

*) Изъ приложеннаго въ концѣ списка всѣхъ служившихъ въ батальонѣ видно, кто когда и откуда былъ произведенъ или переведенъ и кто когда и куда выбылъ.

25-го іюня 1859 года происходило торжественное открытіе памятника Императору Николаю 1-му. Для этого батальонъ былъ перевезенъ, накануне, по железной дороге изъ лагеря въ Петербургъ. Во время же самой церемоніи онъ стоялъ противъ восточнаго фасада Исакіевскаго собора, тыломъ къ дому Военнаго Министерства.

Во время лагеря этого года, впервые была объявлена къ руководству программа летнихъ занятій для стрелковыхъ батальоновъ, въ которой уже тогда указывалось на важность развитія разсыпнаго строя и на необходимость, при маневрированіи малыми частями, предоставлять более самостоятельности ротнымъ командирамъ. Ученье указано было вести въ виде решенія известной задачи, причемъ рекомендовалось, во время маневрированій, избегать обходовъ. Однимъ словомъ многое, что чрезъ несколько летъ потомъ рекомендовалось, какъ нововведеніе, уже тогда требовалось и исполнялось въ батальоне. Такъ напримеръ, Его Высочество Герцогъ еще въ 1860 году предписывалъ, чтобы административное разделеніе ротъ на капральства и десятки, согласовалось съ строевымъ деленіемъ на полувзводы и отделенія. Тогда еще не существовало устава овнутренней службе, а между темъ въ баталіоне строго требовалось, чтобы фельдфебеля и унтеръ-офицеры всегда знали расходъ людей, чтобы офицеры отвечали за образованіе своихъ капральствъ, чтобы гимнастика и въ особенности прикладка и прицеливаніе были ежедневными упражненіями. Не есть ли это новое доказательство, что гвардейскіе стрелки служили проводниками всехъ техъ улучшеній въ системе образованія, которыя делались обязательными и узаконялись много летъ спустя.

Изъ приказовъ Его Высочества Герцога, а равно и командира гвардейскаго корпуса генерала Плаутина можно видѣть, что батальонъ Его Величества, нѣсколько лѣтъ сряду былъ первымъ по гимнастикѣ и фехтованью, что стрѣльба его почти всегда колебалась между очень хорошею и отличною. Офицеры батальона постоянно стрѣмились, не только къ личному въ ней усовершенствованію, но всѣми силами старались развить рвеніе къ этому дѣлу нижнихъ чиновъ и поощрять ихъ къ нему усердіе.

Послѣднее выразилось общимъ желаніемъ учреждать, во время лагеря, ежегодную подписку на призы, для состязанія лучшихъ стрѣлковъ всѣхъ стрѣлковыхъ батальоновъ и стрѣлковыхъ ротъ корпуса. Первое подобное состязаніе произведено было, въ Высочайшемъ присутствіи, въ лагерѣ 1860 года, причемъ Его Величество изволилъ выразить офицерамъ свою благодарность.

Какъ на замѣчательную мѣру поощренія за отличную стрѣльбу, укажемъ, что по предложенію бывшаго товарища Военнаго министра, князя Васильчикова, состоялось распоряженіе, чтобы отличные стрѣлки были увольняемы, ранѣе срока, въ безсрочный отпускъ, съ тѣмъ, чтобы этими людьми укомплектовывались стрѣлковые батальоны при приведеніи ихъ въ военный составъ. Положеніе о приведеніи этой мѣры въ исполненіе было составлено въ штабѣ Герцога, который тогда-же исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, объ увольненіе изъ батальона ежегодно по 10 лучшихъ стрѣлковъ, какихъ бы сроковъ службы они ни были. Подъ условія составленныхъ правилъ, въ батальонѣ въ первый же годъ подошли 15 чел. и всѣ они, по докладу Его Высочества Государю, были уволены.

Хотя офицерское общество батальона, какъ замѣчено выше, часто измѣнялось, ежегоднымъ приливомъ новыхъ членовъ и постепеннымъ уходомъ прежнихъ, но прежнія тенденціи и направленіе постоянно поддерживались.

Описывать подробно каждый годъ мирной службы и жизни батальона, его лагери, смотры и зимнія занятія, значило бы вдаваться въ повторенія, а потому при дальнѣйшемъ разсказѣ, мы будемъ упоминать только о томъ, что почему либо имѣло особое вліяніе и значеніе.

ГЛАВА V.

Переводъ батальона въ Царское Село.

Мысль о выводѣ батальона изъ Петербурга. — Учрежденіе хозяйственнаго комитета. — Назначеніе командиромъ полковника Ребиндера. — Перемѣщеніе въ Царское Село. — Окончательное подчиненіе батальона дивизіи. — Рота Его Величества на тысячелѣтіи Россіи. — Польскій мятежъ. — Внезапное вступленіе въ Ригу.

наменательный по исторической реформѣ 1861 годъ, начался для батальона предвареніемъ, что имѣется въ виду перевести его на постоянное квартированіе въ Царское Село. Поводомъ къ этой не совсѣмъ пріятной для батальона перемѣнѣ, служило во первыхъ то, что батальонъ неуспѣвалъ до лагеря и въ теченіи его проходить курсъ стрѣльбы безъ торопливости; во вторыхъ, что караульная служба Петербурга, отнимала время отъ зимнихъ занятій и въ третьихъ, что начальству гораздо удобнѣе будетъ слѣдить за ходомъ и однообразіемъ обученія, когда всѣ три стрѣлковые батальона гвардіи соединятся въ одномъ мѣстѣ. Перемѣщеніе предполагалось произвести послѣ лагеря.

Совершившееся въ февралѣ того же 1861 года освобожденіе крестьянъ, косвенно коснулось и батальона. Изъ числа его офицеровъ, нѣкоторые воспользовались правомъ принять личное участіе въ составленіи уставныхъ гра-

мотъ, почему и были уволены въ отпуска, съ сохраненіемъ содержанія до 4 мѣсяцевъ и съ правомъ во всякое время возвратиться къ прежнимъ должностямъ.

Въ томъ же году произошла весьма важная перемѣна въ управленіи батальономъ. 3-го мая состоялось Высочайшее повелѣніе, о введеніи въ немъ хозяйственнаго комитета, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ другихъ частяхъ гвардіи. Первымъ предсѣдателемъ комитета былъ полковникъ Даниловъ, членомъ—капитанъ Розенбахъ и дѣлопроизводителемъ—поручикъ Нейдгартъ. За нѣсколько дней до введенія новаго хозяйственнаго управленія, послѣдовала перемѣна батальоннаго командира. Произведенный въ генералы, князь Шаховской здалъ батальонъ, назначенному изъ л.-гв. Преображенскаго полка, флигель-адъютанту полковнику Ребиндеру.

Вслѣдствіе назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, лагерь этого года отличался особенною дѣятельностію. Его Высочество впервые ввелъ тогда смотры стрѣльбы съ неопредѣленныхъ дистанцій, производимые потомъ ежегодно.

Возвратясь изъ лагеря, батальонъ началъ свое переселеніе въ Царское село. Тамъ небыло еще готово для него помѣщенія, а потому сначала была переведена одна 2-я рота, которую временно помѣстили въ зданіи бывшаго кадетскаго корпуса; прочія роты, 29 октября, сряду послѣ осенняго парада, перешли въ Павловскъ, въ казармы расформированнаго образцоваго кавалерійскаго полка.

Не легко было батальону разставаться съ своими Петербургскими казармами, тѣмъ болѣе, что улучшаясь съ

каждымъ годомъ, онѣ были въ это время вполнѣ устроены. Въ особенности горевали о перемѣщеніи офицеры, имѣвшіе въ столицѣ много родныхъ и знакомыхъ. Какъ ни быстро и удобно сообщеніе съ Царскимъ селомъ, но оно ни въ какомъ случаѣ не замѣняло возможности ежедневно быть въ обществѣ и пользоваться удовольствіями большаго города. Хозяйственныя заведенія и тяжести батальона оставались еще два мѣсяца въ Петербургѣ, такъ что батальонъ окончательно очистилъ бывшія свои казармы только въ концѣ декабря.

Первую половину 1862 года баталіону пришлось провести разбросаннымъ; одна половина его стояла въ Царскомъ, другая въ Павловскѣ, что представляло большое неудобство относительно наблюденія за занятіями и особенно за стрѣльбою. Кромѣ того, для батальонныхъ ученій, для разводовъ, наконецъ для всякой хозяйственной надобности, людямъ расположеннымъ въ Павловскѣ приходилось дѣлать взадъ и впередъ, лишнихъ 8 верстъ.

Для парада въ день батальоннаго праздника, роты были перевезены 16 апрѣля въ Петербургъ, гдѣ расположились въ бывшихъ своихъ казармахъ. Тамъ, въ канунъ праздника, по обыкновенію была отслужена протопресвитеромъ Бажановымъ всенощная, въ присутствіи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. На слѣдующій день батальонъ, вмѣстѣ съ Царскосельскимъ стрѣлковымъ, представился на дворцовой площадкѣ своему Августѣйшему шефу. Два дня спустя состоялся майскій парадъ, а затѣмъ 8 мая, батальонъ въ первый разъ далъ разводъ съ церемоніею, на дворѣ большаго Царскосельскаго дворца. При всѣхъ этихъ случаяхъ, равно какъ и за лагерные смотры, батальонъ удостоивался постоянныхъ похвалъ.

Особенно же имъ былъ доволенъ Его Высочество Герцогъ, объявившій въ приказѣ благодарность батальонному и ротнымъ командирамъ „трудами которыхъ — сказано въ приказѣ—батальонъ, какъ относительно наружнаго вида, такъ и служебнаго развитія, доведенъ до совершенства".

Съ оставленіемъ генералъ-адъютантомъ графомъ Барановымъ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса, состоялось распоряженіе, о полномъ подчиненіи батальона во всѣхъ отношеніяхъ, начальнику 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, командующимъ которою былъ въ то время генералъ-маіоръ Дрентельнъ. Онъ немедленно по объявленіи объ этомъ въ приказѣ, произвелъ батальону инспекторскій смотръ и затѣмъ въ теченіи семилѣтняго начальствованія дивизіею, постоянно входилъ во всѣ подробности строеваго управленія батальономъ, такъ что только стрѣлковая спеціальность оставалась въ веденіи штаба Инспектора.

Въ концѣ 1862 г. произошла перемѣна и въ штатѣ батальона. Во первыхъ въ немъ положено было имѣть, вмѣсто одного, двухъ младшихъ штабъ-офицеровъ; во вторыхъ — данные при сформированіи, въ числѣ нестроевыхъ, особые портные и сапожники были включены въ строевые и въ третьихъ—составъ батальона опредѣлялся: для военнаго времени въ 900, а для мирнаго — въ 600 человѣкъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа батальонъ былъ увѣдомленъ, что рота Его Величества, въ составѣ своднаго гвардейскаго стрѣлковаго батальона, будетъ участвовать въ открытіи, въ Новѣгородѣ, памятника тысячелѣтія Россіи. Вслѣдствіе этого, означенная рота, въ составѣ 21 унтеръ-офицера, 43 музыкантовъ, 176 стрѣлковъ и 10

нестроевыхъ, 30 августа была доставлена по Царскосельской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, откуда въ одномъ эшелонѣ съ ротами Царскосельскаго и Императорской фамиліи батальоновъ, въ 3 часа дня, тронулась по Николаевской дорогѣ до Чудова, куда прибыла въ тотъ же вечеръ. При ротѣ находились: полковникъ Межениновъ, командиръ роты капитанъ Розенбахъ, поручики—Сталыпинъ и Роопъ, подпоручики—Гоголь и Козловъ 2 и прапорщики—Данзасъ и Евреиновъ.

Отъ Чудова до Новгорода рота слѣдовала по шоссе, тремя переходами и прибыла въ него 2-го сентября, гдѣ расположилась въ казармахъ гренадерскаго сапернаго баталіона. 8 сентября стрѣлки участвовали въ торжественномъ открытіи памятника и въ общемъ парадѣ и 12-го возвратились въ Царское село.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, послѣ шести мѣсячной стоянки въ двухъ мѣстахъ, батальонъ соединился въ передѣланныхъ для него казармахъ бывшаго образцоваго пѣхотнаго полка. При устройствѣ новаго помѣщенія небыли забыты семейства нижнихъ чиновъ, которыхъ въ то время было еще довольно много. Изъ дѣлъ видно, что для помѣщенія семейныхъ было отдѣлано, въ зданіи Александровскаго корпуса, 30 отдѣльныхъ нумеровъ.

Начавшіяся въ началѣ 1863 года смуты въ Царствѣ польскомъ, застали батальонъ среди вполнѣ мирныхъ занятій: никто въ немъ и не помышлялъ о возможности принять участіе въ усмиреніи мятежа. Великій Князь Николай Николаевичъ, желая ближе ознакомиться съ личнымъ составомъ батальона, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Царское, то для повѣрки успѣховъ одиночнаго обра-

зованія, то для испытанія унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Но вскорѣ послѣ отправленія въ Литву 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣдовало въ батальонъ предписаніе прекратить увольненіе въ отпуска. Это было какъ бы предвареніемъ о возможности похода и для стрѣлковъ.

Въ то время какъ возстаніе перешло изъ Польши въ Литву, изъ заграничныхъ свѣдѣній было узнано, что польскіе эмигранты формируютъ, около Гамбурга и Любека, банду волонтеровъ, съ которою хотятъ, обойдя на пароходѣ прибрежья Пруссіи, высадиться въ Курляндіи, съ цѣлью оказать содѣйствіе возстанію въ Ковенской губерніи. Донесенія Рижскаго генералъ-губернатора барона Ливена подтвердили эти слухи и тогда было рѣшено: для охраненія прибрежій Курляндіи, отправить въ Ригу стрѣлковые батальоны гвардіи.

12-го марта, рано утромъ, совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Царское командующій дивизіею, генералъ Дрентельнъ, приказалъ всѣмъ офицерамъ собраться въ дежурную комнату, гдѣ и объявилъ, что батальонъ черезъ день выступаетъ въ Ригу. Это извѣстіе произвело неописанную радость. Все встрепенулось и ожило, особенно когда узнали, что Государю угодно, передъ отправленіемъ, видѣть своихъ стрѣлковъ и проститься съ ними. Для смотра батальонъ 13 числа ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ въ Михайловскомъ манежѣ, представился Его Величеству, вмѣстѣ съ Самогитскимъ гренадерскимъ полкомъ, направляемымъ въ Царство Польское. Прощаясь, Августѣйшій Шефъ выразилъ увѣренность, что стрѣлки оправдаютъ Его надежды.

По возвращеніи въ тотъ же день въ Царское село, на дворѣ казармъ былъ отслуженъ напутственный моле-

бенъ, послѣ котораго роты и чины хозяйственнаго управленія всю ночь были заняты укладкою и сборами къ походу. Только благодаря общей энергіи, все было окончено и къ разсвѣту обозъ батальона былъ на желѣзнодорожной станціи.

Такъ какъ въ предстоящемъ походѣ батальону довелось принять первое крещеніе боевымъ огнемъ, то назовемъ поименно тѣхъ офицеровъ, которые выступили въ первый, по сформированіи, военный походъ.

Въ день выступленія въ строю находились:

Командиръ баталіона, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Ребиндеръ*.

Младшіе штабъ-офицеры, полковники: *Даниловъ* и графъ *Зубовъ*.

Капитаны: *Жербинъ*, *Розенбахъ* и графъ *Комаровскій 2*.

Штабсъ капитаны: *Нейдгартъ*, князь *Долгоруковъ*, баронъ *Дризенъ* и *Столыпинъ*.

Поручики: *Роонъ*, *Желтухинъ*, *Козловъ 2-й* и баронъ *Врангель*.

Подпоручики: *Лебедевскій*, *Кабатъ* и *Данзасъ*.

Прапорщики: *Евреиновъ* и *Гоголь*.

Старшій врачь *Евлановъ*.

Прочіе офицеры, находившіеся въ отпускахъ и командировкахъ, какъ-то: Меженниновъ, Челищевъ, Чаадаевъ и Аничковъ, присоединились къ батальону впослѣдствіи.

Что касается состава нижнихъ чиновъ, то при выступленіи онъ былъ даже слабѣе штата мирнаго времени. Это произошло во первыхъ отъ того, что Высочайшее повеленіе о приведеніи въ военный составъ послѣдовало только 23 марта, т. е. черезъ недѣлю по выступленіи, а во вторыхъ, что отъ похода были оставлены, кромѣ сла-

быхъ, по нѣсколько человѣкъ съ роты, для присмотра за казармами и оставляемымъ имуществомъ.

14-го марта, утромъ, батальонъ сѣлъ въ вагоны, на Царскосельской станціи Варшавской желѣзной дороги, и 16-го числа вступилъ въ Ригу.

ГЛАВА VI.

Въ Курляндіи и Литвѣ.

Передвиженіе батальона въ Либаву. — Ожиданія высадки. — Часть батальона въ Литвѣ. — Переходъ въ Шавли. — Назначеніе командиромъ флигель-адъютанта полковника графа Шувалова 2-го. — Экспедиція полковника Данилова. — Попелянское дѣло. — Дѣйствія 1-й и 2-й ротъ. — Рана капитана Розенбаха и смерть штабсъ-капитана Нейдгарта. — Разборъ и послѣдствія дѣла. — Потери батальона.

о прибытіи въ Ригу, батальону не пришлось отдохнуть ни одного дня. Тамъ его уже ожидало приказаніе идти въ Либаву. Вслѣдствіе этого 4-я рота, съ ротою Эстляндскаго полка, подъ начальствомъ полковника Данилова, въ видѣ авангарда, выступила по назначенію 17 марта, а на слѣдующій день послѣдовали за нею и остальныя три роты. Маршрутъ этого движенія былъ слѣдующій:

18 марта — Митава; 19 — Дубельнъ, 20 — дневка, 21 — Бекгофъ, 22 — Фрауенбургъ, — 23 Штуденъ, 24 — дневка, 25 — Шпуды и 26 — Либава.

Во время этого передвиженія командовалъ батальономъ полковникъ графъ Зубовъ, такъ какъ генералъ Ребиндеръ поѣхалъ изъ Риги въ Полангенъ, представиться генералъ-

лейтенанту Майделю, въ отрядъ котораго, съ приходомъ въ Курляндію, поступилъ батальонъ. Получивъ отъ отряднаго начальника приказанія, генералъ Ребиндеръ проѣхалъ прямо въ Либаву. Въ это время ожиданія высадки усилились. Нашъ крейсеръ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Зеленаго, содержалъ постоянныя рейсы между Либавою и Палангеномъ; роты Эстляндскаго полка и казаки содержали кордоны вдоль берега моря, а батальону приказано было, сокративъ дневку ускорить движеніе. Тогда часть обоза, подъ конвоемъ 2 роты, была послана въ Либаву впередъ, усиленнымъ переходомъ; другая-же его часть оставлена въ Штруденѣ, подъ охраною сводной команды изъ 40 чел. Командиръ батальона, сдѣлавъ распоряженія по размѣщенію ротъ въ Либавѣ, какъ начальникъ прибрежной линіи, отправился подробно осмотрѣть ее.

Первое время пребыванія въ Либавѣ, ничемъ не отличалось отъ обыкновенной мирной стоянки. Полковникъ Даниловъ былъ назначенъ завѣдывающимъ гарнизонною службою, на правахъ коменданта; роты содержали караулы, а въ свободное время занимались стрѣльбою. На третій день по прибытіи въ Либаву, стрѣлки отпраздновали, обычнымъ порядкомъ, первый день Пасхи.

Къ половинѣ апрѣля, слухи о высадкѣ совсѣмъ затихли и наконецъ узнали, что толпа какихъ-то искателей приключеній и выходцевъ, плывшая на пароходѣ, выкинута бурею на шведскій берегъ; тѣмъ и кончились замыслы этого комическаго десанта. Одновременно съ этимъ, другіе слухи указывали на усиленіе мятежническихъ бандъ въ Ковенской губерніи. Оттуда они стали пробираться въ Курляндію, чтобы соединиться съ пресловутымъ десантомъ. Для того чтобы оградить Курляндію отъ втор-

женія бандъ, сдѣланы были нѣкоторыя распоряженія, на случай перемѣщенія—батальона изъ Либавы въ Шавли,—куда переѣхалъ и генералъ Майдель съ своимъ штабомъ.

Между тѣмъ приближался день батальоннаго праздника. Среди домашнихъ къ нему приготовленій, послѣдовало приказаніе отправить двѣ роты въ мѣстечко Яншки, находившееся въ 80 верстахъ отъ Шавли, по Либавской дорогѣ. Туда были посланы 3 и 4 роты, поэтому 17 апрѣля въ парадѣ, происходившемъ на городской площади, принимали участіе только роты перваго полубатальона. Во время молебствія была получена и прочтена передъ строемъ, слѣдующая депеша отъ Государя Императора.

„Шефъ поздравляетъ свой батальонъ и благодаритъ всѣхъ чиновъ онаго за ихъ усердную и вѣрную службу".

Отдаваемыя по отряду распоряженія возбуждали надежды, какъ офицеровъ такъ и стрѣлковъ, въ скорости имѣть случай, доказать на дѣлѣ одушевлявшія ихъ чувства преданности долгу.

На другой день праздника, вслѣдъ за 2-мъ полубатальономъ, 1-я и 2 роты, форсированнымъ маршемъ, были направлены на 160 подводахъ въ Варгенъ и далѣе къ Митавѣ. Цѣль этаго быстраго передвиженія состояла въ наблюденіи за почтовымъ трактомъ и ближайшими лѣсами. Такъ какъ получаемыя свѣдѣнія указывали, что въ этихъ лѣсахъ начали собираться шайки мятежниковъ, то роты производили поочередно поиски, переходя изъ однаго мѣстечка въ другое. Такимъ образомъ, съ 6 по 10 мая, 2-й полубатальонъ обошелъ пространство между Митавою, Жигорами и Окляпами и какъ нигдѣ бандъ не оказалось, то 20 мая, 1 и 2 роты были возвращены въ

Шавли, куда къ концу мѣсяца прибыли и двѣ остальныя. Здѣсь онѣ застали прибывшую изъ Петербурга на укомплектованіе команду, изъ 300 человѣкъ, приведенную полковникомъ Межаниновымъ, возвратившимся ранѣе срока изъ отпуска.

Взамѣнъ ожидаемаго появленія мятежниковъ въ Курляндіи, они собирались въ Окляпскихъ лѣсахъ, но покуда въ столь еще незначительномъ числѣ, что командированныя туда, подъ начальствомъ капитана Розенбаха, 1 и 2-я роты, проходивъ недѣлю, не могли найти ихъ.— Хотя всѣ эти передвиженія ротъ въ различныхъ направленіяхъ и указывали, что за сообщенія между Шавлями и Митавою опасаться напрасно, но командиръ батальона находилъ необходимымъ, просить генерала Майделя, возвратить 3-ю и 4-ю роты, при полковникѣ Межаниновѣ въ Яншки, что и было разрѣшено, самъ же Ребиндеръ отпросился въ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ батальонъ разъединеннымъ, въ рукахъ двухъ младшихъ штабъ-офицеровъ. Въ Шавляхъ въ это время находились: первый полубатальонъ стрѣлковъ, 4 роты Эстляндскаго полка, два эскадрона Псковскаго драгунскаго и сотня донскаго № 42 казачьяго полка.

Сряду по прибытіи генерала Ребиндера въ Петербургъ, послѣдовало назначеніе его состоять при инспекторѣ стрѣлковыхъ батальоновъ, а на его мѣсто командиромъ батальона назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Графъ Шуваловъ. Но какъ прежній командиръ уѣхалъ, а новый еще неприѣхалъ, то и вышло, что въ началѣ іюня батальонъ оставался безъ руководителя.

7-го іюня генералъ Майдель получилъ свѣдѣніе, что мятежники, въ значительномъ числѣ, собираются въ Ок-

мянскомъ лѣсу, неподалеку отъ мѣстечка Попелянъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ потребовалъ къ себѣ полковника Данилова, которому приказалъ: на слѣдующій день выступить съ 1-ю и 2-ю ротами, взводомъ драгунъ, 10-ю казаками и нѣсколькими объѣздчиками пограничной стражи къ Попелянамъ, для уничтоженія собирающейся тамъ банды.

8-го іюня, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, отрядъ Данилова тронулся форсированнымъ маршемъ и къ полудню прошелъ безъ привала 25 верстъ. Общее рвеніе настичь шайку было такъ велико, что въ теченіи ночи и слѣдующаго дня роты прошли еще болѣе 50 верстъ и остановились ночевать въ Попелянахъ. Первымъ дѣломъ было дать людямъ горячую пищу, которой они не имѣли двое сутокъ. Покуда приготовлялась варка, офицеры, остановившіеся въ корчмѣ, заказали хозяину еврею котлеты, но какъ онѣ оказались отвратительными, то капитанъ Розенбахъ совѣтовалъ, въ виду ранняго выступленія, лечь спать безъ ужина, чтобы скорѣе воспользоваться отдыхомъ. Около часа ночи Розенбахъ былъ потребованъ къ Данилову. Послѣдній сообщилъ ему, что получилъ отъ еврея свѣдѣніе, что неподалеку отъ мызы Довбиканы находится лагерь огромной банды Яблоновскаго. Отъ Попелянъ до Довбиканъ было 20 верстъ, поэтому было рѣшено выступить съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ разсвѣту придти въ Довбиканы и послѣ небольшаго привала, утромъ атаковать банду. Такъ какъ въ Попелянахъ стрѣлки застали 2 роты Эстляндскаго полка, подъ командою маіора Тризны, то Даниловъ присоединилъ ихъ къ отряду.

Недождавшись варки, 10-го іюня, въ 2 часа ночи стрѣлки выступили къ Окмянскому лѣсу. Вступая въ него

батальонъ построилъ боевой порядокъ. Правѣе дороги шла рота Его Величества—Розенбаха, лѣвѣе 2-я—Нейдгарта, имѣя по одному полувзводу въ цѣпи. Во второй линіи шли двѣ Эстляндскія роты въ походной колоннѣ. Темнота безлунной ночи и соблюденіе въ рядахъ тишины, при движеніи по густому лѣсу, придавали этому переходу особенную таинственность. Недоходя верстъ двухъ до мызы, роты Его Величества унтеръ-офицеръ Петровъ, подойдя къ капитану Розенбаху доложилъ, что вправо виденъ слѣдъ свернувшихъ въ лѣсъ повозокъ и что эти колеи вѣроятно вѣдутъ къ лагерю мятежниковъ. Розенбахъ доложилъ объ этомъ полковнику Данилову, но послѣдній отвѣтилъ, что лучше пройти двѣ версты до мызы и тамъ, собравъ точныя свѣдѣнія, взять проводника, чѣмъ сворачивать на неизвѣстную дорогу, которая можетъ быть ведетъ совсѣмъ въ другую сторону.

Мыза Довбиканы оказалась совершенно покинутою. Подойдя къ ней отрядъ остановился въ томъ порядкѣ какъ шелъ. Покуда отыскивали кого нибудь въ пустыхъ строеніяхъ, сдѣлали небольшой привалъ. Единственнымъ жильцомъ опустѣлой и умышленно брошенной мызы, оказался старикъ, назвавшій себя сторожемъ. При распросахъ онъ показалъ, что дѣйствительно, не подалеку, въ лѣсу расположился лагерь мятежниковъ, къ которому и взялся проводить отрядъ. Для этого пришлось возвратиться версты двѣ, къ той самой дорогѣ на которую указывалъ Петровъ. Полковникъ Даниловъ, не желая тратить время на перестроеніе боеваго порядка, повернулъ отрядъ какъ онъ стоялъ кругомъ, чрезъ что въ первой линіи оказались роты эстляндскаго полка, а рота Его Величества и 2-я пошли за ними. Цѣпь армейскихъ ротъ

свернула на лѣво. Лѣсъ становился все гуще и гуще, такъ что для связи другъ съ другомъ звѣньямъ приходилось перекликаться. Стрѣлки, пройдя съ версту, услышали впереди выстрѣлы, сначала рѣдкіе, а потомъ все чаще и чаще. Гулъ ихъ раздавался вправо. Оказалось что по трудности сохранить направленіе, эстляндскіе роты разорвались. Капитанъ Розенбахъ выдя съ своею ротою на первую поляну замѣтилъ, что въ центрѣ первой линіи образовался значительный интервалъ, который онъ немедленно и занялъ двумя разсыпанными взодами. Мятежники, до сихъ поръ отступавшіе, остановились и густая ихъ цѣпь, занявъ противуположную опушку поляны, открыла сильный огонь. Кромѣ того, многіе изъ поляковъ влѣзли на деревья и оттуда, прикрытые вѣтвями, безнаказанно поражали вышедшихъ на поляну эстландцевъ. Въ особенности страдала ихъ право—фланговая рота. Вскорѣ въ ней были наповалъ убиты ротный командиръ и офицеръ. Вслѣдствіе этого цѣпь ихъ невольно остановилась, рота же Его Величества смѣло бросилась впередъ и пробѣжавъ черезъ поляну кинулась на опушку. Мятежники стали отбѣгать назадъ, но не всѣ; нѣкоторые остались въ гущѣ, за кустами, другіе на деревьяхъ. Вслѣдствіе этого наша и ихъ цѣпь перемѣшались, началась рукопашная и перестрѣлка почти въ упоръ. Въ этотъ моментъ, находившійся въ цѣпи роты Его Величества подпоручикъ Гоголь, увидавъ какъ одинъ изъ повстанцевъ, изъ двуствольной винтовки выстрѣлилъ въ стрѣлка и убилъ его, схватилъ ружье убитаго и хотѣлъ заколоть повстанца штыкомъ, но послѣдній успѣлъ выстрѣлить изъ другаго ствола и Гоголь упалъ. Пуля ударила въ правое бедро и раздробила кость.

Въ цѣпи нашихъ стрѣлковъ уже было нѣсколько уби-

тыхъ и раненыхъ; но все таки они дошли до новой поляны и пріостановились, чтобы выждать товарищей, продолжавшихъ выбивать изъ лѣса оставшихся сзади поляковъ. За кочковатою новою поляною, въ опушкѣ густаго лѣса, мятежники подготовили свѣжую цѣпь, въ нѣсколько ярусовъ, самая же опушка оказалась съ засѣками изъ срубленныхъ громадныхъ сосенъ. Въ пылу боя никто необратилъ вниманія, что поляки, отступая, шли не черезъ поляну, а стягиваясь къ флангамъ обходили ее; вспомнили объ этомъ уже послѣ дѣла.

Въ это время полковникъ Даниловъ, подойдя къ капитану Розенбаху, сказалъ: „Небудемъ тратить время на перестрѣлку, пойдемте впередъ". Розенбахъ, выдя передъ взводы своей роты составлявшіе резервъ, повелъ ихъ къ цѣпи, а раздавшій съ вслѣдъ затѣмъ сигналъ „атака", заставилъ и ее выдти изъ опушки. Но едва успѣлъ Розенбахъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ пуля, въ то время какъ онъ повернулся къ шедшему сзади его взводу, ударила его въ поясницу и пройдя нѣсколько лѣвѣе позвоночнаго столба, остановилась въ передней полости живота. Рана считалась безусловно смертельною. Неуспѣли стрѣлки подскочить къ своему капитану, какъ въ цѣпи раздался глухой стонъ и подпоручикъ Данзасъ упалъ безъ чувствъ. Ударъ пули въ грудь не пробилъ небольшаго металическаго образа, но былъ такъ силенъ, что вдавилъ его въ тѣло.

Потеря ротнаго командира и офицеровъ не остановила храбрую роту. Ея фельдфебель Ремизовскій бросился передъ цѣпь, которая съ крикомъ ура! ринулась впередъ, чтобы перебѣжавъ поляну, штыками выбить противниковъ изъ крѣпкой позиціи. Но здѣсь то и встрѣтилось

самое неодолимое препятствіе. Оказалось, что поляна была ничто иное какъ непроходимо топкое болото, только сверху прикрытое травою. Покуда можно было брести по колѣно, стрѣлки шли впередъ, вязли, спотыкались, падали подъ градомъ трехъ-яруснаго огня, но все таки шли, пока не пришлось вязнуть до пояса. Тогда цѣпь остановилась, но не отступала.

Было уже около 3-хъ часовъ дня. Видя безцѣльную убыль людей и невозможность атаки съ фронта, Даниловъ рѣшился отвести роту изъ подъ выстрѣловъ, для чего приказалъ Ремизовскому отвести назадъ резервъ, самъ же остался въ цѣпи. Неразсыпаная часть роты отошла къ опушкѣ, туда же начала отходить и цѣпь. Между тѣмъ командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Нейдгардтъ, оставившійся съ нею въ 2 линіи, хотя и направилъ на лѣвый флангъ роты Его Величества два патруля, но не получая отъ нихъ свѣдѣнія, и не имѣя съ самаго входа въ лѣсъ никакихъ приказаній, пошелъ отыскивать Данилова и убѣдиться, что происходитъ впереди. Пронесшіе раненаго Розенбаха указали гдѣ найти полковника. Нейдгартъ бѣгомъ бросился къ болоту, по которому позади стрѣлковъ отходилъ Даниловъ. Едва первый успѣлъ выговорить: „неприкажите ли вести роту впередъ", какъ пуля ударила его въ ногу и перебила кость; онъ упалъ. Поднять раненаго было некому, такъ какъ цѣпь успѣла отойти отъ разговаривавшихъ шаговъ на 50 назадъ. Тогда Даниловъ, несмотря на страшный огонь, усиленный повстанцами, какъ только они замѣтили, что наши отходятъ, взваливаетъ Нейдгарта, обхватившаго его шею, себѣ на спину и увязая выше колѣна, несетъ его къ опушкѣ. Но такой подвигъ геройскаго самоотверженія и любви къ то-

варищу, не спасаетъ страдальца. Другая пуля ударяетъ его въ спину и Даниловъ приноситъ къ ротѣ бездыханный трупъ всѣми любимаго юноши.

Огорченный до глубины души невозможностью выбить мятежниковъ, потерею лучшихъ офицеровъ и понесенною Государевой ротой убылью, уже въ 5 часу дня, послѣ 7 часоваго боя, Даниловъ собралъ отрядъ и повелъ его въ Попелянъ. Тамъ первою заботою его было скорѣе перевязать и отправить раненыхъ. Между тѣмъ средствъ для ихъ переноски и удобнаго отправленія не было никакихъ. Даже офицеровъ пришлось везти на простой крестьянской одноколкѣ, на дно которой положили ружья убитыхъ, прикрыли ихъ вѣтвями и на нихъ положили Розенбаха, рядомъ съ опасно раненымъ стрѣлкомъ его же роты Незвановымъ, а раненый унтеръ-офицеръ Петровъ правилъ лошадью. На двухъ другихъ такихъ же телѣгахъ везли: Гоголя, Данзаса и Стаховича.

Уже поздно вечеромъ пришли роты въ Попеляны, неся за собою, на ружьяхъ обернутыхъ шинелями, раненыхъ товарищей. Почти одновременно съ бывшими въ дѣлѣ, съ противуположной стороны вступали въ мѣстечко 3 и 4 роты, накапунѣ посланныя изъ Янишекъ, для поисковъ за двумя другими бандами. Оказалось, что эти банды успѣли соединиться съ шайкою Якубовскаго и участвовали въ описанномъ дѣлѣ.

Второй полубаталіонъ привелъ полковникъ Межаниновъ. Можно себѣ представить какъ были поражены прибывшія роты, несенными потерями и какъ велика была ихъ досада, что онѣ не поспѣли на помощь товарищамъ.

11-го іюня батальонъ оставался въ Попеляпахъ. Этотъ день прошелъ въ заботѣ о снабженіи людей продоволь-

ствіемъ, въ распоряженіяхъ по транспортировкѣ раненыхъ въ Шавли и въ приготовленіяхъ къ преслѣдованію соединившихся шаекъ.

Теперь, когда прошло почти 25 лѣтъ со времени Попелянскаго дѣла, когда участники его, офицеры, въ то время большею частію юноши, обсудили это дѣло со всѣхъ сторонъ и спокойно сообщили намъ его подробности, можно вполнѣ ясно судить о его значеніи и послѣдствіяхъ.

Банда Яблоновскаго (бывшаго врача одного изъ кавказскихъ полковъ) состояла исключительно изъ дворянъ и шляхты, людей сильныхъ, замѣчательно рослыхъ, присоединившихся къ возстанію не по принужденію, какъ многіе, а по доброй волѣ. Она была правильно организована и отлично вооружена новыми бельгійскими штуцерами. Имѣя въ рядахъ болѣе 800 человѣкъ, наканунѣ боя она усилилась двумя другими шайками, такъ что представляла банду въ полторы тысячи. Противъ нее, съ нашей стороны было 2 роты стрѣлковъ, имѣвшія всего по 90 штыковъ и двѣ роты Эстляндскаго полка, въ составѣ 300 штыковъ, всего 480 человѣкъ, такъ что одинъ дрался противъ трехъ. По ходу боя мы видѣли, что весь огонь инсургентовъ сосредоточивался исключительно противъ роты Его Величества и одной изъ армейскихъ, такъ что другая эстляндская рота и 3 полувзвода 2-й роты не могли принимать участія въ дѣлѣ, дѣйствительно же участвовало въ немъ всего 240 человѣкъ. При этомъ вся выгода мѣстности, заранѣе примѣненной къ оборонѣ и прикрытой непроходимымъ болотомъ, была на сторонѣ противника.

Въ то время когда вѣсть о потеряхъ батальона сдѣ-

лалась извѣстною, многіе упрекали полковника Данилова въ томъ, почему онъ не произвелъ рекогносцировки мѣстности, завелъ батальонъ въ болото и почему, убѣдясь въ невозможности фронтальной аттаки, не предпринялъ флангового движенія? Все это могло казаться виною только тѣмъ, кто не зналъ общаго въ то время способа дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, и тѣхъ требованій, которыя, по характеру экспедиціи, заявляли главные начальники. Генералъ Майдель, отправляя Данилова, говорилъ ему:

„Не тратьте время на перестрѣлки, потому что при первыхъ вашихъ выстрѣлахъ шайка разсѣется. Вы донесете, что разбили ее, а какая въ томъ польза? Разбѣжавшіеся мятежники, черезъ три дня соберутся снова и тогда гоняйтесь за ними. Единственное противъ этого средство, какъ настигли, тотчасъ аттакуйте, и тогда уйдетъ меньше, а чѣмъ меньше ихъ останется тѣмъ лучше“.

Кто былъ въ 1863 и 64 годахъ въ Литвѣ и Польшѣ, тотъ вѣроятно помнитъ, что въ войскахъ только и заботились о томъ какъ бы найти банду, а о томъ какъ разбить ее небыло и рѣчи; это подразумѣвалось само собою. О какихъ либо рекогносцировкахъ никто и не помышлялъ. Настигнуты—значитъ разбиты,—это было аксіомою.

Обратимся теперь къ ходу боя. Съ 8 часовъ утра роты безостановочно идутъ впередъ съ перестрѣлкою, мятежники отступаютъ едва проходимымъ лѣсомъ,—невидно ни ихъ фланговъ, ни ихъ позицій. Около полудня потеря всѣхъ офицеровъ пріостанавливаетъ роты Эстляндцевъ; рота же Его Величества, продолжая наступленіе, выбиваетъ противника изъ первой опушки, цѣпи смѣшиваются, но все таки стрѣлки идутъ впередъ. Затѣмъ Государева рота

видитъ передъ собою зеленую поляну, но неподозрѣвая подъ нею омута, она бросается на новую позицію мятежниковъ, усиленную завалами. Останавливаться ли передъ нею, въ какихъ нибудь трехстахъ шагахъ, послѣ успѣха, для того чтобы оцѣнивать положеніе дѣла? предпринимать-ли обходъ, или ударить и сломить послѣднее препятствіе? А наставленія опытнаго въ бояхъ начальника; а общее рвеніе людей и презрѣніе къ противнику; а мысль что онъ успѣетъ скрыться? Вѣдь это должно же было имѣть значеніе, и вотъ Даниловъ, вмѣстѣ съ Розенбахомъ, ведутъ роту въ атаку и увязаютъ въ болотѣ. Одинъ съ смертельною раною выносится изъ строя, другой остается впереди стрѣлковъ, держитъ себя героемъ и отходитъ послѣднимъ, да и не одинъ, а вынося на плечахъ убитаго товарища. Развѣ это не герои, отъ перваго до послѣдняго человѣка? Потерявъ своего капитана, потерявъ всѣхъ офицеровъ, рота безъ нихъ идетъ въ атаку, которую трубитъ раненый горнистъ Дехтеревъ; она вязнетъ, тонетъ до пояса, но подается впередъ, покуда голосъ начальника не остановилъ ее. Но и тогда, въ 50 шагахъ отъ врага, подъ огнемъ тысячи винтовокъ, она ложится но не отступаетъ.

Что касается до послѣдствій Попелянскаго дѣла, то можно положительно сказать, что батальонъ хотя и понесъ чувствительныя потери, хотя и не выбилъ банды изъ послѣдней позиціи, но достигъ большей пользы, чѣмъ многія безрезультатныя побѣды. Послѣ 10 іюня, въ восточной части Ковенской губерніи, не могла уже собраться ни одна значительная банда и возстаніе въ этой мѣстности было подорвано. Положимъ что шайка Яблоновскаго успѣла уйти отъ Попелянъ, но преслѣдуемая по пятамъ

(о чемъ будетъ сказано ниже) была потомъ уничтожена и это водворило полное спокойствіе въ пограничныхъ съ Курляндіею уѣздахъ.

Понесенныя въ описанномъ дѣлѣ батальономъ потери были слѣдующія:

Убиты: командиръ 2 роты штабсъ капитанъ Нейдгартъ *) и 17 нижнихъ чиновъ. (Въ ротѣ Его Величества—1 унтеръ-офицеръ и 9 стрѣлковъ, во 2-й ротѣ 7 стрѣлковъ.)

Ранены: командиръ роты Его Величества капитанъ Розенбахъ, въ лѣвый бокъ пулею на вылетъ; поручикъ Гоголь, въ бедро съ раздробленіемъ кости; подпоручикъ Данзасъ—контуженъ пулею въ грудь и прапорщикъ Стаховичъ—пулею въ лѣвую руку на вылетъ и 30 нижнихъ чиновъ.

Легко былъ контуженъ въ ногу и начальникъ отряда полковникъ Даниловъ.

Всего выбыло изъ строя: 6 офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ, что равнялось четвертой части бывшихъ въ строю,—потеря весьма большая. Принимая же во вниманіе, что при всѣхъ, бывшихъ и прежде и послѣ, дѣлахъ съ инсургентами, наши войска обыкновенно несли самую ничтожную убыль и разбивали тысячныя банды теряя 2—3 человѣка,—дѣло у Попелянъ представляется выходящимъ изъ ряда. О томъ какъ держали себя въ бою офицеры, можно судить потому, что въ са-

*) Смерть Нейдгарта была невознаградимою для батальона потерею. Это былъ умный, честный и добрый товарищъ, всѣми любимый и уважаемый. Съ самаго вступленія въ батальонъ, при его формированіи и до самой смерти, онъ былъ, какъ говорится, душею общества. Рота лишилась въ немъ заботливаго, знающаго и всею душею любившаго солдатъ командира.

мыхъ горячихъ дѣлахъ убыль офицеровъ обыкновенно относится къ убыли нижнихъ чиновъ какъ 1 къ 30, въ описанномъ же дѣлѣ отношеніе это равняется какъ 1: 6. Понесенныя батальономъ потери нисколько не охладили общаго рвенія его чиновъ къ розыскиванію и преслѣдованію мятежниковъ, напротивъ всѣ напрашивались въ экспедиціи.

Выше замѣчено, что 11 іюня, соединившійся батальонъ оставался въ Попелянахъ; 12-го всѣ раненые офицеры и нижніе чины были отправлены, подъ прикрытіемъ роты Его Величества, какъ наиболѣе пострадавшей въ Шавли, а прочія три роты, подъ начальствомъ полковника Данилова, выступили снова на поиски за бандою Яблоновскаго. Ровно двѣ недѣли продолжалась эта погоня, кончившаяся тѣмъ, что банда, бросавшаяся изъ одного лѣса въ другой и изъ уѣзда въ уѣздъ, на половину разсѣянная, наткнувшись на отрядъ высланный изъ Ковно, была имъ разбита. Даниловъ пришелъ къ мѣсту боя всего черезъ полтора часа по его окончаніи.

29 іюня батальонъ возвратился въ Шавли, съ множествомъ захваченныхъ мятежниковъ разбѣжавшихся изъ шаекъ. Въ двѣ недѣли 2, 3 и 4 роты сдѣлали до 500 верстъ.

Прежній и новый батальонные командиры почти одновременно прибыли изъ Петербурга въ Митаву, гдѣ оставался обозъ и куда прибыли къ тому же времени чины батальоннаго штаба. Тамъ, въ день Попелянскаго дѣла, произошла пріемка батальона, послѣ чего графъ Шуваловъ немедленно пріѣхалъ въ Шавли. Первою его заботою было дать батальонному лазарету такія удобства, которыя могли бы вполнѣ успокоить раненыхъ. Узнавъ о

подробностяхъ Попелянскаго дѣла отъ его участниковъ, графъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„По распоряженію командующаго 2-мъ отдѣломъ Ковенской губерніи и морскаго прибрежья Курляндіи, полковникъ Даниловъ, съ 1 и 2 ротами ввѣреннаго мнѣ батальона, двумя ротами Эстляндскаго полка, взводомъ Лейбъ-драгунскаго Псковскаго Его Величества полка и 10-ю казаками Донскаго № 42 полка, былъ посланъ 8 числа сего мѣсяца, для преслѣдованія мятежническихъ шаекъ. 10-го числа въ 5 часовъ утра отрядъ атаковалъ въ Оклянскомъ лѣсу, около мызы Довбиканы, мятежническій лагерь. Несмотря на отчаянное мужество гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, противникъ, отлично вооруженный, превосходный въ числѣ и владѣвшій выгодною позиціею, удержался. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ овладѣть лагеремъ, полковникъ Даниловъ, принимая во вниманіе недостатокъ офицеровъ, большая часть которыхъ была убита или ранена въ самомъ началѣ боя, а также видя утомленія отряда, сдѣлавшаго въ двое сутокъ 80 верстъ безъ пищи и сна, отступилъ, дабы на другой день возобновить аттаку, но мятежники, понесшіе огромныя потери убитыми и ранеными, въ ночь на 11-е отступили съ поспѣшностью“.

Вѣсть о понесенной батальономъ неудачѣ довольно поздно дошла до Петербурга. Она вызвала общее участіе, тѣмъ болѣе отрадное, что Государь Императоръ, награждая отличившихся, не забылъ тѣ семейства, для которыхъ павшіе въ бою были опорою. Высочайше было повѣлено выдать единовременное пособіе вдовамъ убитыхъ, имѣющимъ дѣтей—по 30, а бездѣтнымъ по 20 руб. Всѣ раненые офицеры были награждены орденами: капитанъ Розенбахъ получилъ Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, поручикъ Гоголь—Анну 3 ст. тоже съ мечами и бантомъ,

подпоручикъ Данзасъ и прапорщикъ Стаховичъ — Анну 4 ст. съ надписью за храбрость. Нижнимъ чинамъ дано было по 4 георгіевскихъ креста на роту *).

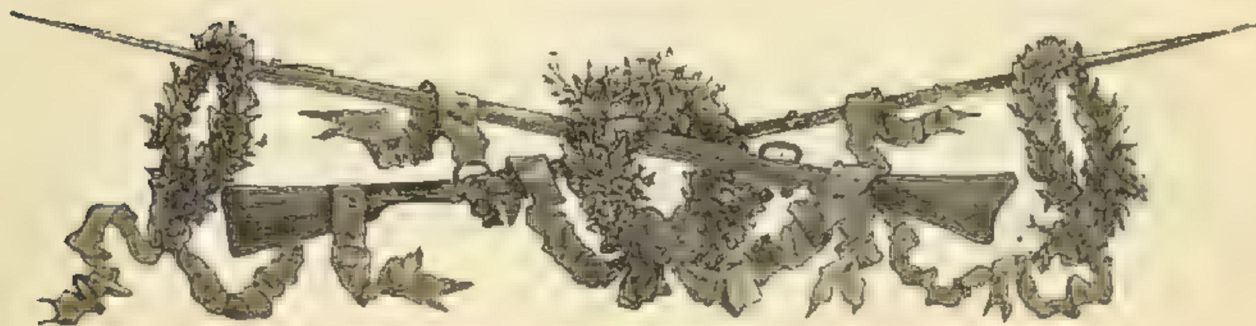
Причина почему 1 и 2 роты находились въ Попелянскомъ дѣлѣ въ слабомъ составѣ заключалась въ томъ, что при передвиженіи въ Шавли, штабъ батальона и ротныя тяжести были оставлены въ Митавѣ, а при нихъ необходимо было оставить по нѣсколько человѣкъ съ роты. Кромѣ того 20 стрѣлковъ было командировано для конвоированія почтъ и проѣзжающихъ офицеровъ, между Митавою и Шавлями и наконецъ, при выступленіи въ экспедицію, въ виду форсированнаго движенія, роты не взяли людей мало-мальски слабыхъ.

Вторая партія укомплектованія безсрочными прибыла въ Митаву въ самый день боя; хотя ее немедленно отправили на подводахъ въ Янишки, но усилить 1-й полубатальонъ она уже не могла. Укомплектованіе 1 и 2 ротъ послѣдовало по возвращеніи отряда въ Шавли, но и тогда батальонъ все таки не дошелъ до девяти-сотеннаго состава. Въ виду этого, полковникъ гр. Зубовъ былъ командированъ въ Петербургъ, для ускоренія присылки безсрочныхъ. Въ началѣ іюля батальонъ вновь раздѣлился: 1-й полубатальонъ оставался въ Шавляхъ, 2-й—возвратился въ Янишки, а батальонный штабъ попрежнему находился въ Митавѣ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ служба была далеко не легкая. Въ Шавляхъ, по множеству подсудимыхъ и арестованныхъ, ежедневно заступало въ ка-

*) Первыми георгіевскими кавалерами батальона, заслужившими кресты въ бытность въ его составѣ, были: фельдфебель Государевой роты Ремизовскій, унтеръ-офицеръ Петровъ, горнистъ Дехтяревъ и стрѣлокъ Незвановъ; 2 роты унтеръ-офицеръ Карповъ и стрѣлки Никитинъ и Шубинъ.

раулъ 126 человѣкъ; роты стоявшія въ Яншкахъ почти цѣликомъ расходились на конвоированіе почтъ и проѣзжающихъ, которыхъ было такъ много, что за недостаткомъ людей, приходилось ограничивать конвой 2—3-мя стрѣлками, но нѣсколько случаевъ захвата почтъ вызвали распоряженіе, чтобы ни въ какомъ случаѣ не посылать въ конвой менѣе какъ по 20 человѣкъ. Независимо отъ караульнаго наряда, одна изъ расположенныхъ въ Шавляхъ ротъ назначалась дежурною. Она спала всегда одѣтою и по тревогѣ должна была выходить къ орудіямъ, стоявшимъ на площади.

29 іюня раненые офицеры, подъ прикрытіемъ драгунскаго эскадрона, были отправлены изъ Шавли въ Митаву, откуда капитанъ Розенбахъ былъ перевезенъ въ Гапсаль, съ увольненіемъ въ 8-ми мѣсячный отпускъ, а прочіе, по мѣрѣ облегченія, отправлены въ Петербургъ.

ГЛАВА VII.

Время командованія графа Шувалова.

Распоряженіе гр. Шувалова. Стычка у Вибилишекъ. — Поискъ въ восточную часть Шавельскаго уѣзда.—Сосредоточеніе ротъ въ Ригѣ. Возвращеніе батальона въ Царское село. Отзывъ о немъ ген.-адъют. Муравьева.- Перемѣна батальоннаго командира. Прощальный приказъ графа Шувалова. - Депеша Государя.—Освященіе часовни въ Вильнѣ.

Узнавъ о появленіи бродягъ въ окрѣстныхъ лѣсахъ, графъ Шуваловъ просилъ генерала Майделя, о дозволеніи сдѣлать поискъ. 1-я и 2-я роты обратились при этомъ съ ходатайствомъ, дать имъ возможность отмстить за понесенныя 10-го іюня потери. Хотя никто и не думалъ въ чемъ-либо винить ихъ, но графъ Шуваловъ согласился удовлетворить столь похвальное рвеніе стрѣлковъ этихъ ротъ. За раною Розенбаха, Государеву роту принялъ штабсъ-капитанъ баронъ Дризенъ, а вторую, по смерти Нейдгарта, штабсъ-капитанъ князь Долгоруковъ. Въ первый переходъ роты дошли до Кельмъ, а на слѣдующій день, 1-го іюля графъ Шуваловъ, въ 5 час. утра, въ лѣсу около мызы Вибилишки, настигъ незначительную шайку человѣкъ въ полтораста и разсѣялъ ее, причемъ захвачено много

оружія, нѣсколько подводъ съ припасами, повозка съ порохомъ и 3 лошади. Потерь съ нашей стороны не было.

Въ половинѣ іюля предпринята была вторая экспедиція въ восточную часть Шавельскаго уѣзда. Но въ этотъ разъ, не смотря на 4-хъ дневные поиски тѣхъ же 1 и 2 ротъ, имъ не удалось отыскать мятежниковъ, которые, вслѣдствіе понесенныхъ ими повсемѣстно пораженій, уже боялись собираться въ банды, а только появлялись на границахъ Польши, бродячими партіями.

Августъ мѣсяцъ прошелъ для батальона въ полномъ затишьи, такъ что въ свободное отъ службы время роты выводились на стрѣльбу и ученья. Нѣсколько сплотить строй было явною необходимостью, потому что половина людей, какъ прибывшая изъ отпусковъ, отвыкла отъ фронта.

Съ наступленіемъ осени, слухи о повстанцахъ прекратились, но по мѣрѣ водворенія порядка въ краѣ, начали получаться указанія на виновниковъ грабежей и на участіе въ мятежѣ отдѣльныхъ личностей. Чрезъ это арестованія усилились, а съ ними усилилась и дѣятельность слѣдственныхъ и судныхъ коммисій. Въ составъ ихъ было назначено нѣсколько офицеровъ батальона, другіе же, съ небольшими командами, въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ, были посылаемы, по указанію мѣстныхъ жителей, въ лѣса, для отысканія скрытаго мятежниками оружія.

Въ декабрѣ, послѣ почти полугодоваго разъединенія полубатальоновъ, они были соединены въ Янишкахъ, куда перешелъ и батальонный штабъ; осталось нѣсколько стрѣлковъ прикомандированными къ полиціи и 24 человѣка—къ повѣрочной коммисіи, конвойными, при ихъ разъѣздахъ по уѣзду; но и эти люди, по настоянію графа

Шувалова, въ серединѣ декабря присоединились къ своимъ ротамъ. Этими командировками окончилось участіе батальона въ охраненіи прибрежья Курляндіи и въ усмиреніи восточной половины Ковенской губерніи.

Бездѣятельность двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ и стоянка въ глухую осень въ такомъ неприглядномъ жидовскомъ гнѣздѣ какъ Янишки, содѣйствовали тому, что полученное извѣстіе о скоромъ возвращеніи въ Царское Село было принято съ восторгомъ. Сборы къ выступленію были недолги, и 20-го декабря батальонъ распростился съ своей непривлекательной стоянкой. Въ этотъ день онъ ночевалъ на станціи Елей, 21-го пришелъ въ Митаву, гдѣ 22-го имѣлъ дневку; 23-го — въ мѣстечко Оллай и 24-го—въ Ригу, гдѣ въ праздникъ Рождества Христова была дневка. 26-го роты сѣли на желѣзную дорогу и 27-го прибыли въ Царское. Здѣсь стрѣлковъ встрѣтили граждане и прибывшіе изъ Петербурга родные и близкіе знакомые.

Государю Императору угодно было видѣть свой батальонъ вскорѣ по его возвращеніи; для этого Онъ изволилъ, 30-го числа, нарочно пріѣхать въ Царское. Для встрѣчи Его Величества, батальонъ, въ полномъ числѣ рядовъ по военному составу, былъ къ часу дня поставленъ на Садовой улицѣ, правымъ флангомъ къ прудамъ. Государь прибылъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, дежурнымъ же флигель-адъютантомъ при немъ находился полковникъ Янковскій, бывшій командиръ роты Его Величества. Объѣзжая фронтъ, Его Величество нѣсколько разъ благодарилъ стрѣлковъ за службу. Возвращаясь съ лѣваго фланга, Императоръ, остановясь противъ своей роты, изволилъ сказать: „Особенно

благодарю мою роту, за то, что свято исполнила свой долгъ", затѣмъ, обращаясь къ капитану Розенбаху, ставшему въ строй, хотя онъ и числился еще въ отпуску,— прибавилъ: „А тебя поздравляю Моимъ флигель-адъютантомъ".

Прямо со смотра батальонъ, снявъ въ казармахъ аммуницію, былъ отведенъ въ манежъ, гдѣ царскосельскіе граждане дали для нижнихъ чиновъ обѣдъ. Государь удостоилъ его своимъ присутствіемъ: обходя столы еще разъ благодарилъ роты, удостоилъ выздоровѣвшихъ отъ ранъ и георгіевскихъ кавалеровъ милостивымъ вниманіемъ. Черезъ три дня офицеры батальона были приглашены къ Высочайшему столу въ Зимній дворецъ.

Такъ кончился памятный для батальона 1863 годъ, въ который ему выпалъ жребій, черезъ 7 лѣтъ по основаніи, доказать Державному своему Шефу, что стрѣлки помнятъ знаменательныя слова Его, при пожалованіи Георгіевскаго знамени.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Курляндіи, батальонъ почти одновременно проводилъ старшихъ своихъ представителей: полковникъ Межениновъ получилъ 1-й гренадерскій, и Даниловъ—7 стрѣлковые батальоны, а капитанъ Жербинъ, съ производствомъ въ полковники, отчисленъ по арміи.

Съ наступленіемъ 1864 года, роты возвратились къ обычнымъ, мирнымъ своимъ занятіямъ, но во многимъ еще выражались воспоминанія о минувшемъ. Великія княгини Александра Петровна и Екатерина Михаиловна пожаловали раненымъ нижнимъ чинамъ значительныя денежныя награды, такъ что на долю каждаго изъ бывшихъ на лицо досталось по 18 руб. Кромѣ того, по хода-

тайству командующаго войсками Виленскаго округа, пожалованы были: штабсъ-капитанамъ гр. Комаровскому 2 и Роопу и поручику Трузсону ордена св. Анны 3 степени. По поводу заявлений генералъ-адъютанта Муравьева о службѣ батальона во время возстанія. Великій Князь Николай Николаевичъ. объявилъ въ приказѣ по гвардейскому корпусу, отъ 19 января. слѣдующее:

„Командующій войсками Виленскаго военнаго округа и Рижскій военный, Лифляндскій и Курляндскій генералъ-губернаторъ баронъ Ливенъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, свидѣтельствуютъ о весьма дѣятельной и полезной службѣ, мужествѣ, самоотверженіи и трудахъ Л.-гв. 1-го Стрѣлковаго Его Величества батальона, находившагося въ Виленскомъ военномъ округѣ и въ Остзейскомъ краѣ. Считаю долгомъ объявить мою искреннюю благодарность командиру означеннаго батальона, Свиты Его Величества генералъ-маіору графу Шувалову, всѣмъ ротнымъ командирамъ, младшимъ офицерамъ и медикамъ. Нижнимъ чинамъ, за молодецкую ихъ службу, примѣры храбрости и неустрашимости, объявляю мое душевное спасибо".

Грустнымъ послѣдствіемъ Попелянскаго дѣла была смерть раненаго въ немъ поручика Гоголя. Послѣ продолжительныхъ страданій, онъ скончался 23 апрѣля и подобно Нейдгарту, оплакиваемый товарищами, погребенъ ими въ Царскимъ селѣ.

Какъ на особенность весеннихъ занятій означеннаго года укажемъ на то, что для узнанія практическихъ пріемовъ въ командованіи взводомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, роты батальона нѣсколько разъ выводились для этого на отдѣльныя ученья. Это льстило строевому самолюбію стрѣлковъ и цѣнилось ими.

По возвращеніи изъ лагеря, 13 августа Государь изволилъ смотрѣть всѣхъ нижнихъ чиновъ батальона, переведенныхъ въ него въ разное время съ Кавказа и собственноручно пожаловалъ каждому вновь учрежденый крестъ, въ память окончательнаго его покоренія. Въ концѣ августа большая половина ротъ была отправлена на вольныя работы, пріисканныя у Новой Ладоги. Въ теченіи полутора мѣсяцевъ было выработано 5,090 р.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь послѣдовала перемѣна батальоннаго командира. Послѣ полутора годоваго командованія стрѣлками, графъ Шуваловъ, получилъ Семеновскій полкъ, а на его мѣсто былъ назначенъ, Л.-гв. Преображенскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Гельфрейгъ. Оставляя батальонъ графъ прощался съ нимъ слѣдующимъ приказомъ:

„Разставаясь съ Стрѣлковымъ Его Величества батальономъ, я желалъ-бы выразить моимъ сослуживцамъ, какъ высоко я цѣнилъ служебные труды и заслуги каждаго, какъ дорого было мнѣ то единодушное стрѣмленіе поддерживать всегда и во всемъ честь и славу батальона. Оно было вѣрнымъ ручательствомъ того успѣха, который постоянно сопровождалъ насъ“.

„Когда я принялъ начальство надъ батальономъ, онъ находился въ походѣ и мнѣ выпала честь раздѣлять съ нимъ лишенія и трудности походной жизни. Она, съ самаго начала, тѣсно сблизила меня съ каждымъ и я тогда же созналъ всѣ доблестныя качества ввѣреннаго мнѣ батальона. Г.г. ротнымъ командирамъ, всѣмъ г.г. офицерамъ, фельдфебелямъ, унтеръ-офицерамъ и стрѣлкамъ мое душевное спасибо, за ихъ славную, стойкою, безукоризненную службу. Я съ гордостью буду вспоминать то время, когда служилъ въ рядахъ нашего дорогаго батальона“.

Въ какой мѣрѣ батальонъ удовлетворялъ въ мирное время требованія и желанія главныхъ своихъ начальниковъ, видно изъ того, что Великій Князь Николай Николаевичъ, лично слѣдившій за всѣми отраслями образованія, и Его Высочество инспекторъ, въ 1865 году, за всѣ свои смотры постоянно объявляли ему свою благодарность.

Весною этого года Государя Императора не было въ столицѣ, поэтому въ день батальоннаго праздника парада не было. Отъѣздъ Его Величества въ Ниццу былъ вызванъ тяжкою болѣзнею Государя Цесаревича Николая Александровича. 12 апрѣля его не стало; среди глубокой скорьби, Государь изволилъ вспомнить своихъ стрѣлковъ. Онъ телеграфировалъ полковнику Гельфрейгу.

„Поздравь съ праздникомъ моихъ храбрыхъ стрѣлковъ. Молитесь за того, кого мы оплакиваемъ и который тоже имѣлъ честь числиться въ вашихъ рядахъ“.

Сколько любви, благодушія и покорности Промыслу выражается въ этой депешѣ! Сколько преданности и благодарности, сколько гордости должна возбуждать она въ каждомъ изъ чиновъ батальона!

Напрасно было бы говорить, о той печали, которая овладѣла всѣми при извѣстіи о кончинѣ Царственнаго первенца. Въ этихъ чувствахъ никто сомнѣваться не долженъ, а описывать то что тяжелымъ камнемъ легло на сердцѣ каждаго, трудно. Видимымъ образомъ благоговеніе къ памяти усопшаго выразилось въ той молитвѣ о немъ, для которой всѣ офицеры батальона, ежедневно, впродолженіи 9 дней, собирались на панихиды въ своей ба-

тальонной церкви. Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ представитель гвардіи, повергъ къ стопамъ Монарха просьбу, о разрѣшеніи, въ память почившаго Цесаревича, соорудить въ церкви города Ниццы икону.

„Глубоко тронутъ—отвѣчалъ Государь Его Высочеству—пожертвованіемъ гвардіею образа, въ церковь г. Ниццы, въ память нашего бѣднаго усопшаго. Благодаримъ всѣхъ отъ души“.

24-го мая тѣло Цесаревича привезено было въ столицу. При печальной церемоніи перенесенія его въ Петропавловскій соборъ, батальонъ былъ поставленъ на Англійской набережной, тыломъ къ Невѣ. 26 и 27 числа рота Его Величества содержала почетный караулъ у собора, а 28-го, въ день погребенія, батальонъ былъ расположенъ по крѣпостному валгангу, фронтомъ къ Николаевскимъ воротамъ.

Гвардія, а слѣдовательно и батальонъ Его Величества какъ не разрывная съ нею часть, свидѣтельница и участница всѣхъ радостей и скорбей верховнаго своего Вождя, несмотря на тяжкую для Него потерю, и въ этимъ году не была лишена счастія представляться Ему на лагерныхъ смотрахъ и ученьяхъ. Красносельскій лагерь шелъ обычнымъ порядкомъ. Радостною и лестною его особенностію для батальона было то, что 20 іюля, въ день принесенія присяги Государемъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ, Его Высочество былъ зачисленъ въ списки батальона.

По возвращеніи изъ лагеря были командированы въ Вильно, для предстоявшаго тамъ 30-го августа освященія Александро-Невской часовни, командиръ роты Его

Величества капитанъ баронъ Дризенъ, фельдфебель Ремизовскій и стрѣлокъ Зеленинъ. Для разъясненія причины этой командировки, приведемъ въ подлинникѣ письмо начальника Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанта Муравьева, къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Изъ него видны какъ поводы побудившіе воздвигнуть часовню, такъ и значеніе этого сооруженія для батальона.

Ваше Императорское Высочество!

„При усмиреніи мятежа въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ краѣ, войска Императорской гвардіи, какъ я уже имѣлъ честь свидѣтельствовать, ознаменовали себя доблестными подвигами и многіе воины изъ рядовъ оной, запечатлѣли своею кровью любовь къ отечеству и преданность къ Престолу.

„Въ ознаменованіе крамолы въ здѣшнемъ краѣ, а равно для поминовенія воиновъ, павшихъ геройскою смертью въ дѣлахъ, предположено воздвигнуть въ г. Вильно часовню, во имя Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ которой будутъ помѣщены, для свидѣтельства передъ современниками и потомствомъ, имена храбрыхъ защитниковъ чести и цѣлости Россіи, очертавшихъ своею кровью неодолимый предѣлъ клятвопреступному посягательству крамольниковъ, на древнее Русское достояніе.

„Но какъ значеніе этого воздвигаемаго памятника нераздѣльно связано съ именемъ гвардіи и притомъ памятникъ этотъ украшенъ именами воиновъ павшихъ на полѣ брани, во главѣ которыхъ станутъ имена тѣхъ гвардейскихъ чиновъ, которые похищены смертію изъ доблестнаго строя, служившаго во всѣ времена твердымъ и незыблемымъ оплотомъ неприкосновенности Имперіи и охраненія Ея Августѣйшихъ вѣнценосцевъ, то представляя рисунокъ часовни, я имѣю честь покорнѣйше просить, объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія, на препровожденіе подобныхъ рисунковъ, для храненія, въ воспо-

минаніе настоящихъ событій, во всѣ батальоны и эскадроны которые находились во ввѣренномъ мнѣ краѣ, во время минувшаго мятежа“.

Посланная въ Вильно депутація была принята тамъ генераломъ Муравьевымъ, съ полнымъ вниманіемъ радушнаго хозяина.

Зимнія занятія кончавшагося и наступившаго 1866 года, шли своимъ обычнымъ порядкомъ, а весеннія отличались отъ занятій прежнихъ лѣтъ, веденіемъ практическихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Царскаго села. Великій Князь Николай Николаевичъ, по прежнему, пріѣзжалъ въ батальонъ, провѣрять образованіе унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, причемъ дѣлалъ иногда всему царскосельскому гарнизону тревогу. Кромѣ отдѣльныхъ смотровъ учителямъ, съ этого года введены были особыя представленія Государю Императору молодыхъ солдатъ, кончившихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ четырехъ-мѣсячное образованіе.

Смотра и парада въ день батальоннаго праздника не было, потому что наканунѣ праздновалась серебряная свадьба Ихъ Величествъ и въ день праздника всѣ офицеры батальона приносили Имъ въ Петербургѣ поздравленія. Черезъ 3 дня Дворъ переѣхалъ въ Царское.

ГЛАВА VIII.

Съ 1866 по 1872 годъ.

Изданіе „Наставленія для обученія стрѣльбѣ". — Приказъ Герцога. — Бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича. — Перемѣна въ вооруженіи батальона. — Возвращеніе Государя изъ Парижа.—Хозяйственныя распоряженія. Полковникъ Арнсгофенъ принимаетъ батальонъ.—Упадокъ стрѣльбы. — Новое перевооруженіе батальона.—Праздникъ 1872 года.—Назначеніе Великаго Князя Владиміра Александровича начальникомъ гвардейской стрѣлковой бригады.

Только черезъ 10 лѣтъ по учрежденіи батальона вышло первое систематическое руководство по стрѣлковому образованію, подъ заглавіемъ „Наставленіе для обученія стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и драгунъ". Не смотря на новизну указанныхъ въ немъ пріемовъ, успѣхи батальона по стрѣльбѣ, были въ 1866 году столь значительны, что Его Великогерцогское Высочество инспекторъ объявилъ о нихъ въ своемъ приказѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вопреки трудностямъ и многочисленнымъ занятіямъ лагернаго времени, задерживающимъ обыкновенное теченіе стрѣлковаго образованія, всѣ три батальона гвардіи дали по стрѣльбѣ столь отличные результаты, что я считаю долгомъ выразить мою полную

признательность г.г. батальоннымъ и ротнымъ командирамъ, въ особенности за стрѣльбу по выскакивающимъ и подвижнымъ мишенямъ".

Почти вся осень 1866-го года прошла въ торжественныхъ праздникахъ, по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича: 14-го сентября, батальонъ въ полномъ составѣ, участвовалъ въ встрѣчѣ Его невѣсты, Принцессы Дагмары, въ Царскомъ Селѣ, а 17-го при Ея въѣздѣ въ столицу. Въ обоихъ городахъ радостное событіе въ Августѣйшемъ семействѣ вызвало убранства, иллюминаціи и фейерверки на Софійскомъ плацу. 13-го октября совершилось обрученіе, 28-го бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Въ этотъ день батальонъ былъ осчастливленъ назначеніемъ Государя Наслѣдника 2-мъ шефомъ. 30-го офицеры приносили поздравленія высоконовобрачнымъ, а 1-го ноября батальонъ участвовалъ въ общемъ парадѣ. Независимо отъ общаго представленія, Государю Цесаревичу угодно было 7-го ноября принять офицеровъ батальона отдѣльно, въ Аничкиномъ дворцѣ.

Въ томъ-же году, исподволь, подготовлялась перемѣна въ вооруженіи батальона. Вмѣсто 6-ти-линейныхъ винтовокъ, предполагалось дать, того-же калибра скорострѣльныя игольчатыя. Еще въ началѣ года роздано было въ роты ихъ подробное описаніе и наставленіе объ обращеніи, съ тѣмъ чтобы ротные командиры ознакомили съ ними унтеръ-офицеровъ, сначала теоретически. Для практическаго-же ихъ изученія командированъ былъ въ учебный батальонъ подпоручикъ Скарятинъ и съ нимъ по унтеръ-офицеру и стрѣлку съ каждой роты.

Въ концѣ марта мѣсяца 1867-го года батальону пришлось провести нѣсколько дней въ Петербургѣ, гдѣ его помѣ-

стили въ конно-гвардейскихъ казармахъ. 31-го марта былъ общій парадъ, послѣ котораго, два дня подрядъ, Великій Князь Николай Николаевичъ подробно смотрѣлъ роты въ Михайловскомъ манежѣ. Въ первый день Онъ повѣрялъ одиночное образованіе унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, гимнастику и фехтованіе, а во 2-й—батальонное ученье и испытаніе офицеровъ въ строевомъ разсчетѣ и командованіи взводами и ротами. Сряду послѣ этихъ смотровъ, три роты возвратились въ Царское, рота-же Его Величества осталась въ Петербургѣ, гдѣ 4-го апрѣля находилась при освященіи часовни у лѣтняго сада, возведенной въ память избавленія Государя отъ злодѣйскаго покушенія на Его жизнь.

И въ этомъ году батальонный праздникъ праздновался домашнимъ образомъ, потому что 17-го апрѣля происходила присяга Великаго Князя Владиміра Александровича, послѣ которой Государь отъѣхалъ за границу.

Во время всемірной выставки въ Парижѣ, совершено было вторичное покушеніе противъ Его Величества. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга, полковникъ Гельфрейгъ послалъ отъ имени батальона телеграмму, генералъ-адъютанту графу Адлербергу, слѣдующаго содержанія:

„Стрѣлки Его Величества, благодарятъ Всевышняго за сохраненіе драгоцѣнной жизни Государя Императора и просятъ Ваше Сіятельство повѣргнуть къ стопамъ Августѣйшаго Шефа, выраженія безграничной преданности къ обожаемому Монарху“.

Черезъ день полученъ былъ отвѣтъ, что Государь благодаритъ полковника и весь свой батальонъ стрѣлковъ за депешу.

18-го іюля послѣдовало возвращеніе Его Величества. Съ чувствами благодаренія къ Богу и съ благоговѣйною радостью встрѣтили стрѣлки Государя, на станціи Варшавской желѣзной дороги въ Царскомъ, а на слѣдующій день офицеры молились за него въ Казанскомъ соборѣ. 20-го числа Императоръ посѣтилъ лагерь, гдѣ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ Ему поднесена была икона, отъ имени всѣхъ чиновъ гвардіи.

Обратимся теперь къ хозяйству за послѣдніе годы.

По возвращеніи изъ Курляндіи, дѣятельность хозяйственнаго комитета постоянно усиливалась. Этого требовала, во-первыхъ, постройка въ батальонѣ обоза новаго образца, а во-вторыхъ передача ремонтировки казармъ, въ распоряженіе батальона. Что то и другое исполнялось съ добросовѣстностію, доказывается прикомандированіемъ къ мастерской плотниковъ изъ другихъ батальоновъ, для изученія постройки повозокъ новой конструкціи. Что-же касается до ремонтныхъ работъ, то о результатѣ ихъ назначенная Великимъ Княземъ повѣрочная коммисія доносила: „По осмотрѣ ремонтныхъ работъ найдено: что несмотря на ограниченность ремонтныхъ средствъ и значительную вѣтхость строеній, работы произведены очень хорошо и исполнены во всѣхъ частяхъ казармъ“.

Съ приближеніемъ времени перевооруженія батальона, въ немъ приняты были мѣры для обученія людей приготовленію патроновъ для игольчатой системы. Перевооруженіе послѣдовало въ лагерѣ, куда новыя ружья были доставлены съ Сѣстрорѣцкаго завода. Но недолго стрѣлки служили съ ними. Въ тотъ-же лагерь обнаружились всѣ ихъ недостатки, съ разу отозвавшіеся на упадкѣ цѣльной стрѣльбы.

*

Какъ на знаменательное для батальона событіе этого года укажемъ на то, что 6-го мая послѣдовало зачисленіе въ него новорожденнаго Великаго Князя Николая Александровича. Кромѣ того занесемъ на страницы настоящаго очерка слѣдующія два нововведенія: 1) Во время лагеря впервые производились ротныя ученья съ полнымъ числомъ рядовъ, по военному составу и 2) Въ первый разъ послѣдовало распоряженіе объ обученіи въ ротахъ санитаровъ. Въ декабрѣ, вмѣсто генерала Гельфрейга, получившаго Измайловскій полкъ, командиромъ батальона назначенъ Семеновскаго полка полковникъ Арнгофенъ.

Упадокъ замѣченный въ стрѣльбѣ съ перевооруженіемъ игольчатыми винтовками, несмотря на все стараніе не только ротныхъ командировъ, но и высшаго начальства, не могъ быть поправимъ и въ наступившемъ 1869 г. Съ ранней весны Его Высочество Герцогъ, желая убѣдиться не произошло ли ослабленіе стрѣльбы отъ невниманія къ приготовительнымъ занятіямъ, лично пріѣзжалъ въ Царское село, провѣрить прикладку и прицѣливаніе и нѣсколько разъ присылалъ для того же своего начальника штаба. Эти испытанія все болѣе и болѣе убѣждали въ необходимости измѣнить систему ружей. Вслѣдствіе этого, въ концѣ мая, игольчатыя ружья, послѣ полутора-годовой службы, сданы были въ арсеналъ и взамѣнъ ихъ батальонъ получилъ винтовки Бердана 1-го образца. Какъ при пристрѣлкѣ ихъ, такъ и при началѣ курса, они оказались настолько лучше иголчатыхъ ружей, что процентъ стрѣльбы сталъ значительно увеличиваться. Результаты данные батальономъ на лагерныхъ смотрахъ были такъ хороши, что Герцогъ сряду по возвращеніи изъ лагеря, сдѣлалъ распоряженіе, о прикомандированіи

къ батальону офицеровъ изъ 4, 6, 7, 8 и 10 стрѣлковыхъ батальоновъ, расположенныхъ въ Варшавскомъ округѣ, для изученія системы и правилъ обращенія съ Берданками. Отъ батальона же, по распоряженію гвардейскаго начальства, были командированы нѣсколько унтеръ-офицеровъ въ полки, въ видѣ инструкторовъ.

Но и Берданки перваго образца не остановили стремленій къ улучшенію оружія. Инспекторъ стрѣлковыхъ батальоновъ желалъ вооружить ихъ винтовками такого калибра, который далъ бы возможность увеличить число патроновъ, носимыхъ стрѣлкомъ на себѣ въ бою и увеличилъ бы дальность полета пули, безъ ущерба мѣткости. Составленная подъ его предсѣдательствомъ коммисія перевооруженія стрѣлковыхъ частей, обсуждая этотъ вопросъ, неоднократно приглашала въ свои засѣданія ротныхъ командировъ батальона, а Его Высочество Герцогъ пріѣзжалъ производить въ Царскомъ селѣ опыты, для чего въ роты было выдано по нѣсколько винтовокъ Бердана № 2.

Въ 1870 году батальонъ имѣлъ счастіе поступить подъ непосредственное начальство Государя Наслѣдника, такъ какъ Его Высочество вступилъ тогда въ командованіе 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Но столь лѣстное подчиненіе батальона продолжалось не долго,—30 августа стрѣлковые батальоны были выдѣлены изъ дивизіи и изъ нихъ образованы отдѣльныя бригады. Первымъ бригаднымъ командиромъ батальона былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Чертковъ 2, при которомъ, въ 1871 году, въ батальонѣ не произошло ничего, чтобы можно было занести въ его хронику.

Франко-прусская война 1870 г. не могла неотразиться

на взглядѣ о военномъ образованіи, а слѣдовательно и на ходѣ занятій батальона. Журнальныя статьи, публичныя лекціи въ академіяхъ, наконецъ приказы по военному вѣдомству, характерно измѣнили взглядъ на боевую подготовку частей. Офицеры съ особымъ интересомъ принялись за чтеніе статей и книгъ военнаго содержанія. Въ лагерѣ 1871-го года младшимъ офицерамъ впервые заданы были тактическія задачи, въ видѣ рекогносцировокъ мѣстности, занятія позицій, выбора биваковъ и проч. Все это, какъ всякое новое дѣло, немогло установиться сразу и прочно, да къ тому же контроль и повѣрка въ то время были еще весьма поверхностны.

Весною этого года возвратился изъ Варшавы Л.-гв. 2-й стрѣлковый батальонъ. Радушная встрѣча товарищей, рядъ встрѣчныхъ и отвѣтныхъ обѣдовъ закрѣпили старую дружбу близнецовъ-батальоновъ. Разъединявшею и до сихъ поръ разъединяющею ихъ чертою является только желаніе стать выше по стрѣльбѣ, что даже для нижнихъ чиновъ служитъ не малымъ двигателемъ успѣха. Желаніе быть лучше другихъ доходитъ до того, что батальонъ ставшій внѣ разряда и имѣющій 24% выше отличнаго, возвращается домой опустивъ головы, потому что другой батальонъ перещеголялъ его на нѣсколько десятыхъ процента.

Зимнія занятія этого года представляли новинку въ томъ отношеніи, что въ февралѣ мѣсяцѣ предпринята была продолжительная, 7-ми дневная военная прогулка. Она имѣла довольно серьезный практическій характеръ: приходилось дѣлать цѣлые переходы по проселкамъ, по колѣно въ снѣгу, при чемъ морозы доходили до 20°, такъ что два раза, по случаю сильной стужи, выжидали ея

ослабленія на дневкахъ.—На смѣну суровой зимы наступила дружная, теплая весна. Послѣ 8-ми лѣтняго промежутка, парадъ въ день батальоннаго праздника, приходившагося на второй день Пасхи, происходилъ на дворцовой площади. Наканунѣ, во время выхода, было узнано, о предстоящемъ радостномъ и знамѣнательномъ для батальона событіи, именно, о назначеніи Великаго Князя Владиміра Александровича начальникомъ гвардейской стрѣлковой бригады, а во время парада послѣдовалъ новый знакъ Монаршаго вниманія къ батальону, выраженный назначеніемъ одного изъ его офицеровъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. 18-го апрѣля Его Высочество, инспекторъ стрѣлковыхъ батальоновъ, лично представлялъ всѣхъ офицеровъ новому бригадному командиру.

По переѣздѣ Высочайшаго двора въ Царское село, Государь дѣлалъ тревогу всему гарнизону, на которую бригада впервые вышла въ трехъ батальонномъ составѣ и вскорѣ послѣ того происходило въ томъ же составѣ бригадное ученье. 30-го мая батальонъ участвовалъ въ церемоніи празднованія двухсотлѣтняго юбилея, со дня рожденія Петра Великаго.

Вниманіе и милости къ батальону Августѣйшихъ его начальниковъ, въ этомъ году слѣдовали одно за другимъ: въ іюнѣ мѣсяцѣ Государь Цесаревичъ пожаловалъ въ офицерское собраніе Свой поясной портретъ въ натуральную величину, писанный масляными красками.—Принимая этотъ даръ, обѣщанный батальону Его Императорскимъ Высочествомъ, при разставаніи съ нимъ, по случаю отчисленія батальона отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, офицеры опредѣлили сдѣлать на рамѣ портрета надпись, которая свидѣтельствовала бы будущимъ

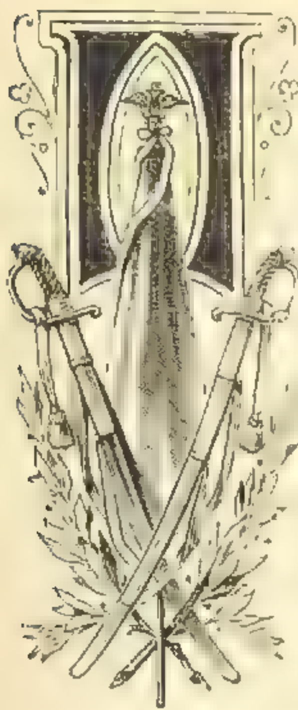
поколѣніямъ батальона о времени, когда они были удостоены столь драгоцѣннымъ вниманіемъ Наслѣдника престола. Другимъ доказательствомъ того-же, служитъ помощь оказанная переводимымъ въ батальонъ офицерамъ, на обмундировку, Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

ГЛАВА IX.

Стрѣлки подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича.

Вліяніе Великаго Князя Владиміра Александровича на образованіе и хозяйство батальона.—Улучшеніе быта стрѣлковъ. —Школа солдатскихъ дѣтей. —Бракосочетаніе Его Высочества. —Письмо къ генералу Черткову. – Кончина Герцога.—Приказъ по бригадѣ.

о назначеніи Великаго Князя Владиміра Александровича командиромъ гвардейской стрѣлковой бригады, всѣ отрасли образованія, службы и хозяйственныхъ распоряженій, получили замѣтное обновленіе. Съ перваго же дня своего командованія бригадой, Его Высочество до того близко входилъ во все касающееся батальона, что чинамъ его, оставалось только, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, исполнять его указанія и желанія. Дальнѣйшее описаніе жизни и службы стрѣлковъ Его Величества укажетъ, какъ плодотворна была дѣятельность Великаго Князя. Не проходило почти дня, чтобы Онъ не пріѣзжалъ въ казармы, или для ихъ осмотра, или для повѣрки занятій, или для посѣщенія офицерскаго собранія. Многочисленные приказы по бригадѣ указываютъ, въ какой мѣрѣ онъ вникалъ во всѣ отрасли управленія. Въ

особенности замѣчательны приказы относившіеся до хозяйственной части. Надо сознаться, что до назначенія Его Высочества эта отрасль шла весьма посредственно: ни начальники дивизій, ни штабъ стрѣлковыхъ батальоновъ, почти не касались хозяйства. Вникнувъ въ это, Великій Князь установилъ правила періодической отчетности, сосредоточилъ въ бригадномъ управленіи всѣ свѣдѣнія о хозяйственныхъ приходахъ и расходахъ батальона; даны были подробныя инструкціи, указаны недостатки и средства для ихъ отстраненія. Читая исходившія отъ Его Высочества распоряженія, остается удивляться той практичности пріемовъ и той вѣрности взгляда, которыя проявлялись въ каждомъ приказаніи и въ каждомъ его приказѣ.

Параллельно усовершенствованію хозяйственной части, шло улучшеніе и другихъ отраслей управленія и образованія. На умственное развитіе стрѣлковъ обращено было особенное вниманіе и даны были къ тому всѣ средства. Такъ въ первый-же годъ начальствованія бригадою, Великій Князь приказалъ, на собственныя его средства, купить 924 изданія различныхъ полезныхъ книгъ и брошюръ и раздѣлить ихъ въ роты. Инспектируя батальонъ въ 1873 году, Его Высочество до такой степени подробно осматривалъ его, что данный имъ батальонному командиру ордеръ заключалъ въ себѣ 10 листовъ убористаго письма.

Въ виду предстоявшаго во второй половинѣ апрѣля пріѣзда въ Петербургъ Императора Германскаго, батальонъ 10-го апрѣля перешелъ въ столицу, гдѣ былъ помѣщенъ въ казармахъ Измайловскаго полка. Тамъ долженъ былъ праздноваться, въ присутствіи Ихъ Величествъ,

батальонный праздникъ, но парадъ, по случаю холода и ненастья былъ отмѣненъ. На выходѣ Государь Императоръ былъ въ мундирѣ батальона, поздравилъ офицеровъ съ праздникомъ и выразилъ сожалѣніе, что погода помѣшала ему видѣть своихъ стрѣлковъ. Въ этотъ-же день Великій Князь Владиміръ Александровичъ былъ зачисленъ въ списки батальона. Затѣмъ батальонъ участвовалъ въ встрѣчѣ Императора Вильгельма и во всѣхъ бывшихъ въ его пребываніе парадахъ и торжествахъ.

Весна 1873 г. сопровождалась рядомъ торжественныхъ встрѣчъ, смотровъ и парадовъ. Не смотря на ненастье, продолжавшееся во все время пребыванія въ Петербургѣ Императора Вильгельма, иностранные гости присутствовавшіе на ученьяхъ выражали удивленіе къ стройности движеній и легкости шага стрѣлковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ батальонъ вновь участвовалъ въ встрѣчѣ Персидскаго шаха и въ бывшемъ для него парадѣ. Во время лагеря того же года, происходили на практикѣ испытанія новаго устава, вызванные перемѣнами переорганизаціи полковъ изъ трехъ въ 4-хъ батальонный составъ и упраздненіемъ въ нихъ стрѣлковыхъ ротъ. Для этихъ испытаній, роты батальона были распредѣляемы по полкамъ 1-й дивизіи: 1-я въ Преображенскій, 2-я – въ Семеновскій, 3-я – въ Измайловскій и 4-я рота въ Егерскій, чрезъ что самостоятельныхъ занятій въ батальонѣ въ теченіи лагеря почти не было. Маневры же въ концѣ его происходили къ сторонѣ Ямбурга. Осенью поступили въ роты новобранцы, прямо съ мѣстъ набора и это былъ первый опытъ обученія ихъ въ своихъ частяхъ, помимо подготовки въ резервныхъ батальонахъ, которые и были упразднены. Опытъ вполнѣ удался, доказавъ непреложную истину, что всякое дѣло, всегда и вездѣ

сдѣлается лучше, когда дѣлается для себя, чѣмъ для другихъ. Такъ вышло и съ обученіемъ новобранцевъ. Обучаемые въ ротахъ были настолько лучше прежнихъ, подготовляемыхъ въ резервахъ, что въ слѣдующемъ году, занимавшійся ими офицеръ получилъ награду внѣ правилъ.

Въ какой мѣрѣ велико было участіе Его Высочества къ нуждамъ батальона видно изъ того, что по его ходатайству, караульная служба была значительно облегчена уменьшеніемъ постовъ. Кромѣ того, помѣщеніе семейныхъ нижнихъ чиновъ расширено и обращено вниманіе на улучшеніе ихъ быта. Чтобы удешевить для стрѣлковъ пріобрѣтеніе различныхъ матеріаловъ и предметовъ, необходимыхъ въ солдатскомъ быту, Великій Князь приказалъ покупать ихъ въ роты оптомъ. Ни упущенія по текущей перепискѣ, ни отступленія отъ правилъ установленныхъ для полковыхъ судовъ, ничто не ускользало отъ Его вниманія и каждое дѣло батальоннаго суда было Имъ просматриваемо отдѣльно. Кромѣ того, по указаніямъ Его Высочества, въ бригадномъ управленіи были выработаны и утверждены Великимъ Княземъ: положенія объ офицерскомъ вспомогательномъ капиталѣ и о школѣ солдатскихъ дѣтей. Въ Его же командованіе бригадою батальонъ избавился отъ затруднявшихъ его занятія и не приносившихъ особенной пользы хозяйству огородовъ, взамѣнъ которыхъ былъ увеличенъ отпускъ приварочныхъ денегъ.

Но ни въ чемъ такъ не выразилась любовь къ стрѣлкамъ ихъ Августѣйшаго бригаднаго командира, какъ въ учрежденіи въ батальонѣ школы для солдатскихъ дѣтей, остававшихся до тѣхъ поръ безъ всякаго призрѣнія. Еще въ концѣ минувшаго года Его Высочество обратилъ вни-

маніе на ихъ положеніе и приказалъ составить въ бригадномъ управленіи проэктъ устройства школы, сначала на 20 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, смотря по средствамъ, комплектъ воспитанниковъ могъ быть доведенъ до 30.

Устройство школы требовало значительныхъ издержекъ, а между тѣмъ экономическія средства батальона были крайне ограничены. Казалось, что при ихъ скудности нельзя было и думать о предстоящей затратѣ; но Великій Князь не остановился предъ этимъ. Онъ видѣлъ всю необходимость и всю пользу немедленнаго учрежденія школы и благодаря его ходатайству и щедротамъ лицъ Императорской фамиліи, средства явились. Государь Императоръ изволилъ пожаловать 2000 р., Государь Наслѣдникъ 1500 р., Великій Князь Сергій Александровичъ 1000 р., Его Высочество начальникъ бригады 750 р. и приказалъ отчислить изъ батальонныхъ суммъ 1000 р. Такимъ образомъ составился капиталъ въ 6250 р., который и былъ употребленъ на первоначальное устройство и обзаведеніе школы. Независимо отъ этого, по ходатайству Великаго Князя, разрѣшено было ежегодно отпускать на школу по 750 руб. изъ суммъ штаба гвардіи и петербургскаго военнаго округа. При открытіи школы произошелъ слѣдующій эпизодъ. Когда послѣ освященія помѣщеній Великій Князь садился въ экипажъ, къ ногамъ Его Высочества бросился изъ толпы босой и въ оборванной одеждѣ мальчикъ, съ мольбою принять его въ школу. Его Высочество приказалъ помѣстить несчастнаго своимъ пансіонеромъ. Мальчикъ этотъ теперь первый солистъ на корнетѣ, въ музыкантскомъ хорѣ батальона.

1-го августа батальонъ встрѣчалъ въ Царскомъ Селѣ

нареченную невѣсту своего бригаднаго командира, Принцессу Марію Мекленбургъ-Шверинскую. Для этого онъ былъ сначала построенъ у воротъ большаго дворцоваго двора, фронтомъ къ китайскому мосту, а послѣ проѣзда кортежа сталъ лицомъ къ фасаду дворца. Торжественный въѣздъ Ея Высочества въ столицу происходилъ 15-го числа. При этомъ батальонъ былъ построенъ вдоль Загороднаго проспекта, отъ Звенигородской улицы. На другой день офицеры присутствовали при бракосочетаніи Ихъ Высочествъ.

Не думали стрѣлки Его Величества, что вслѣдъ за этимъ радостнымъ событіемъ, они будутъ огорчены извѣстіемъ, что Великій Князь Владиміръ Александровичъ оставляетъ бригаду, потому что назначается начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, бригада же переходитъ по прежнему къ генералъ-адъютанту Черткову.

Вскорѣ послѣ своего бракосочетанія, Его Высочество отъѣхалъ въ Ливадію и среди бывшихъ при дворѣ празднествъ, не имѣлъ времени проститься съ стрѣлками, но удостоилъ ихъ слѣдующимъ рескриптомъ, даннымъ на имя генералъ-адъютанта Черткова:

„Григорій Ивановичъ! Передъ отъѣздомъ моимъ въ Ливадію, я, къ крайнему моему сожалѣнію, не успѣлъ проститься съ стрѣлками,—не успѣлъ высказать тѣ мысли и чувства, съ которыми я оставилъ любимую бригаду. Возвратясь нынѣ изъ поѣздки, считаю первымъ долгомъ своимъ, просить Васъ передать отъ меня, ввѣренной Вамъ бригадѣ, слѣдующее:

„Находясь два съ половиною года во главѣ гвардейской стрѣлковой бригады, я постоянно видѣлъ во всѣхъ моихъ подчиненныхъ, отъ офицера до солдата, искреннюю преданность своему долгу, разумное пониманіе и добросо-

вѣстное исполненіе обязанностей. Такая обстановка командованія говоритъ сама за себя. Мнѣ остается только прибавить, что время моей службы въ бригадѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшее время моей жизни".

„Съ глубокимъ сожаленіемъ растаюсь съ вами стрѣлки! И вдали отъ васъ мнѣ будетъ также дорого и близко къ сердцу все что относится до бригады, какъ и въ ту пору, когда я служилъ съ Вами. Оставляю Васъ съ твердою увѣренностію, что батальоны бригады сохранятъ за собою навсегда то почетное мѣсто, которое они занимаютъ въ ряду славныхъ войскъ нашего дорогаго отечества".

Нѣсколько ранѣе перемѣны бригаднаго начальника послѣдовала перемѣна и батальоннаго командира, которымъ, вмѣсто полковника Арисгофена, былъ назначенъ л.-гв. Павловскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ.

Въ слѣдующіе 1875 и 1876 года, жизнь и служба батальона шли своимъ обычнымъ теченіемъ. Какъ на послѣдствія веденія батальона въ смыслѣ пріученія его къ выносливости и вселенія въ нижнихъ чиновъ присущей стрѣлковой части живости и бодрости, можемъ указать на то, что на маневрахъ ему нерѣдко приходилось дѣлать, съ замѣчательною скоростью, весьма большіе переходы. Это особенно было замѣчено на маневрахъ 1875 года, когда батальонъ въ теченіи сутокъ сдѣлалъ болѣе 45 верстъ, неимѣя ни одного отсталаго. Послѣдовавшая въ іюнѣ 1876 г., почти внезапная кончина Его Высочества Герцога, поразила стрѣлковъ своею неожиданностью и произвела послѣдующія потомъ перемѣны въ административномъ управленіи стрѣлковымъ дѣломъ. Хотя о болѣзни Инспектора и было извѣстно, но всѣ считали ее легкою и никто не ожидалъ роковаго исхода.

Это была невознаградимая потеря для всѣхъ стрѣлковъ русской арміи. Терпѣливо, безъ порывовъ и громкихъ приказовъ, велъ Герцогъ стрѣлковую часть все впередъ и впередъ, и искренне любя ее самъ, умѣлъ вселить эту любовь въ подвѣдомственные ему батальоны.

Результаты любви къ своей спеціальности и преданности долгу, блистательно доказаны стрѣлками въ минувшую войну, но главному ихъ виновнику не суждено было порадоваться плодами трудовъ своихъ.

По случаю кончины Герцога, батальонъ 9 іюня выступилъ изъ лагеря въ Петербургъ и 11-го, въ составѣ всей бригады, участвовалъ въ погрѣбальной церемоніи, при чемъ рота Его Величества находилась въ почетномъ караулѣ, выставленномъ у Анненской кирки, гдѣ происходило отпѣваніе.

Какъ велико было общее соболѣзнованіе стрѣлковъ о кончинѣ ихъ Инспектора, видно изъ слѣдующаго приказа по бригадѣ.

„По окончаніи церемоніи похоронъ покойнаго Герцога Мекленбургъ-Стрѣлецкаго, Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Екатерина Михаиловна изволила выразить г.г. офицерамъ ея душевную благодарность, за то теплое соболезнованіе, которое они проявили при смерти Его Великогерцогскаго Высочества и которое глубоко Ее тронуло. Вмѣстѣ съ этимъ Великая Княгиня соизволила сказать, что покойный Герцогъ, постоянно, съ особеннымъ отличіемъ отзывался о гвардейской стрѣлковой бригадѣ, съ которою Его связывала служба и личное Его расположеніе“.

„Считаю долгомъ передать столь сочувственный отзывъ Ея Высочества всѣмъ г.г. офицерамъ ввѣренной мнѣ бригады“.

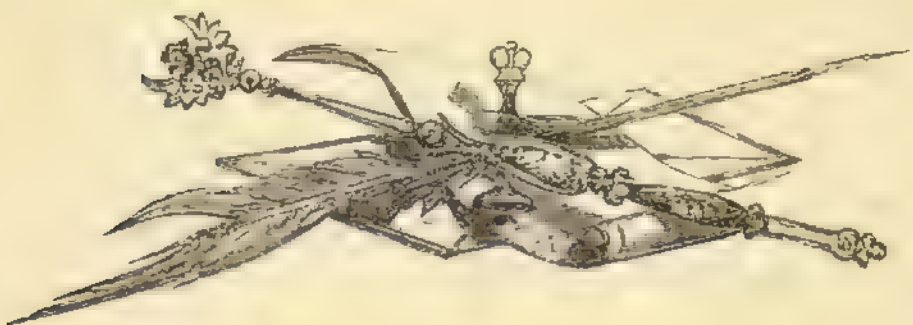
Весною 1876-го года офицерское собраніе едва не было

совершенно уничтожено пожаромъ, который случился на кухнѣ, отъ лопнувшей трубы. Онъ былъ замѣченъ, когда пламя уже пробивалось черезъ крышу и угрожало общей столовой. Энергическія дѣйствія офицеровъ и усердіе стрѣлковъ, во время остановили распространеніе пламени. Хотя пожаръ былъ вскорѣ прекращенъ, но огонь, а еще больше поломки, нанесли значительный ущербъ. Масса книгъ, большая часть которыхъ была подарена библіотекѣ первымъ батальоннымъ командиромъ графомъ Строгоновымъ, бронза, нѣсколько портретовъ бывшихъ офицеровъ и отчасти билліардъ были поломаны и утрачены. Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, узнавъ о происшествіи, приняли участіе въ понесенныхъ убыткахъ. Безъ ихъ помощи офицеры на долго были бы лишены тѣхъ удобствъ, которыя они снова получили по возстановленіи собранія. Лишеніе этихъ удобствъ было на столько ощутительно, что на третій день послѣ пожара, офицеры просили, временно, устроить столовую въ полуразрушенномъ баракѣ. Дежурную комнату отвели въ одномъ изъ покоевъ казармы 4-й роты. Собраніе было возстановлено только въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

События происходившія въ 1875 и 76 годахъ на Балканскомъ полуостровѣ, имѣли значительное вліяніе на настроенія офицерскаго общества. Составляя предметъ общихъ разговоровъ, онѣ разжигали воинственное настроеніе, возбуждали участіе, выразившееся не только въ пожертвованіяхъ, но и лично. Какъ только было узнано, что Сербія и Черногорія объявили войну Турціи, двое офицеровъ батальона, штабсъ-капитанъ графъ Тизенгаузенъ и прапорщикъ Савримовичъ, выйдя въ отставку, по-

ступили въ Сербскую армію. Въ дѣлѣ подъ Алексинацомъ, первый былъ сильно израненъ и только чудомъ остался живъ. Пуля пробивъ кошелекъ находившійся въ его лѣвомъ карманѣ, ударилась о червонецъ и только пробила мундиръ. Савримовича постигла горькая участь. Раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и привязанъ къ дереву; ему разрѣзали животъ и клали въ рану горящія угли, что происходило на глазахъ сербской сторожевой цѣпи.

Еще болѣе видное участіе въ борьбѣ Славянъ съ Турками принимали два бывшіе офицера батальона, полковники Межениновъ и Депрерадовичъ. Кромѣ личной храбрости, они показали себя весьма дѣльными и знающими боевое дѣло командирами отдѣльныхъ отрядовъ. Вѣсть о смерти Савримовича и ея подробности еще болѣе возбудили у офицеровъ и стрѣлковъ желаніе отмстить туркамъ за истязанія единовѣрныхъ славянъ.

ГЛАВА X.

Передъ войною.

Ожиданія войны. — Перемѣна бригаднаго командира. — Отъѣздъ Государя къ арміи. — Телеграммы по случаю батальоннаго праздника. — Лагерь 1877 года. — Извѣстіе о переправѣ черезъ Дунай. Повелѣніе о походѣ гвардіи. — Мобилизація батальона. — Проводы изъ Царскаго Села. — Батальонъ въ Колпинѣ. Отъ Москвы до границы.

Наступившій 1877-й годъ засталъ батальонъ въ напряженномъ состояніи. Всѣ чувствовали, что война близка, но не была еще объявлена. Великій Князь Николай Николаевичъ ужь два мѣсяца находился во главѣ дѣйствующей арміи въ Кишиневѣ и ходъ политическихъ переговоровъ все болѣе и болѣе предвѣщалъ скорый разрывъ съ Турціею. Хотя о включеніи гвардіи въ составъ дѣйствующей арміи не было еще рѣчи, тѣмъ не менѣе частныя распоряженія указывали, что и среди мирныхъ, обыкновенныхъ занятій, возможно внезапное приказаніе привести батальонъ въ составъ военнаго времени. Командиромъ его, полковникомъ Эбелингомъ, составленъ былъ планъ мобилизаціи ротъ, а поступившихъ въ нихъ новобранцевъ

*

приказано обучать по сокращенному двухмѣсячному сроку. Вообще же составъ батальона этого времени можно было назвать очень молодымъ: старыхъ солдатъ было въ немъ весьма мало, а сверхсрочно служащихъ всего 8.

Въ концѣ января начальникъ бригады, генералъ-адъютантъ Чертковъ, производилъ весьма подробный инспекторскій смотръ, чѣмъ закончилъ свое начальствованіе стрѣлками гвардіи, такъ какъ вскорѣ былъ назначенъ командующимъ 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, гвардейскую же стрѣлковую бригаду принялъ генералъ-маіоръ Эллисъ I.

Въ началѣ апрѣля Государь Императоръ, вмѣстѣ съ командиромъ гвардейскаго корпуса, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, отъѣхалъ къ дѣйствующій арміи въ Бессарабію. Это событіе ясно указывало на близость войны, что вскорѣ и оправдалось. 13-го апрѣля въ батальонѣ совершено было молебствіе, по случаю вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы Турціи. Вслѣдствіе же отсутствія Государя, батальонный праздникъ этого года пришлось справлять по домашнему; но и съ рубежа Россіи, среди совершающагося для нея великаго событія, Государь Императоръ, Августѣйшій командиръ корпуса и вождь дѣйствующей арміи, вспомнили въ этотъ день стрѣлковъ своихъ.

Приводимъ въ подлинникѣ полученныя полковникомъ Эбелингомъ отъ нихъ телеграммы.

1) *Депеша Государя Императора.*

Поздравляю батальонъ съ праздникомъ и благодарю за вѣрную и усердную службу, увѣренъ, что если дойдетъ

до дѣла, то стрѣлки будутъ достойны своего георгіевскаго знамени.

Александръ.

2) *Депеша Государя Наслѣдника.*

Поздравляю искренно стрѣлковъ съ рожденіемъ Августѣйшаго шефа и съ батальоннымъ праздникомъ.

Цесаревичъ *Александръ.*

3) *Отъ Великаго Князя Владиміра Александровича.*

Отъ души поздравляю стрѣлковъ Его Величества съ праздникомъ и пью здоровье батальона.

Владиміръ.

4) *Отъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.*

Поздравляю съ батальоннымъ праздникомъ, прошу передать господамъ офицерамъ и молодцамъ стрѣлкамъ мое поздравленіе.

Николай.

5) *Отъ Великой Княгини Екатерины Михаиловны.*

Мнѣ особенно близко сердцу поздравить батальонъ съ праздникомъ, въ память той глубокой привязанности, которую питалъ покойный Герцогъ къ батальону и мундиромъ коего такъ дорожилъ.

Екатерина.

Польщенный столь милостивымъ вниманіемъ лицъ Императорской фамиліи, полковникъ Эбелингъ отвѣчалъ имъ отъ имени батальона, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Государю Императору.

Стрѣлки Вашего Величества, осчастливленные милостію Августѣйшаго шефа, съ восторгомъ повергаютъ къ стопамъ вашимъ выраженіе своего вѣрноподданническаго чувства и непоколебимой преданности обожаемому Монарху. Мы всѣ молимся за успѣхъ славной дѣйствующей арміи.

Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Осчастливленные милостивымъ поздравленіемъ Втораго шефа, стрѣлки Его Величества имѣютъ счастье благодарить Ваше Высочество и принести поздравленіе съ днемъ рожденія Государя Императора.

Великому Князю Владиміру Александровичу.

Стрѣлки Его Величества, обрадованные Вашимъ поздравленіемъ, тронуты благосклонымъ вниманіемъ своего бывшаго начальника.

Великому Князю Главнокомандующему.

Батальонъ глубоко тронутъ поздравленіемъ Вашего Высочества. Всѣ мы молимъ Господа Бога, да поможетъ онъ нашему обожаемому Главнокомандующему и доблестной Его арміи, со славою исполнить великій подвигъ.

Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

Осчастливленные и глубоко тронутые милостивымъ поздравленіемъ Вашимъ, стрѣлки Его Величества, съ чувствомъ безконечной признательности, просятъ принять изъявленіе ихъ искренней благодарности.

25-го апрѣля Государь возвратился изъ арміи. Поэтому случаю всѣ офицеры батальона были въ Петербургѣ, для встрѣчи Его Величества. Она была особенно знаменательна неописаннымъ восторгомъ, выраженнымъ какъ войсками, такъ и народомъ. Государь оставался въ столицѣ не болѣе мѣсяца, въ теченіи котораго батальонъ участвовалъ, 28-го апрѣля въ общемъ парадѣ и 30-го въ процессіи присяги Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. 10-го же мая стрѣлки встрѣчали Государя въ мѣстѣ постояннаго своего квартированія, по случаю переѣзда Высочайшаго двора въ Царское село. Въ тотъ же день послѣдовало распоряженіе, о сформированіи сводной конвой-

ной гвардейской роты, при особѣ Государя, въ составъ которой поступили изъ батальона: одинъ унтеръ-офицеръ и пять стрѣлковъ. Въ половинѣ мая въ Царское село привезли флагъ съ взорваннаго турецкаго монитора. Государь приказалъ поставить его въ красной верфи, что у большаго пруда дворцоваго парка. Въ тотъ же день, гуляя, Его Величество встрѣтивъ въ саду нѣсколькихъ офицеровъ, спросилъ ихъ видѣли ли они флагъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Онъ приказалъ имъ идти вмѣстѣ съ Нимъ и лично показалъ первый трофей только что начинавшейся войны. Полученную же еще до того телеграмму о потопленіи того же броненосца, Государь прочиталъ дежурному по карауламъ и приказалъ словесно передать находившимся въ караулѣ стрѣлкамъ.

21-го мая Его Величество, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, вновь отправился къ арміи, а черезъ 2 недѣли батальонъ выступилъ въ лагерь подъ Красное село.

Не радостенъ былъ этотъ лагерь осиротѣвшему батальону. Всѣ его Августѣйшіе начальники находились тамъ, куда рвались сердца и мысли стрѣлковъ и гдѣ предстояло совершиться великимъ событіямъ. Замѣчательно, что и среди приготовленій къ нимъ, Государь Наслѣдникъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, находилъ возможнымъ удѣлять вниманіе къ происходившему въ гвардіи. Приказъ Его Высочества, отданный по корпусу въ Кишиневѣ, служитъ явнымъ тому доказательствомъ. Въ немъ были подробно разобраны результаты зимнихъ занятій стрѣлковъ и даны инструкціи для лѣтнихъ.

Исполнить волю и указаніе своего Августѣйшаго кор-

пуснаго командира было постояннымъ стремленіемъ всѣхъ чиновъ батальона. Оно вскорѣ было поощрено радостною вѣстью изъ арміи, о славной ея переправѣ черезъ Дунай. у Зимницы. Стрѣлки узнали объ этомъ геройскомъ подвигѣ изъ полученныхъ 17-го іюня телеграммъ, въ тотъ же день объявленныхъ въ приказѣ по батальону. Все въ нихъ выраженное настолько достопамятно, что должно быть навсегда сохранено на страницахъ исторіи каждой гвардейской части, а потому мы дословно помѣщаемъ ихъ.

1. *Временно командующему войсками, генералъ-адъютанту барону Бистрому.*

Передайте гвардейскому корпусу, что сегодня совершилась у Зимницы переправа нашихъ войскъ. Представители гвардіи, изъ полуроты конвоя Его Величества, приняли самое горячее участіе въ этомъ молодецкомъ событіи; работали они на чистоту, достойно оправдавъ тѣмъ выборъ своего начальства; работа была все на штыкахъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Озеровъ раненъ пулею въ ногу; потеря въ полуротѣ велика, еще вѣрно неизвѣстна, но знаемъ, что два Преображенца убиты. много ранено, но неизвѣстно сколько и какихъ полковъ. Славное дѣло сдѣлано Волынскимъ полкомъ 14-ой дивизіи. Спѣшимъ обрадовать молодецкую гвардію этимъ радостнымъ и важнымъ событіемъ.

Цесаревичъ *Александръ* и Главнокомандующій *Николай.*

2. *Отъ Государя Цесаревича.*

„Поздравляю гвардейскій корпусъ. Главнокомандующему Государь далъ сегодня Георгія 2-й степени, за молодецкій переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Передайте сіе радостное извѣстіе гвардейцамъ. Да радуются они вмѣстѣ съ нами и благодарятъ Господа, благословившаго наше оружіе.

Цесаревичъ *Александръ.*

Обѣ эти депеши были прочтены у церковныхъ наметовъ дивизій и произвели всеобщій, неописанный восторгъ; но все таки въ отвѣтной телеграммѣ главнокомандующему было выражено, что войска гвардіи крайнѣ сожалѣютъ о томъ, что не могли раздѣлить славу своихъ товарищей на Дунаѣ.

Кромѣ того Великій Князь телеграфировалъ начальнику штаба округа:

„Слава Богу и слава молодецкимъ войскамъ! Многознаменательная и многотрудная переправа черезъ Дунай совершилась и послѣ лихаго и молодецкаго штыковаго боя, Систово и его высоты заняты окончательно. Гвардейцы мои явили геройство и храбрость; много ихъ легло и ранено. Гвардейскій штыкъ, какъ я имъ предсказалъ, отправляя ихъ въ дѣло, работалъ на чистоту. Восторгъ всего войска огромный. Царь въ восторгѣ".

Николай.

Государь Императоръ настолько былъ милостивъ, что въ отвѣтной депешѣ на поздравленіе съ побѣдою, изволилъ переименовать потери гвардейской полуроты и назвалъ поименно всѣхъ награжденныхъ, прибавивъ: „Прошу передать объ этомъ во всѣ полки". Изъ представителей батальона потерь не было.

Отвѣчая на посылаемое отъ красносельскаго лагеря поздравленіе, главнокомандующій писалъ: „Поздравленіе моихъ любимыхъ войскъ красносельскаго сбора душевно тронули и порадовали меня. Мысли мои часто съ вами. Зная ихъ преданность ко мнѣ, понимаю насколько они сочувствуютъ нашимъ успѣхамъ".

„Всѣ мечтаютъ о счастіи примкнуть къ Вамъ",—доносилъ Великому Князю графъ Шуваловъ.

Но эти мечтанія длились ровно мѣсяцъ, въ продолже-

ніи котораго обыкновеннымъ, однообразнымъ порядкомъ производились лагерныя занятія. Жизнь батальона шла безъ особыхъ нарушеній лагерной программы; извѣстія изъ дѣйствующей арміи какъ бы притихли, какъ вдругъ это затишье, 20-го іюля было прервано полученнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ о мобилизаціи гвардіи и о ея присоединеніи къ дѣйствующей арміи. Только тотъ, кто былъ личнымъ свидѣтелемъ произведеннаго этимъ повелѣніемъ впечатлѣнія, пойметъ силу восторга обуявшаго всѣхъ чиновъ батальона. Томительное ожиданіе кончилось; всѣ сознали, что для будущности стрѣлковъ Его Величества наступаетъ время, когда они должны будутъ доказать Державному своему шефу и русской гвардіи, изъ которой возродились, въ какой мѣрѣ они достойны милостей Монарха и славы знаменъ тѣхъ полковъ изъ которыхъ были сформированы.

22-го іюля батальонъ перешелъ изъ лагеря въ Царское село, гдѣ немедленно закипѣла усиленная дѣятельность по мобилизаціи и приготовленіямъ къ походу. Въ этотъ же день получена была копія съ депеши главнокомандующаго начальнику штаба округа. Въ ней говорилось:

„Слава Богу! Гвардія и 24-я дивизія, съ Высочайшаго соизволѣнія, посылаются ко мнѣ. Распорядиться слѣдуетъ быстро и молодецки, какъ я это люблю. Гвардейская стрѣлковая бригада тоже отправляется. Передай моимъ молодцамъ, моему дѣтищу гвардіи, что я жду ихъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ. *Я ихъ знаю и они меня.* Богъ поможетъ и они не отстанутъ отъ моей здѣшней арміи".

Николай.

На другой же день по возвращеніи изъ Краснаго села, младшій штабъ-офицеръ батальона, полковникъ Тишинъ,

былъ назначенъ завѣдующимъ сборнымъ пунктомъ пріема и распредѣленія призываемыхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ, а помощникомъ ему—поручикъ Кончаковскій, съ которымъ были отправлены въ Петербургъ два унтеръ-офицера, два стрѣлка и писарь. Распредѣленіе происходило въ Михайловскомъ манежѣ *).

23-го іюля изъ состава батальона были отдѣлены тѣ нижніе чины, которые по докторскому осмотру признаны немогущими, по слабости силъ, идти въ походъ, а также и тѣ, которые назначены въ постоянный кадръ запасной роты. Затѣмъ распоряженія по поводу приведенія батальона въ военный составъ и для предстоящаго похода состояли въ слѣдующемъ:

1) Изъ числа нижнихъ чиновъ инвалидной команды оставлено нѣсколько человѣкъ при церкви, въ школѣ солдатскихъ дѣтей, при канцеляріи и для присмотра за оставляемыми въ складахъ вещами. 2) Всѣмъ чинамъ батальона приказано заступать въ должности въ походной формѣ. 3) Отобраны отъ нижнихъ чиновъ мундиры втораго срока, взамѣнъ которыхъ выданы новые изъ неприкосновеннаго запаса. 4) Для освидѣтельствованія прибывающихъ, составлена при батальонѣ особая коммисія. 5) Въ составъ запасной роты назначены: штабсъ-капитанъ Рейманъ — ея командиромъ, поручикъ Зубинскій и подпоручики — Викушевъ и Дейхманъ. Изъ числа же нижнихъ чиновъ въ эту роту поступили съ каждой по одному унтеръ-офицеру, по 2 стрѣлка-ефрейтора и кромѣ того 56 стрѣлковъ.

*) По возвращеніи изъ лагеря, т. е. при началѣ мобилизаціи, въ батальонѣ состояло: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 38, музыкантовъ 64, стрѣлковъ 472 и нестроевыхъ 47.

21 музыкантъ, 9 музыкантскихъ учениковъ, 15 горнистовъ и 17 нестроевыхъ.

Съ 26-го іюля начали прибывать призывные изъ запаса и тотчасъ-же распредѣлялись по ротнo и въ нестроевую команду. Тѣ изъ нихъ, которые казались по силамъ менѣе надежными, поступали на пополненіе запасной роты. Тогда-же было приступлено къ пригонкѣ одежды, ранцевъ и къ пристрѣлкѣ ружей. Одновременно съ этимъ начались строевыя занятія, причемъ особенное вниманіе было обращено на прикладку, прицѣливаніе и спускъ курка. При повѣркѣ познаній призывныхъ, въ сборкѣ и разборкѣ ружья, въ сторожевой и внутренней службѣ, а также и въ дисциплинарномъ уставѣ, оказалось, что они въ значительной степени забыли все это, такъ что ротнымъ командирамъ пришлось усиленно заниматься съ ними, чтобы хотя нѣсколько уровнять ихъ знанія, съ находящимися на службѣ. Къ общему недостатку, обнаруженному при мобилизаціи, нужно отнести то, что при распредѣленіи призывныхъ, въ батальонъ было назначено до 100 чел., никогда не служившихъ не только въ стрѣлкахъ, но и въ пѣхотѣ, изъ числа артиллерійстовъ и изъ кавалеріи.

Между тѣмъ и хозяйственныя приготовленія шли своимъ порядкомъ. Въ концѣ іюля приняты были лошади, по правиламъ о конской воинской повинности, исключены изъ списковъ батальона всѣ назначенные въ запасную роту, пополнялся комплектъ патроновъ и шла дѣятельная заготовка сухарей. Въ первыхъ числахъ августа полученъ былъ планъ перевозки батальона къ границѣ, по желѣзнымъ дорогамъ, сдѣланы сношенія съ завѣдующими передвиженіемъ и объявлены ротамъ правила для размѣщенія и слѣдованія въ вагонахъ.

Хотя отъ объявленія мобилизаціи до выступленія батальона оставался почти мѣсяцъ, но чѣмъ ближе подходилъ день выступленія, тѣмъ дѣятельнѣе шли приготовленія. Въ оружейной мастерской оттачивались штыки, тесаки и топоры, осаливалось до 90 тысячъ патроновъ, укладывались провіантскія телѣги, дѣлалась проѣздка обоза, и остающееся имущество сдавалось въ складъ, или передавалось на попеченіе командира запасной роты. Всѣмъ было много служебнаго дѣла и не менѣе личной заботы о себѣ.

Какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ сборы въ походъ были дѣломъ совершенно новымъ. Первые, урывками между службою, ѣздили въ Петербургъ закупать то, что считали необходимымъ и по неопытности накупали много такого, что не принесло потомъ никакой пользы; вторые торопились распродать на рынкѣ свое имущество и продавали за безцѣнокъ то, что по возвращеніи могло бы пригодиться и за что потомъ платили впятеро. Послѣдніе дни передъ выступленіемъ, суета на полковомъ дворѣ была всеобщая.

Дня за три до выступленія, Великая Княгиня Екатерина Михаиловна пожаловала батальону образъ Спасителя, какъ напутственное благословеніе. Черезъ недѣлю же по уходѣ батальона, Она же прислала командиру запасной роты штабсъ-капитану Рейхману 300 руб., для раздачи семействамъ ушедшихъ въ походъ нижнихъ чиновъ.

13-го августа отправили обозъ въ Колпино, для нагрузки и съ нимъ по 20 человѣкъ съ роты. Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ Царское село начальникъ бригады. Въ его присутствіи, въ 8 часовъ вечера, былъ отслуженъ для всѣхъ трехъ батальоновъ напутственный молебенъ.

Его совершали, вмѣстѣ съ клиромъ Софійскаго собора, 3 военные священника, изъ которыхъ состоящій въ батальонѣ, Викторъ Звѣревъ, назначенъ слѣдовать съ бригадою на войну. Часа за два до начала молебствія, народъ, со всѣхъ сторонъ, началъ наполнять площадь. Къ лицамъ имѣвшимъ въ рядахъ стрѣлковъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, присоединилась масса любопытствующихъ дачниковъ. Площадь была полна публики, когда батальонъ съ музыкою подходилъ къ мѣсту молебствія. Насколько совершавшееся священнодѣйствіе возбуждало внутреннія ощущенія, какъ молящихся такъ и зрителей, можно судить изъ слѣдующихъ словъ очевидца.

„Многотысячная публика стояла безмолвно. Солнце сіяло какъ то особенно ярко,—въ воздухѣ было тихо. Но вотъ начали, сначала рѣдко, а потомъ все чаще и чаще, слышатся глубокіе вздохи и всхлипыванья сдержаннаго плача. Видимо, что всѣ переживали торжественныя, трудныя минуты; у стрѣлковъ скатывались слезы; въ народѣ слышались рыданія. Между тѣмъ погода быстро измѣнилась: свинцовая туча закрыла солнце; въ концѣ молебна пошелъ сильный дождь“.

Наконецъ настало 14 августа, день выступленія батальона изъ Царскаго въ Колпино, откуда онъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ, долженъ былъ двинуться въ Москву. Въ то время когда роты собирались на батальонный дворъ для молебствія у своей церкви, возлѣ строя слышались прощальные поцѣлуи, слезы, говоръ, напутственныя пожеланія остающихся. Наконецъ все стихло, посторонніе отошли въ сторону, началось служеніе. Судя по выраженію лицъ, говоритъ участникъ, по напряженному вниманію къ совершающемуся, можно было заклю-

чить, какія разнообразныя мысли и ощущенія испытывались каждымъ въ эти минуты. Въ 8 часовъ утра батальонъ тронулся изъ Царскаго, по колпинскому шоссе. День былъ прекрасный, многіе изъ жителей провожали роты, одни пѣшкомъ, другіе въ экипажахъ; родные же и близкіе знакомые, кто изъ Царскаго, а кто и изъ Петербурга, направились въ Колпино, чтобы провести тамъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ отъѣзжающими *).

Покуда нагружались и отправлялись поѣзда другихъ батальоновъ, въ батальонѣ Его Величества люди обѣдали, впервые приготовляя себѣ пищу каждый въ маломъ походномъ котелкѣ. Время до отъѣзда проведено было среди родныхъ и знакомыхъ, наполнявшихъ вокзалъ. Небольшая дамская комната была полна отъѣзжающими и провожавшими. Разнообразное общество, въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи, приняло совершенно семейный оттѣнокъ. Внѣ вокзала, на платформахъ, было полное оживленіе: солдатскія пѣсни не умолкали, играла музыка; но по мѣрѣ приближенія отъѣзда, общее настроеніе становилось серьезнѣе. Второй и четвертый батальоны уѣхали, приближалась очередь и первому. Началась посадка, а съ нею и прощанье,— для многихъ послѣднее. Чѣмъ болѣе старались сдерживать свои ощущенія отъѣзжавшіе, тѣмъ неудержимѣе ли-

*) Прежде чѣмъ продолжать описаніе передвиженія батальона къ театру военныхъ дѣйствій, считаемъ необходимымъ замѣтить, что существующій въ печати разсказъ о походѣ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона, составленный участникомъ его поручикомъ Рагозинымъ, изложенъ настолько вѣрно и талантливо, что намъ остается взять изъ него многое и включить въ историческій очеркъ батальона. При этомъ дозволяемъ себѣ мѣстами дополнить этотъ разсказъ, данными, взятыми изъ оффиціальныхъ источниковъ, причемъ надѣемся, что авторъ не посѣтуетъ на насъ, какъ за эти дополненія, такъ и за тѣ сокращенія, которыя нами допущены.

лись слезы провожавшихъ. Ровно въ 9 часовъ вечера тронулся поѣздъ перваго эшелона, въ которомъ отправлялись роты Его Величества и 2-я, подъ начальствомъ батальоннаго командира, а въ 11½ послѣдовалъ за ними второй эшелонъ, изъ 3 и 4 ротъ, при капитанѣ Анцифировѣ *). Музыканты были раздѣлены поровну на оба эшелона.

Перечисляемъ теперь тѣхъ офицеровъ батальона, которые выступили съ нимъ изъ Царскаго села.

Командиръ батальона, флигель-адъютантъ полковникъ *Эбелингъ*.

Ротные командиры: роты Его Величества—штабсъ-капитанъ *Скарятинъ*; 2-й роты—штабсъ-капитанъ *Арсеньевъ*; 3-й роты—капитанъ *Зейдеръ*; 4-й роты—штабсъ-капитанъ *Эльрихъ*.

Младшіе офицеры: поручикъ *Артемовъ*; подпоручики: *Рогозинъ* и *Василевскій*, прапорщики: *Магденко*, *Кургановичъ*, *Савримовичъ 2-й*, *Генюгъ* и *Холявко*. Батальонный адъютантъ *Савримовичъ 1-й*; исправляющій должность казначея — подпоручикъ *Гейнрихсенъ*; квартермистръ — поручикъ *Жилинскій*.

Врачи: старшій — *Киселевъ* и младшіе—*Пареевъ*: священникъ *Звѣревъ*; чиновникъ обучающій музыкантовъ *Шмидтъ* и оружейный мастеръ *Ченне*, служащій въ батальонѣ со дня его основанія и до сего времени **).

---

*) Капитанъ Анцифировъ былъ прикомандированъ отъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона, для исправленія должности младшаго штабъ-офицера.

**) Составъ нижнихъ чиновъ, при выступленіи баталіона изъ Царскаго села, былъ слѣдующій: унтеръ-офицеровъ — 114, музыкантовъ — 54, стрѣлковъ — 697 и нестроевыхъ 77. Изъ запаса на укомплектованіе поступило всего 398 человѣкъ, часть которыхъ была назначена въ запасную роту.

15-го августа батальонъ имѣлъ на станціи Бологое обѣдъ, а 16-го около полудня, эшелоны его вступили въ Москву, гдѣ расположились въ Спасскихъ казармахъ. Тамъ во время дневки, 17-го числа, прочтенъ былъ передъ ротами достопамятный приказъ по дѣйствующей арміи, отданный Главнокомандующимъ въ Кишиневѣ, еще 12-го апрѣля.

Въ сердцѣ Россіи стрѣлки узнали причины войны и ни въ какомъ иномъ городѣ объявленіе этого приказа не могло бы возбудить такого энтузіазма, какъ именно въ Москвѣ. Приводимъ его въ подлинникѣ.

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами-братьями нашими. Горька ихъ неволя. Все что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровію добытое добро, — все поругано, осквѣрнено невѣрными. Не выдержали несчастные; возстали противъ угнетателей и вотъ уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчесчены, населеніе многихъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Всѣ представленія нашего Монарха и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась. Послѣднее слово царское сказано,—война объявлена.

Войска ввѣренной мнѣ арміи!

Намъ выпала доля исполнить волю царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братій нашихъ, на защиту вѣры Христовой.

Итакъ впередъ! дѣло наше свято и съ нами Богъ!

Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ-же грозно, какъ въ былые годы.

Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные-же жители, какой-бы вѣры и къ какому-бы народу они не принадлежали, равно какъ ихъ добро, да будутъ для насъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно. Никто не долженъ дозволить себѣ произвола. Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины. Въ немъ наша сила, залогъ успѣха и честь нашего имени".

18-го августа, въ $2^1/_2$ часа утра, батальонъ прибылъ на товарную станцію Курской желѣзной дороги, откуда двинулся двумя поѣздами, въ 6 и $7^1/_2$ часовъ, на югъ. Минуя Тулу и Орелъ, 19-го августа послѣ полудня, онъ прибылъ въ Курскъ, гдѣ расположился возлѣ станціи бивуакомъ *). Здѣсь стрѣлки впервые раскинули свои походныя палатки, подъ которыми провели ночь, гораздо удобнѣе чѣмъ въ вагонахъ. 20-го числа совершился переѣздъ до Харькова; тамъ роты получили горячую пищу и на утро, пересѣвъ въ вагоны Харьково-Николаевской дороги, 22-го августа, послѣ полудня, прибыли въ Елизаветградъ, откуда по одесской дорогѣ слѣдовали, 23-го числа, по Бессарабіи.

Въ теченіи этихъ дней получены уже были нѣкоторыя распоряженія и приказанія изъ штаба дѣйствующей арміи. Такъ въ Харьковѣ было объявлено по батальону, что Главнокомандующій, имѣя въ виду важность сохраненія въ военное время въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о военныхъ распоряженіяхъ и движеніяхъ, о дѣйствіи и состояніи войскъ, приказалъ напомнить объ этомъ всѣмъ чинамъ арміи, подтвердивъ, что всякое нарушеніе этой

*) На станціи Нинары, предводителемъ дворянства Малоархангельскаго уѣзда Д. Я. Скарятинымъ, былъ предложенъ офицерамъ роскошный завтракъ и особое угощеніе нижнимъ чинамъ.

тайны, влечетъ за собою взысканіе по воинскому уставу. Въ Полтавѣ сообщены были правила почтовой корреспонденціи и наконецъ въ Елизаветградѣ — о формѣ одежды на войнѣ. Затѣмъ почти ежедневно батальонъ началъ получать различные приказы Главнокомандующаго.

24-го августа, на станціи Пырлица, вслѣдствіе скопленія поѣздовъ, эшелоны были задержаны на 20 часовъ, а потому батальонъ сутками позже противъ маршрута перешелъ границу и только 25-го, 1-й эшелонъ въ полдень, а второй — около полуночи, вступилъ въ Яссы. Тамъ платформа была полна народа. Пестрая масса публики спѣшила взглянуть на русскую гвардію, но не видно было ни тѣни участія, ни тѣни сочувствія; простое любопытство и жажда наживы привлекали толпу.

Въ Яссахъ батальонъ расположился бивуакомъ на горѣ, въ верстѣ отъ города. Несмотря на палящую жару, офицеры спѣшили взглянуть на городъ, а подъ вечеръ музыканты и хоръ пѣсенниковъ были отправлены къ вокзалу. Въ Яссахъ всѣ были удивлены повсемѣстною чистотою; улицы съ асфальтовыми мостовыми, длинные ряды магазиновъ, прекрасныя извощичьи коляски, управляемыя нашими русскими выходцами, послѣдователями запрещенной секты, — все это вмѣстѣ, послѣ восьмидневнаго пребыванія въ душныхъ вагонахъ, производило пріятное впечатлѣніе.

ГЛАВА XI.

Отъ границы до Плевны.

От Яссъ до Фротешти. — Приказъ Государя Наслѣдника.—Встрѣча сдѣланная гвардейскимъ экипажемъ. — Батальонъ въ Горномъ-Студнѣ. — Высочайшій смотръ. — Устройство шалашей. — Движеніе къ Плевнѣ. — Бивуакъ у Парадима. Стоянка у Ени-Баркачь.—Генералъ Гурко принимаетъ гвардію.

альнѣйшее движеніе батальона отъ Яссъ. происходило уже по Румынской желѣзной дорогѣ, со всѣми тѣми-же остановками и задержками, съ тѣми же неудобствами и безъучастіемъ, которыя испытаны войсками, ѣхавшими прежде и послѣ стрѣлковъ, и которые много разъ описаны участниками минувшей кампаніи.

27-го августа батальонъ проѣхалъ Браиловъ, 28-го— Бухарестъ и въ тотъ-же день вечеромъ выгрузился на станціи Фротешти, гдѣ бивуакъ былъ назначенъ въ двухъ верстахъ отъ станціи; но за совершенною темнотою роты не нашли его и остановились на дорогѣ. Нѣсколько ночей проведенныхъ въ тѣсныхъ и душныхъ вагонахъ, почти безъ сна, были причиною, что стрѣлки какъ шли, такъ и легли на кочки засохшей грязи. Поутру оказалось, что назначенный бивуакъ всего въ полуверстѣ, на склонѣ горы, покрытомъ старымъ запущеннымъ паркомъ. Здѣсь батальонъ присоединился ко второму и четвертому

своей бригады и вмѣстѣ съ ними пользовался двухдневнымъ отдыхомъ.

30-го августа, въ день тезоименитства своего Шефа, въ то время когда разыгрывался бой извѣстный подъ именемъ третьей Плевны, на бивуакѣ стрѣлковъ происходилъ церковный парадъ всей бригады, послѣ котораго нѣкоторые изъ офицеровъ, воспользовавшись дневкою, ѣздили въ Журжево, чтобы ближе взглянуть на отдаленныя твердыни Рущука и на наши прибрежныя батареи.

„Встрѣтившій насъ артиллерійскій офицеръ пишетъ участникъ этой прогулки—несказано намъ обрадовался. Мы поняли эту радость. Поселившись съ апрѣля мѣсяца чуть не въ самыхъ тростникахъ Дуная, онъ изолировался отъ всего живаго и кромѣ нѣсколькихъ солдатъ своей батареи никого не видалъ... Разговорамъ и вопросамъ не было-бы и конца, если-бы не пришло приказаніе открыть стрѣльбу. Мы должны были спѣшить въ Журжево, къ поѣзду идущему обратно во Фротешти. Только что онъ двинулся, какъ грянулъ выстрѣлъ, турки отвѣтили и началась канонада“.

Во время дневки во Фротешти, батальонъ получилъ слѣдующій приказъ Государя Наслѣдника, по гвардейскому корпусу.

Войска гвардейскаго корпуса!

„Державною волею вы призваны къ участію въ нынѣшней славной борьбѣ. Государь съ довѣріемъ смотритъ на васъ и убѣжденъ, что Его гвардія и въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ покроетъ себя такою-же славою, какъ наши предки, поддержитъ доброе и честное имя присвоенное ея знаменамъ. Въ этомъ Я ручаюсь передъ Его Ве-

личествомъ и надѣюсь мы докажемъ, что не даромъ Государь осыпалъ насъ знаками самаго высокаго вниманія".

„Не числительнымъ превосходствомъ, не превосходствомъ вооруженія и не силою оборонительныхъ позицій Румянцевъ, Суворовъ и Дибичь обезсмертили свое имя побѣдами надъ турками, но духомъ предпріимчивости, искусствомъ маневрированія и доблестью солдата".

„Возьмемъ этихъ героевъ за образецъ и будемъ помнить, что никогда нерѣшительность и колебаніе, а всегда предпріимчивость, упорство и взаимная выручка, были надежнѣйшими средствами къ побѣдѣ".

„За лишнее считаю въ настоящую минуту напоминать о сохраненіи дисциплины въ нашихъ рядахъ. Мы всѣ одинаково убѣждены, что войско безъ дисциплины — толпа неспособная къ великимъ дѣяніямъ, поэтому нашею основною заботою будетъ твердое поддержаніе во всѣхъ положеніяхъ этого священнаго закона".

Командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Александръ.

31-го августа батальонъ, въ составѣ бригады, выступилъ далѣе, въ походномъ порядкѣ. Ранцы были сложены на подводы и не смотря на сильно знойный день, стрѣлки шли бодро. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что здоровье нижнихъ чиновъ, во все время передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, было въ отличномъ состояніи. Отъ Царскаго Села до Дуная сдано всего 9 человѣкъ, въ госпитали попутныхъ городовъ.

Верстахъ въ 10 отъ Фратешти, батальонъ былъ встрѣченъ бивакировавшихъ не вдалекѣ Гвардейскимъ экипажемъ, командиръ и офицеры котораго оказали стрѣлкамъ, какъ первымъ гвардейцамъ явившимся послѣ нихъ на театръ войны, особенное вниманіе. Возлѣ дороги былъ поставленъ почетный караулъ, мимо кото-

раго бригада прошла церемоніальнымъ маршемъ. Во время продолжительнаго привала, гостепріимные моряки предложили офицерамъ завтракъ и обильное угощеніе нижнимъ чинамъ. „Здѣсь пировали три часа"—сказано въ походномъ журналѣ батальона—„восторгъ былъ всеобщій, любезностямъ моряковъ не было конца".

Послѣ ихъ радушнаго пріема вторая половина перехода казалась труднѣе и только въ 6 часовъ вечера батальонъ прибылъ въ деревню Путеней, сдѣлавъ въ день всего 20 верстъ. На слѣдующій день предстояло преодолѣть переходъ до мѣстечка Бригадира. Памятный для всѣхъ совершавшихъ его, на протяженіи 30 верстъ, по безводной равнинѣ, сплошь засѣянной кукурузою, онъ былъ особенно тяжелъ.

2-го сентября, около двухъ часовъ дня, стрѣлковая бригада расположилась общимъ бивуакомъ на равнинѣ между Зимницею и Систовомъ. Глядя на послѣдній, каждый невольно задавался вопросомъ: какимъ образомъ могли переправиться здѣсь наши войска и какихъ нечеловѣческихъ усилій должна была стоить эта переправа?

Описывать впечатлѣнія ощущаемыя при видѣ историческаго Дуная и его скалистыхъ громадъ, взятыхъ грудью 14-й дивизіи, или говорить о грязи и хаосѣ царившихъ въ Зимницѣ, значило-бы удаляться отъ своей задачи и потому, оставляя все это въ сторонѣ, перейдемъ къ фактамъ непосредственно касающимся батальона.

3-го сентября, въ 6 часовъ утра, на бивуакѣ отслуженъ былъ молебенъ и затѣмъ роты начали поочередно переходить мостъ. Опередившій батальонъ священникъ Звѣревъ, съ крестомъ, евангеліемъ и святою водою, встрѣтилъ своихъ стрѣлковъ на противуположномъ турецкомъ

берегу и каждый, дѣлая первый шагъ на непріятельскую землю, получалъ благословеніе. Ночевали въ этотъ день въ деревнѣ Царевицѣ, у покинутыхъ турками виноградниковъ. Стрѣлки не замѣдлили воспользоваться этимъ даровымъ угощеніемъ и не было человѣка, который, лежа въ палаткѣ, не объѣдалъ-бы сочную гроздь.

4-го сентября, въ 2 часа дня, батальонъ вступилъ въ Горный Студень, куда въ этотъ же день долженъ былъ возвратиться Государь изъ подъ Плевны. День былъ крайнѣ жаркій. Запасъ воды въ фляжкахъ истощился, жажда мучала страшно, появилось много отсталыхъ, дотянувшихся только къ вечеру, были даже признаки солнечнаго удара. Снявъ ранцы и нѣсколько оправясь отъ пота и пыли, роты выстроились вдоль дороги изъ Плевно. Въ $3^1/_2$ часа на ней показалась коляска Государя, встрѣченнаго радостными криками стрѣлковъ. Выйдя изъ экипажа, Его Величество обнялъ командира бригады и, давъ руку полковнику Эбелингу, изволилъ пройти по фронту, разговаривалъ съ офицерами, выразилъ надежду, что гвардейскіе стрѣлки, также какъ третья стрѣлковая бригада, стяжавшая славу въ послѣднихъ дѣлахъ, покажутъ себя молодцами, а затѣмъ, пожелавъ успѣха, уѣхалъ на прежнюю свою квартиру въ Горный Студень. По отъѣздѣ Его Величества, батальонъ былъ приведенъ на тотъ самый бивакъ, гдѣ мѣсяцъ назадъ, передъ движеніемъ къ Ловчи, стояла 3-я стрѣлковая бригада. Устроенные ею шалаши были еще цѣлы и тѣ, которые оказались почище, были заняты стрѣлками.

На слѣдующій день утромъ, возвращаясь также изъ подъ Плевны, Великій Князь Главнокомандующій остановился у бивуака. Громкое, неумолкаемое „ура" встрѣ-

тило и проводило Его Высочество. Собравшимся на флангѣ батальона офицерамъ Великій Князь выразилъ свою радость по случаю прибытія гвардіи и между прочимъ сказалъ:

„*Если бы мнѣ дали васъ мѣсяцемъ раньше, то не то бы было*“.

Вслѣдъ за Его отъѣздомъ получено было приказаніе, о назначеніи черезъ день, всѣмъ прибывшимъ въ Горный Студень частямъ, общаго смотра въ Высочайшемъ присутствіи; вечеромъ батальону было сдѣлано ученіе, а на другой день начальникъ бригады произвелъ общую репетицію *).

Произведеннымъ 7-го сентября смотромъ Государь остался вполнѣ доволенъ. Проходили два раза, сначала поротно шагомъ и потомъ повзводно—бѣгомъ. По окончаніи церемоніальнаго марша, Его Величество, вызвавъ пѣсенниковъ, провожалъ батальонъ до бивуака. Видъ его возбудилъ въ Государѣ тяжелое воспоминаніе о потеряхъ, понесенныхъ недавно стоявшею тутъ 3 стрѣлковою бригадою, подъ Ловчею и Плевною. Разсказывая объ этомъ офицерамъ, Государь не могъ удержаться отъ слезъ, тотчасъ же приказалъ перевести батальонъ на ближайшую возвышенность и построить тамъ новые шалаши. Такъ какъ стрѣлковая бригада была первою частью гвардіи, прибывшею къ дѣйствующей арміи, то была встрѣчена чинами обѣихъ главныхъ квартиръ съ видимою радостью.

---

*) Въ Горномъ Студнѣ 3-ю роту принялъ отъ капитана Зейдера поручикъ Кончаковскій, такъ какъ первый былъ командированъ въ Бухарестъ для принятія заготовленнаго тамъ шанцоваго инструмента.

По всему было видно, что стоянка въ Горномъ Студнѣ предстоитъ продолжительная. Постройка шалашей производилась очень тщательно; они были готовы только черезъ 10 дней, представляя землянки, устроенныя, даже сравнительно съ палатками, съ нѣкоторою претензіею на комфортъ. Одинъ изъ шалашей, построенный просторнѣе и тщательнѣе другихъ, былъ назначенъ для походной церкви. Связанные штыки замѣняли подсвѣчники, а иконостасъ составили изъ ротныхъ иконъ, солдатскихъ и офицерскихъ образковъ *). До прихода стрѣлковъ главная квартира была почти не охраняема, потому что при ней не было въ это время даже конвойнаго батальона Главнокомандующаго, оставшагося еще у Нелишата. Въ виду этого, первымъ дѣломъ бригады было занятіе аванпостовъ у Горнаго Студня, которые она и содержала все время до выступленія къ Плевнѣ.

Жизнь батальона у Горнаго Студеня, мало по малу вошла въ обычную колею и приняла видъ мирной осѣдлости. Утромъ производили ученье, практиковали стрѣлковъ въ самоокапываніи; въ праздничные и воскресные дни офицеры и часть нижнихъ чиновъ назначались въ мѣстную болгарскую церковь, посѣщаемую Государемъ; остальные молились у себя въ походной. Его Величество ежедневно навѣщалъ своихъ стрѣлковъ запросто, разговаривалъ съ офицерами и солдатами, осматривалъ строю-

---

*) Строились шалаши на каждый взводъ, въ 25 шаговъ длиною и 10 шириною. Вдоль выкопанной въ аршинъ глубиною ямы, ставили столбы, а съ боковъ вбивали колья; переплетали ихъ хворостомъ, по столбамъ клали длинныя жерди, на которыя съ боковыхъ плетней шли откосины; крышу настилали изъ крупныхъ вѣтокъ и слоя травы; по концамъ шалашей дѣлали дверцы, а въ крышѣ—отдушины для вентиляціи.

щіеся шалаши. Между тѣмъ ночи становились сырыя и холодныя, трава покрывалась уже бѣлымъ инеемъ; стоявшимъ на аванпостахъ приходилось жаться къ кострамъ. Такъ прошла вся середина сентября, однообразно и томительно. Всѣ приходили къ убѣжденію, что лучше какой угодно походъ, чѣмъ бездѣятельная стоянка, на которой со всею строгостью соблюдался внутренній порядокъ. Въ доказательство того, какъ смотрѣло начальство на всякую попытку къ пользованію собственностію жителей, приведемъ слѣдующій фактъ. 5-го сентября, посланная на фуражировку за дровами команда, возвращаясь на бивуакъ, проходила мимо покинутыхъ турками виноградниковъ. Соблазнившись видомъ зрѣлыхъ гроздей, стрѣлки набрали ихъ въ полы шинелей и съ этою ношею встрѣтили возлѣ шалашей бригаднаго командира. Это было принято за мародерство и желавшимъ полакомиться, пришлось серьезно поплатиться за это.

Въ продолженіи стоянки въ Горномъ Студенѣ, офицеры батальона продовольствовались частью раздѣлившись на группы, частью изъ ротнаго котла. Ничего иного предпринять было нельзя, потому что находившіеся тамъ маркитаны отличались невозможною дороговизною и дурною провизіею.

23-го сентября, въ 2 часа дня, происходило вступленіе л.-гв. Финскаго стрѣлковаго батальона. Государь, верхомъ впереди, лично привелъ его на бивуакъ и когда всѣ 4 гвардейскіе стрѣлковые батальона окружили Его, то онъ сказалъ:

„*Завтра послѣ парада, вы идете подъ Плевну*".

Восторгу не было предѣла. Неумолкаемымъ „ура" отвѣтили стрѣлки и тысячи шапокъ полетѣли въ воздухъ.

Его Величество былъ видимо тронутъ. Садясь въ коляску онъ произнесъ:

„*Дай только Богъ, чтобы васъ побольше вернулось*“ и крупная слеза скатилась съ его рѣсницъ.

„Эта царская слеза“,—говоритъ одинъ изъ стрѣлковъ въ своемъ дневникѣ—„пала намъ каждому на сердце и съ этой минуты мы на все были готовы, лишь бы порадовать Его“ *).

Прибывшему л.-гв. Финскому батальону была устроена тремя другими батальонами радушная встрѣча, въ видѣ даннаго его офицерамъ и нижнимъ чинамъ обѣда.

Сильное движеніе было на бивуакѣ утромъ 24-го сентября; приготовлялись къ смотру, въ которомъ участвовали всѣ войска гвардейскаго корпуса, прибывшія на театръ войны. По окончаніи смотра, противъ обыкновенія, кромѣ адъютанта и фельдфебеля роты Его Величества, подходившихъ съ рапортомъ, являлся Государю ординарцемъ отъ батальона поручикъ Артемовъ.

Прямо со смотра войска тронулись къ Плевнѣ. Путь батальона шелъ черезъ деревню Овча-Могила къ Лежаны, на рѣкѣ Осмѣ, гдѣ назначался ночлегъ. Порывистый сѣверный вѣтеръ, съ мелкимъ дождемъ, вскорѣ превратившимся въ ливень, пронизывалъ насквозь. Черноземъ быстро обратился въ невылазную грязь, огромными глыбами пристававшую къ ногамъ; лужи грязной воды образовались по дорогѣ; поневолѣ приходилось идти по кукурузному полю, увязая въ вспаханной землѣ. Едва въ сумерки добрался батальонъ до Лежанъ; ни соломы, ни дровъ не было, пришлось ложиться на мокрую землю.

*) Походный журналъ фельдфебеля роты Его Величества.

Наступила ночь, а дождь не уменьшался и до утра люди не могли выбрать минуты, чтобы что-либо сварить себѣ, такъ какъ развести огонь не было возможности.

Слѣдующій переходъ, 25-го сентября, отъ Лежанъ до Парадима, былъ еще труднѣе. Земля растворилась еще больше: уже на первыхъ пяти верстахъ появились отсталые. Лазаретный фургонъ былъ полонъ; многіе отъ истомленія падали и оставались на дорогѣ *). На привалѣ ни присѣсть, ни прилечь; кругомъ грязь и вода. Тринадцать часовъ длился этотъ ужасный переходъ и только поздно вечеромъ батальонъ дошелъ до Парадима, гдѣ была главная квартира принца Карла Румынскаго, подъ начальство котораго поступала гвардія, входившая въ отрядъ обложенія Плевны. Кто-бы увидѣлъ батальонъ въ этотъ день, тотъ не повѣрилъ-бы, что это та самая часть, которая только нѣсколько дней назадъ щегольски представилась Государю. Тѣ, которые имѣли силу преодолѣвать усталость, брели молча, то волоча на ногахъ комья земли, то шлепая по растворенной почвѣ. Измокшіе до костей, съ головы до ногъ забрызганные грязью, стрѣлки шли за своими офицерами уже не строемъ, а кучами. Наступила темная, вполнѣ сентябрская ночь, мгла которой непозволяла ничего разглядѣть. Вѣтеръ и дождь нѣсколько утихли, но туманъ усилился. Наконецъ замелькали вдалекѣ тусклые огоньки; это и былъ бивуакъ у Парадима.

Во вторую подрядъ тяжелую ночь уснули только тѣ, которые были окончательно обезсилены. Остальные про-

*) На этомъ же переходѣ батальонъ впервые разстался съ своимъ обозомъ, застрявшимъ въ грязи и увидѣлъ его вновь только черезъ недѣлю.

вели ее у костровъ, нельзя сказать высушивая, но выпаривая свои шинели; костры не горѣли, а тлѣли, покрывая бивуакъ густымъ дымомъ, заставлявшимъ плакать тѣхъ, кто стоялъ ближе. Къ счастью на слѣдующій день назначена была дневка, что дало возможность хотя нѣсколько обсушить одежду и присоединить отсталыхъ. Съ утра погода нѣсколько улучшилась; къ полудню подошли артельныя повозки, явилась возможность дать людямъ горячую пищу изъ консервовъ. Здѣсь батальонъ впервые услышалъ нетолько боевые выстрѣлы плевенскихъ батарей, но и ружейную перестрѣлку. Это подняло духъ стрѣлковъ, понявшихъ, что переносимыя ими невзгоды, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что испытываютъ находящіеся день и ночь, при той-же непогодѣ, въ траншеяхъ и на батареяхъ. Съ вечера снова начался дождь, обратившійся въ ночь на 27 сентября въ ливень. Несмотря на это, въ 7 часовъ утра батальонъ тронулся съ бивуака, по дорогѣ къ Баготу, куда была переведена главная квартира Главнокомандующаго. Неуспѣли роты вытянуться по дорогѣ, какъ получено было извѣстіе, что принцъ Карлъ желаетъ видѣть стрѣлковую бригаду гвардіи. Батальоны остановили. Встрѣченный съ музыкою, онъ объѣхалъ колонну и пропустилъ ее мимо себя. Послѣ привала у Целипата, уже вечеромъ, батальонъ остановился для ночлега, между Тученицею и Боготомъ, возлѣ казацкаго бивуака. Здѣсь вновь была слышна ружейная пальба. На заданный одному изъ казаковъ вопросъ „что означаетъ эта стрѣльба"? Онъ отвѣчалъ:

„Балуются"—и потомъ прибавилъ: „вѣрно затопило ихъ въ канавахъ, боятся чтобы мы не полѣзли, вотъ

и палятъ; такъ, зря палятъ. Имъ что, — патроновъ въ волю, посылай, да посылай!"

Не видя, за темнотою, ничего впереди, одинъ изъ офицеровъ спросилъ казака:

„Далеко-ли турецкая цѣпь отъ нашей?"

„Какой далеко — было отвѣтомъ — видно какъ на ладони, въ одномъ виноградникѣ виноградъ ѣдимъ. Скажешь ему—не стрѣляй братушка, онъ и нестрѣляетъ, и ѣдимъ".

Тѣ изъ офицеровъ, которымъ удалось побывать на утро въ Боготѣ, кромѣ радостной встрѣчи съ многими знакомыми, имѣли возможность сносно позавтракать у мѣстныхъ маркитантовъ и запастись отъ нихъ кое какою провизіею.

28-го сентября выступили далѣе. Переходъ предстоялъ небольшой, всего 10 верстъ, до деревни Ральево. Впродолженіи его все время слышны были канонада и ружейные выстрѣлы у Плевны. Такимъ образомъ батальонъ, какъ бы исподволь, подготовлялся къ боевымъ впечатлѣніямъ.

Бивуакъ у Ральева находился за деревней, на горѣ, куда роты пришли уже послѣ полудня, потому что были задержаны артиллеріею. Землю немного обдуло вѣтромъ, проглянуло солнце и жидкая грязь превратилась въ густую массу, еще болѣе липнувшую къ колесамъ. Обозъ остался у Парадима, такъ что о скоромъ его присоединеніи нечего было и думать. 29-го числа, рано утромъ, батальонъ выступилъ далѣе. Спустясь въ оврагъ, роты потянулись вдоль рѣчки Сорнѣтки, нѣсколько разъ переходили ее вбродъ и въ 4 часа дня остановились бивуакомъ, возлѣ деревни Ени-Баркачъ, на пахатномъ полѣ.

Впродолженіи перехода шелъ снова дождь; развести костры не было возможности, пришлось оставаться въ мокромъ платьѣ, подъ мокрыми палатками, на растворившейся почвѣ. Къ счастью въ подобномъ положеніи простояли только одну ночь, но она навсегда сохранится въ памяти испытавшихъ ее. Чтобы какъ нибудь избавить офицеровъ отъ необходимости лечь въ грязь, стрѣлки розыскали по близости бивуака нѣсколько сноповъ ячменя, но и эта сырая подстилка досталась не многимъ. Не смотря на близость деревни, входить въ избы было строго воспрещено. Нетолько у нижнихъ чиновъ, но и у офицеровъ, по отсутствію обоза, не было ни хлѣба, ни чая, ни табаку. Питались кукурузою, спеченною на кострахъ и курили какую-то траву, похожую на табачный листъ.

30-го числа батальонъ перевели на болѣе сухое мѣсто, да и погода наконецъ перемѣнилась къ лучшему. Мѣстомъ новаго бивуака была возвышенность, съ которой, въ бинокль, можно было видѣть всю равнину рѣки Вида, съ Софійскимъ шоссе, по которому, время отъ времени, тянулись къ Плевнѣ непріятельскія партіи и обозы. Наши же обозы все еще не подходили. Нужда въ сухаряхъ и особенно въ соли дошла до крайняго предѣла. Несмотря на то, что роты кое-какъ добыли себѣ барановъ, мясо ихъ казалось, безъ соли, до того приторнымъ, что многіе, несмотря на голодъ, не ѣли его. Въ виду этого полковникъ Эбелингъ, въ ночь на первое октября, отправилъ прапорщика Холявко назадъ къ Баготу, съ приказаніемъ отыскать обозъ и доставить скорѣй хотя двѣ-три провіантскія телѣги. Холявко засталъ обозъ застрявшимъ у Раліевской горы. Завязнувшія въ грязи повозки, съ измученными конями, не трогались съ мѣста, несмотря на

всѣ понужденія выбившихся изъ силъ обозныхъ. Пришлось выпречь лошадей изъ патронныхъ ящиковъ, заложить ихъ по восьми въ каждую повозку съ сухарями и только при этомъ явилась возможность доставить ихъ къ вечеру перваго числа къ батальону.

Съ перваго Октября къ Ени-Баркачу начали постепенно подходить прочія части гвардіи и только съ этого дня можно было считать, что тяжкое движеніе отъ Горнаго-Студня къ Плевнѣ окончено и что батальонъ вступилъ въ раіонъ боевыхъ дѣйствій, такъ какъ уже были приняты мѣры противъ неожиданнаго нападенія. Очередуясь съ прочими стрѣлковыми батальонами, двѣ роты посуточно содержали аванпосты къ сторонѣ Плевны.

Въ отношеніи продовольствія нижнихъ чиновъ приняты мѣры, давшія возможность снабжать роты печенымъ хлѣбомъ. Для этого деревня Баркачь была раздѣлена на участки между полками и каждая часть устраивала въ нихъ хлѣбопеченіе. Завѣдывать этимъ дѣломъ были назначены отъ батальона поручикъ Артемовъ и подпоручикъ Рагозинъ. За неимѣніемъ ржаной муки, пекли хлѣбъ изъ кукурузной. Онъ раздавался въ роты въ видѣ лепешекъ и имѣлъ приторно-сладковатый вкусъ. Первое время, съ голода, стрѣлки на него набросились, но вскорѣ онъ сильно всѣмъ опротивѣлъ.

Замѣчательно, что не смотря на близость города, мѣстность Ени-Баркача, лежащая между двумя шоссе, Ловчинскимъ и Софійскимъ, представляла собою совершенное захолустье, какъ-бы населенное дикарями, не понимавшими даже значеніе денегъ. Серебряный рубль они считали выше полуимперіала, а получа за что-либо одну ассигнацію на двоихъ, разрывали ее пополамъ.

2-го Октября ранцы всего батальона, на обратномъ интендантскомъ транспортѣ, были отправлены въ Парадимъ. Вообще вся первая недѣля октября проведена была въ укрѣпленіи позиціи и въ производствѣ рекогносцировокъ къ рѣкѣ Виду. Между тѣмъ погода постоянно улучшалась, наступили ясные осенніе дни и нижніе чины могли вполнѣ оправиться. Бивуакъ оживился: по вечерамъ слышались пѣсни, играла музыка, офицеры собирались группами и съ биноклями въ рукахъ старались что-либо высмотрѣть за Видомъ, куда привлекалось общее вниманіе, какъ бы изъ предчувствія, что тамъ должны вскорѣ разыграться важныя событія. Счастливымъ предвѣстникомъ ихъ было извѣстіе о побѣдѣ нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи. О ней въ батальонѣ узнали изъ слѣдующаго приказа принца Карла по западному отряду:

„Блистательная побѣда увѣнчала русское оружіе. Кавказскій дѣйствующій корпусъ разбилъ и разсѣялъ всю армію Мухтара-паши: пять тысячъ человѣкъ и шесть орудій взяты во время боя; при преслѣдованіи же и обходномъ движеніи, три дивизіи съ 46-ю орудіями, были окружены и положили оружіе. Русскіе и румыны! Соберитесь вокругъ нашего общаго знамени: это знамя — крестъ человѣколюбія и правды. Съ Божіею помощію, онъ укажетъ намъ путь къ побѣдѣ“.

7-го октября генералъ Гурко принялъ начальство надъ гвардіею.

ГЛАВА XII.

Горный-Дубнякъ.

Диспозиція на 12-е октября.—Ночное движеніе за Видъ.—Начало дѣла.—2-я и 3-я роты въ первой линіи. Вступленіе въ бой Государевой роты.—Рана полковника Эбелинга. — Смерть штабсъ-капитана Арсеньева. — Отбитая аттака.—Пожаръ въ редутѣ.—Общее наступленіе.—Взятіе Горнаго-Дубняка. Потери батальона.—Ночь послѣ боя.

Восьмаго октября начались энергическія приготовленія къ движенію за рѣку Видъ, съ цѣлью стать твердою ногою на Софійскомъ шоссе и тѣмъ замкнуть желѣзное кольцо вокругъ Плевны. Но для этого нужно было выбить турокъ изъ укрѣпленій въ Горномъ и Дольнемъ-Дубнякѣ и въ Телешѣ.

Первая изъ этихъ позицій была центральною и съ ея паденіемъ, другія не могли имѣть самостоятельнаго значенія. Поэтому генералъ Гурко и поставилъ себѣ задачею взять Горный-Дубнякъ. Для этого, впродолженіе 12-ти дневной стоянки гвардіи у Ени-Баргача, разработывались дороги къ Виду, устраивались подъемы и спуски.

Въ этой работѣ принимала участіе рота Его Величества, для чего она, 7-го числа, перешла въ деревню Чириково и оставалась тамъ до 10-го. Другія роты по-

очереди дежурили на обращенной къ Плевнѣ батареѣ. Независимо отъ этого, значительныя команды отъ ротъ назначались на фуражировки, завѣдываніе которыми было возложено на полковника Тишина. Ему предписывалось: 1) Брать только то, что крайне необходимо для войскъ, оставляя болгарамъ и туркамъ все, что имъ нужно для собственнаго прокормленія и поддержанія хозяйства. 2) За взятые продукты уплачивать на мѣстѣ звонкою монетою. 3) Въ селеніяхъ покинутыхъ жителями брать фуражъ безплатно, но только по наведеніи тщательной справки, что хозяинъ дѣйствительно отсутствуетъ. Въ помощь Тишину, отъ батальона былъ назначенъ поручикъ Могденко. Раіонъ для фуражировокъ батальона ограничивался деревнями Ени-Баркачъ и Петерница; но такъ какъ онѣ были окружены массою войскъ, то понятно, что въ нихъ трудно было достать что-либо и за большія деньги. Это заставляло фуражировъ искать продукты въ дальнихъ деревняхъ, по рѣкѣ Виду и даже проникать за рѣку, за линію аванпостовъ, что впрочемъ скоро было воспрещено. Въ Ени-Баркачѣ, командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Эльрихъ, по случаю назначенія завѣдующимъ хозяйствомъ, сдалъ ее поручику Василевскому.

Новый начальникъ отряда ежедневно появлялся то на томъ, то на другомъ бивуакѣ, предпринималъ рекогносцировки, собиралъ командировъ частей для совѣщаній. Послѣднимъ онъ объявилъ, что при движеніи за Видъ, при войскахъ будетъ разрѣшено имѣть только лазаретные фургоны и что затѣмъ никакая колесная повозка не будетъ допущена.

Утромъ 11-го октября, генералъ Гурко, объѣзжая войска,

останавливался у каждой отдѣльной части и къ каждой обращался съ нѣсколькими словами. Гвардейскимъ стрѣлкамъ было приблизительно сказано слѣдующее: „На гвардію смотритъ вся Россія и ждетъ отъ нея многаго. Офицеры должны беречь себя, но въ минуту надобности быть первою жертвою. Они могутъ смѣло идти впередъ, не опасаясь быть оставленными; русскій солдатъ никогда не отстаетъ отъ своего начальника. Не надо пренебрегать непріятелемъ: у турокъ солдаты прекрасные и стойкіе; хотя они не умѣютъ стрѣлять, но въ этомъ они невиноваты, ихъ не учили". Затѣмъ снявъ фуражку и обращаясь къ батальону, генералъ сказалъ: „Итакъ до счастливаго свиданія, подъ турецкими пулями".

Только ночь отдѣляла стрѣлковъ отъ этого славнаго свиданія. Изъ отданной на 12-ое октября диспозиціи они узнали, что на утро предстоитъ бой. Въ ней говорилось:

„Завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда, перейти на Плевно-Софійское шоссе, съ цѣлью занять позицію у Горнаго-Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду Плевны. Для этого произвести слѣдующія предварительныя распоряженія: гвардейской стрѣлковой бригадѣ, съ батареею Л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и другою 2-й гвардейской бригады и съ сотнею Донскаго казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивуака въ часъ пополуночи, двинуться къ деревнѣ Чириково и пройдя бродъ № 1, расположиться въ резервномъ порядкѣ, между рѣкою Видомъ и возвышенностію праваго берега рѣки, по дорогѣ въ Круглевицу, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Чирикова. Обоимъ Кубанскимъ эскадронамъ выступить

одновременно съ стрѣлковою бригадою, поступить въ распоряженіе ея командира и слѣдуя во главѣ ея, по той же дорогѣ, расположиться на ея правомъ флангѣ. Въ $6^{1}/_{4}$ час. бригадѣ съ ея артиллеріею и казаками двинуться къ Горному-Дубняку и атаковать его со стороны Плевны".

Въ особомъ-же приказаніи отъ того-же числа было указано: Стрѣлковой бригадѣ имѣть одинъ передовой перевязочный пунктъ, и одинъ главный, въ разстояніи одной версты позади, подъ прикрытіемъ одной роты и 10 казаковъ.

Ровно въ часъ ночи роты построились и черезъ четверть часа бригада тронулась, имѣя стрѣлковъ Его Величества во главѣ. Движеніе батальона до Вида изображено участникомъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Несмотря на лунную ночь и хорошо изслѣдованную мѣстность, движеніе происходило съ крайнею осторожностію. Чтобы не сбиться съ пути, роты безмолвно и медленно подвигались впередъ, люди переговаривались шепотомъ и только фырканье лошадей и изрѣдка стукъ колеса о камень нарушали тишину. Полная луна на безоблачномъ небѣ, блѣднымъ свѣтомъ освѣщала движеніе, придавая ему оттѣнокъ торжественности". Обозъ батальона, подъ командою поручика Артемова, прямо съ бивуака былъ направленъ по особому броду; за ротами слѣдовала только команда санитаровъ съ носилками и докторъ. Сначала нижнимъ чинамъ было разрѣшено взять съ собою хлѣба сколько желаютъ, но многіе до того воспользовались этимъ, что наложили полные мѣшки; потомъ половину пришлось выбросить.

Было около 4-хъ часовъ утра, когда батальонъ подошелъ

къ рѣкѣ. Разсвѣтъ позволялъ уже различать обстановку: впереди рѣка, освѣщенная начинавшеюся зарею, вправо темные силуэты плевенскихъ возвышенностей, влѣво — безконечные кусты мелкаго дубняка и небольшое возвышеніе, скрывавшее непріятеля,—то самое, за которымъ должна стать бригада въ резервномъ порядкѣ. Передъ бродомъ роты пріостановились; нѣкоторые изъ стрѣлковъ спѣшили разуться, другіе только подтянули голяпища, чтобы вода не залилась въ нихъ; кто постарше, тѣ совѣтовали молодымъ не подмочить патроновъ. За бродомъ предстояло еще перейти другой рукавъ, по неоконченному саперами мосту. Остававшіеся до начала наступленія два часа показались очень долгими. Кое кто прилегъ отдохнуть, по большей части, невольныя мысли о предстоящемъ боѣ и о родинѣ, мѣшали сну. Полковникъ Эбелингъ не ложился ни на минуту и какъ бы предчувствуя будущее, задумчиво ходилъ вокругъ лежавшихъ кучками стрѣлковъ.

Передъ выступленіемъ приказано было переодѣться въ мундиры. Бивуакъ ожилъ, кучки дремавшихъ зашевелились, началось скатываніе шинелей и переодѣваніе. Было уже совершенно свѣтло и первые лучи восходящаго солнца скользили по вершинамъ горъ, когда бригада стала въ ружье. Подана была команда „шапки долой;“ священникъ Звѣревъ громко прочелъ молитву Господню, многіе изъ стрѣлковъ выслушали ее на колѣняхъ и затѣмъ колонна, прикрытая казацкой цѣпью, ровно въ 6¼ часовъ тронулась.

Ранѣе этого прапорщикъ Холявко, съ нѣсколькими казаками, былъ посланъ на шоссе, перерубить телеграфную

проволоку и тѣмъ прервать сообщеніе между Горнымъ Дубнякомъ и Плевною. Порученіе это было исполнено съ точностію и Холявко возвратился къ батальону съ кускомъ проволоки *).

Не доходя шоссе, бригада перестроилась въ боевой порядокъ въ двѣ линіи, имѣя въ первой батальонъ Его Величества и 4-й, а за ними, въ видѣ резерва, Финскій; 2-й же стрѣлковый былъ направленъ вправо, для заслона бригады со стороны Дольняго-Дубняка, такъ какъ получено было свѣдѣніе, что турецкій таборъ, выйдя изъ него, направляется къ шоссе. Въ такомъ порядкѣ шли не по дорогѣ, а полемъ засѣяннымъ кукурузою, около часа. Лишь только казаки показались на послѣднемъ къ шоссе возвышеніи, какъ раздались выстрѣлы. „Трудно описать" — говоритъ участникъ дѣла — „впечатлѣніе производимое звукомъ полета первыхъ пуль. Полушутя, полусерьезно относились стрѣлки къ ихъ свисту". Отрывочныя ихъ замѣчанія характеризуютъ это первое впечатлѣніе.

„Вотъ, вывели на стрѣльбу, а мишени невидно." — сострилъ одинъ изъ нихъ.

И дѣйствительно, пули летѣли неизвѣстно откуда: кукуруза была такъ высока, что съ головою скрывала

---

*) Баталіонъ вступалъ, въ знаменательный для русской гвардіи бой, съ слѣдующимъ составомъ офицеровъ: командиръ баталіона флигель-адъютантъ полковникъ *Эбелингъ*, младшій штабъ-офицеръ полковникъ *Тишинъ*; въ ротѣ Его Величества: капитанъ *Скарятинъ*, прапорщики *Савримовичъ 2 и Генрихсенъ*; во 2 ротѣ: штабсъ-капитанъ *Арсеньевъ* и подпоручикъ *Мегденко*; въ 3 ротѣ: поручикъ *Канчаковскій*; въ 4 ротѣ - поручикъ *Василевскій* и подпоручикъ *Рогозинъ*, батальонный адъютантъ подпоручикъ *Савримовичъ 1-й*, завѣдующій оружіемъ — поручикъ *Артемовъ*; ординарцемъ — прапорщикъ *Холявко.*

человѣка. Съ первыми выстрѣлами батальонъ перестроился поротно въ двѣ линіи, имѣя въ первой 2-ю и 3-ю роты, правѣе которыхъ вынеслась на позицію батарея. Въ прикрытіе ее назначена была полурота роты Его Величества, при прапорщикѣ Савримовичѣ 2. Цѣпь изъ полуротъ первой линіи, шагъ за шагомъ, пробиралась по цѣпкимъ виноградникамъ, подавая правый флангъ нѣсколько впередъ. Съ восьми часовъ пули начали свистѣть чаще и чаще. Первая попавшая досталась на долю стрѣлка второй роты Снѣткова.

Въ то время, когда стрѣлковая бригада приближалась къ Горному Дубняку со стороны Плевны, полки гвардіи уже были въ огнѣ. Частые выстрѣлы и канонада слышались влѣво, а впереди батальона, по мѣрѣ его движенія, началъ обозначаться турецкій редутъ, съ передовыми ложементами и траншеями, изъ которыхъ быстро отбѣгали къ главному укрѣпленію передовыя турецкія цѣпи. Миновавъ виноградники, роты вышли на совершенно открытую плоскость и продолжали движеніе безъ выстрѣла, какъ вслѣдствіи дальности, такъ и потому, что турки были скрыты за высокимъ брустверомъ и только полоса пороховаго дыма указывала на ихъ позицію, да высокій кавальеръ редута виднѣлся издали. Какъ только вторая линія показалась на равнинѣ, турки открыли огонь изъ орудій. Бывшія при бригадѣ батареи вынеслись на позицію и въ свою очередь начали громить непріятеля. Гранаты съ визгомъ летѣли черезъ цѣпь и сомкнутыя роты; рикошетируя по полю, онѣ разрывались въ интервалахъ. Ружейная пальба слилась въ одну общую густую дробь, редутъ ревѣлъ, пули засыпали поле. Цѣпь

2-й и 3-й роты видимо рѣдѣла, но все подавалась впередъ; изъ роты Его Величества и 4-й, тоже уносили раненыхъ. Недоходя шаговъ 400 до редута, цѣпь остановилась и легла, потому что подаваться впередъ небыло уже никакой возможности. Стрѣлки залегли частью въ канавахъ, частью въ оставленныхъ турками ложементахъ и продолжали нетороиливую стрѣльбу. Огонь непріятеля изрѣдка стихалъ, но лишь для того, чтобы снова загораться съ удвоенною силою. Въ такомъ положеніи роты оставались болѣе часа. Всякая попытка двинуться впередъ казалась немыслимою. Къ несчастью полковникъ Эбелингъ, все время находившійся въ цѣпи, вздумалъ предпринять подобную попытку. Услыша слѣва „ура" лейбъ-гренадеръ, атаковавшихъ малый редутъ, онъ приказалъ полуротѣ Его Величества придвинуться и затѣмъ выйдя передъ цѣпь, крикнувъ „ура", далъ знакъ саблею идти въ атаку. Бодро вскочили стрѣлки бросаясь за своимъ командиромъ; но едва только резервы успѣли дойти до цѣпи, какъ командиръ первой роты капитанъ Скарятинъ, послѣ нѣсколькихъ перебѣжекъ, зашатался и упалъ. Видѣвшіе это полагали, что онъ споткнулся о кочку и продолжали бѣжать до бывшаго впереди брошеннаго турками ровика. Подпоручикъ Савримовичъ и горнистъ Гончаровъ, видя что Скарятинъ не подымается, побѣжали къ нему. Оказалось что онъ тяжело раненъ. Несмотря на страшный огонь турокъ, они успѣли донести его до ровика и положить за насыпью. Спустя часъ, командиръ баталіона вновь увлекся раздавшимся гдѣ то крикомъ ура, вновь повторилъ его и цѣпь опять подалась на перебѣжку впередъ. Въ этотъ самый моментъ полковникъ Эбелингъ упалъ; пуля раздробила ногу, и онъ остался ша-

гахъ въ 40 за цѣпью, на совершенно открытомъ мѣстѣ. Несмотря на нѣсколько разъ повторяемыя просьбы дозволить вынести себя изъ подъ огня, онъ отсылалъ носильщиковъ къ другимъ раненымъ и оставался часовъ 6 безъ перевязки, до самаго конца дѣла. Это вѣроятно и было причиною дурныхъ послѣдствій его раны. Вскорѣ послѣ этого выбылъ изъ строя и батальонный адъютантъ подпоручикъ Савримовичъ 2-й. При той же перебѣжкѣ командиръ 2-й роты Арсеньевъ, уже раненый въ руку, но оставшійся въ строю, былъ вторично раненъ въ ногу. Подобно Эбелингу онъ упалъ на открытомъ мѣстѣ. Одинъ изъ стрѣлковъ его роты, видя своего командира лежащимъ подъ пулями, подползъ къ нему и прикрылъ его голову своею скатанною шинелью. Ослабѣвшимъ отъ истеченія крови голосомъ, Арсеньевъ сказалъ ему „оставь, ненадо". Едва только шинель была снята, какъ третья пуля ударила Арсеньева и убила его. Оставшійся старшимъ въ цѣпи, подпоручикъ Генригсенъ, видя невозможность продолжать атаку, остановилъ людей въ 300 шагахъ отъ редута, превратившагося въ это время въ чудовищную митральезу, извергавшую свинецъ и пламя. Въ такомъ положеніи батальонъ оставался до 5-ти часовъ дня.

Утомленные ночнымъ переходомъ, безостановочнымъ движеніемъ подъ градомъ пуль и безцѣльнымъ лежаньемъ въ ложементахъ, стрѣлки съ нетерпѣніемъ ожидали какого либо результата этого кроваваго дня. Непріятель изъ редута слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Достаточно было приподняться одному человѣку, чтобы вызвать ружейный залпъ.

Часовъ около 5-ти начальникъ бригады генералъ Эллисъ, находившійся у полуроты прикрывавшей батарею,

получилъ приказаніе генерала Гурко приготовиться къ атакѣ, сигналомъ для которой долженъ былъ служить девятый залпъ нашихъ батарей, считая первымъ залпъ съ лѣваго фланга. Только бывшій при генералѣ ординардцемъ поручикъ Артемовъ и подпоручикъ Холявко да незначительная горсть людей лежавшихъ возлѣ, слышала полученное приказаніе, остальные оставались въ полномъ невѣденіи. Услыша залпы, стрѣлки догадывались, что они имѣютъ особое значеніе. Многіе, вскочивъ, бросались впередъ и тутъ же падали убитыми или ранеными. Офицеры считая залпы замѣтили, что бывшая при батальонѣ батарея выстрѣлила въ моментъ полученія приказанія и потому не знали считать-ли этотъ залпъ въ числѣ сигнальныхъ. Одни считали 8, другіе 9. Ясно было, что произойдетъ замѣшательство. Но вотъ раздаются крики „ура"; то тотъ, то другой участокъ цѣпи рвется впередъ и останавливается не видя общей поддержки. Со стонами поползли раненые назадъ; цѣпь снова ложится, пальба рѣдѣетъ и наконецъ совсѣмъ стихла. Итакъ вторая неудачная атака окончена; бѣшеный огонь турокъ замолкъ и только отдѣльные выстрѣлы нарушали тишину наступившихъ сумерекъ *).

Прошелъ еще часъ томленія. Вдругъ отдаленное, дружное „ура" послышалось съ противоположной стороны и катилось все громче и ближе. Въ этотъ моментъ внутри редута вспыхнули шалаши; черный столбъ дыма поднялся надъ нимъ и послужилъ какъ-бы сигналомъ для общей ни кѣмъ уже не указанной атаки, со всѣхъ четырехъ фасовъ. Измайловцы, Павловцы, Лейбъ-Грена-

*) Подробное расположеніе ротъ, передъ послѣдней аттакой, обозначено на приложенномъ планѣ.

деры и Финляндцы одновременно вскочили на бруствер и какъ лава разлились внутри редута. Среди страшнаго рукопашнаго боя, среди криковъ радости и отчаянія, раздались сигналы отбоя и красное пламя пожара освѣтило бѣлый флагъ, выставленный непріятелемъ. Увидя его, стрѣлки бросились было впередъ, къ бывшимъ противъ цѣпи воротамъ, но встрѣченные залпомъ выбѣгавшихъ въ безпорядкѣ турокъ, на мгновеніе пріостановились. Въ это время появился парламентеръ съ барабанщикомъ, неутомимо бившимъ отбой. Тогда радостное „ура" возвѣстило нашу побѣду, пальба прекратилась, но слышались еще взрывы брошенныхъ турками снарядовъ.

Было уже совершенно темно и только яркое пламя пожарища освѣщало поражающую картину. Съ одной стороны стоны умирающихъ и раненыхъ, съ другой торжественные крики побѣдителей, споры о первенствѣ, поцѣлуи, поздравленія,—все сливалось. Всѣ старались излить другъ передъ другомъ впечатлѣніе дня и занятые результатомъ побѣды и личнымъ спасеніемъ, равнодушно шагали по лужамъ крови, чрезъ остывавшіе трупы.

Немного успокоившись, роты мало по малу начали группироваться и приходить въ нѣкоторый порядокъ, достичь котораго стоило офицерамъ не мало усилій. Едва только батальонъ тронулся, чтобы отойти отъ мѣста столпленія войскъ, какъ толпа плѣнныхъ турокъ, выводимыхъ изъ редута, перерѣзала ему путь и разорвала на двѣ части. За темнотою и незнаніемъ мѣстности роты расположились на ночь въ разныхъ пунктахъ, но и тутъ не обошлось безъ замѣшательствъ. Какъ только нѣсколько разобрались перемѣшавшимися людьми, со всѣхъ сторонъ

раздались сигналы тревоги: трескъ барабановъ, рѣзкіе звуки горновъ, крики что Османъ выходитъ изъ Плевны, что взбунтовались плѣнные и напали баши-бузуки,—все смѣшалось вмѣстѣ и произвело страшное смятеніе. Къ счастью оно продолжалось недолго. Причиною его было то, что нѣсколько баши-бузуковъ, успѣвшихъ бѣжать изъ редута, спрятались въ ближайшемъ лѣсу; казаки наткнулись на нихъ, произошла стычка, которую и приняли за сигналъ тревоги.

Часу въ девятомъ запылали костры. У одного изъ нихъ собралась кучка офицеровъ варить чай въ котелкѣ и пошли толки, разсказы; вспоминали убитыхъ и раненыхъ, передавали другъ другу отдѣльные эпизоды боя.

Вмѣсто полковника Эбелинга вступилъ въ командованіе батальономъ полковникъ Тишинъ; за раненаго капитана Скарятина ротою Его Величества назначенъ временно командовать поручикъ Артемовъ; вторая рота, убитаго Арсеньева, поступила въ командованіе поручика Кончаковскаго, а вмѣсто раненаго поручика Совримовича 2-го, должность батальоннаго адъютанта назначенъ исправлять подпоручикъ Рагозинъ.

Въ описанномъ бою, кромѣ поименованныхъ офицеровъ, батальонъ лишился убитыми 10 нижнихъ чиновъ, раненыхъ-же было 71 *).

Менѣе всѣхъ пострадала 4-я рота; несоразмѣрное-же

*) Эта потеря распредѣлялась поротно слѣдующимъ образомъ:

Въ ротѣ Его Величества	убито 3,	ранено 18
Во 2-й ротѣ	„ „ 4,	„ 31
Въ 3-й ротѣ	„ „ 3,	„ 19
Въ 4-й ротѣ	„ „ „	„ 3

ПЛАНЪ
боя при д: Горный Дубнякъ 12го Октября 1877го года.

а. — Л: гв: Финляндскій п.

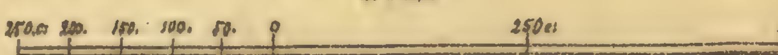
б. — Л: гв: Павловскій п.

в–в' позиціи 4 и 5 бат: 2 ар: бр:

г. — Л: гв: Гренадерскій п.

д. — Л: гв: Московскій п.

Масштабъ. $\frac{1}{21000}$.

е–е' позиціи 6ой батареи 1ой и 2ой бригады.

ж. — Л. гв: Измайловскій полкъ.

з. — 4ый финскій стр: бат:

и. — Л: гв: 2ой стр. бат:

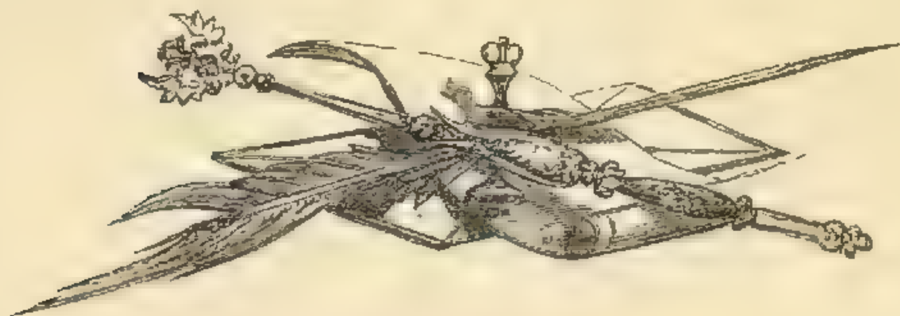
к. — казачья батарея съ прикрытіемъ.

отношеніе между ранеными и убитыми и незначительное число послѣднихъ объясняется тѣмъ, что въ число ихъ невключены были тѣ раненые, кои не прожили болѣе сутокъ. Между таковыми были многіе получившіе по двѣ и по три раны. Всѣ они были отправлены въ дивизіонный лазаретъ второй гвардейской пѣхотной дивизіи *).

Слѣдующій день послѣ боя батальонъ провелъ въ безпрерывныхъ передвиженіяхъ, съ одной позиціи на другую, вызванныхъ опасеніемъ выхода Османа изъ Плевны. Не успѣвали роты составить ружья на одномъ бивуакѣ, какъ получали приказаніе перейти вправо или влѣво. Нѣсколько разъ разбивали палатки и снимали ихъ. Въ то-же время отправлена была команда для уборки тѣлъ; рылись общія могилы, совершалось отпѣваніе и на площадкѣ передъ редутомъ похоронили Арсеньева и возлѣ него стрѣлковъ его роты. Также прошелъ и слѣдующій день. 14-е октября. Наконецъ привыкли къ мысли, что выходъ Османа не особенно грозенъ и общее вниманіе было обращено на Телишъ. Послѣ неудачной аттаки его лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, рѣшено было заставить гарнизонъ этого укрѣпленія сдаться бомбардировкою, что и совершилось 16-го октября. Паденіе Телиша, уничтоживъ всѣ опасенія о наступленіи турокъ отъ Орханіи, имѣло успокоивающее вліяніе.

*) Въ бою подъ Горнымъ Дубнякомъ было выпущено батальономъ всего около полуторы тысячи патроновъ т. е. по двѣ пули на человѣка. Это объясняется во первыхъ тѣмъ, что въ цѣпи находились не цѣлыя роты и что для сбереженія патроновъ люди стрѣляли только въ ясно видимыя цѣли, не выпуская пуль на удачу. Кромѣ того, многіе брали патроны отъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, пули которыхъ не брались въ расчетъ при поверкѣ патроновъ послѣ боя.

Въ этотъ же день, при собраніи всѣхъ ротъ, розданы были 17 георгіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ за Горный-Дубнякъ *).

*) Послѣ боя при Горномъ-Дубнякѣ и при предстоящемъ движеніи батальона на Балканы, онъ имѣлъ на лицо: Штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 10, унтеръ-офицеровъ 101, музыкантовъ 30, стрѣлковъ 586 и нестроевыхъ 77. Больныхъ къ 1-му ноября было 124, въ томъ числѣ 71 раненый. Какъ на особенную случайность укажемъ на то, что въ половинѣ октября батальонъ не имѣлъ на лицо не только ни одного штабъ-офицера, но даже ни одного капитана и штабсъ-капитана, такъ что при выходѣ 16-го октября въ строй, для раздачи крестовъ, батальономъ командовалъ поручикъ Кончаковскій. Произошло же это отъ того, что замѣнившій командира, полковникъ Тишинъ, былъ назначенъ въ коммисію для распредѣленія въ части забраннаго въ окрестностяхъ турецкаго скота.

ГЛАВА XIII.

Правецкій бой.

Смерть полковника Эбелинга. Передвиженіе къ Дольнему-Дубняку. Объѣздъ гвардіи Государемъ. Принятіе батальона полковникомъ Васмундтомъ. Приготовленія къ выступленію за Балканы. Бивуакъ у Радомирца. Остановка въ Яблоницахъ. Обходное движеніе къ Правцу. Батальонъ за облаками. Трудность подъема. — Диспозиція на 11 ноября. Правецкій бой. Взятіе третей высоты. -Приказъ полковника Васмундта. Спускъ съ горъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о взятіи Телеша получена была горестная вѣсть о смерти батальоннаго командира полковника Эбелинга. Она тѣмъ болѣе поразила всѣхъ, что рана его не считалась смертельною. Навѣщавшіе его офицеры, на другой и третій день боя, видѣли его бодрымъ, даже веселымъ. Еще въ самый день кончины, утромъ, подпоручикъ Холявко, посланный за обозомъ, проѣзжая Чириково, заходилъ къ Эбелингу. Больной не обнаруживалъ ни малѣйшей слабости, интересовался происходящимъ въ батальонѣ, разспрашивалъ объ офицерахъ. Похороны полковника происходили 18-го октября, для чего взводъ роты Его Величества и всѣ офицеры

были въ Чириковѣ, отдать послѣдній долгъ своему уважаемому командиру. Тѣло его, черезъ нѣсколько дней, было отправлено для погребенія въ Россію.

Возвратясь на бивуакъ офицеры узнали, что 19-го назначенъ переходъ батальона на новую позицію, къ укрѣпленію Дольній-Дубнякъ, еще занятому турками. Передвиженіе приказано было произвести до разсвѣта. Шелъ мелкій осенній дождь, когда роты тронулись съ бивуака. Непроницаемая темень едва позволяла двигаться по совершенно незнакомой мѣстности и только передъ разсвѣтомъ батальонъ дошелъ до указанной позиціи, гдѣ рота Его Величества и 4-я заняли правый, а 2-я и 3-я—лѣвый флангъ. Весь день 20-го и вся слѣдующая ночь прошли спокойно; хотя турки и стрѣляли, но безъ всякаго послѣдствія. 21-го числа прошелъ слухъ, что они ночью очистили редуты и ушли въ Плевну. Этому не вѣрили, до тѣхъ поръ, покуда посланные командиромъ 2-го батальона, полковникомъ Гриппенбергомъ, охотники, не подтвердили молвы. Тогда 2-й батальонъ былъ двинутъ впередъ, 2-я же рота батальона Его Величества, съ двумя орудіями, послѣдовала за нимъ, въ видѣ резерва и заняла редутъ, гдѣ и оставалась до слѣдующаго дня. Этимъ днемъ закончилась боевая дѣятельность батальона подъ Плевною. 22-го октября онъ перешелъ на бивуакъ, къ востоку отъ Дольняго-Дубняка, въ резервъ за вторую гвардейскую пѣхотную дивизію.

23-го октября батальонъ, впервые послѣ боя, увидѣлъ своего Августѣйшаго Шефа. Для встрѣчи Его Величества войска были построены на равнинѣ. Въ два часа дня, оглушительное „ура" возвѣстило прибытіе Государя къ правому флангу. Медленно объѣзжалъ Онъ полки.

Остановясь у батальона, Его Величество изволилъ выразить сожалѣніе о смерти полковника Эбелинга и штабсъ-капитана Арсеньева; потомъ вызвалъ къ себѣ получившихъ георгіевскіе кресты, распрашивалъ каждаго за что именно онъ получилъ награду, благодарилъ стрѣлковъ за службу, высказалъ надежду, что и впредь они останутся тѣми же молодцами и отъѣзжая пожелалъ всего хорошаго. Во время Царскаго объѣзда, чрезъ лицъ штаба главной квартиры, было узнано, что командиромъ батальона назначается адъютантъ Великаго Князя Владиміра Александровича, полковникъ Васмундтъ.

Въ послѣдніе дни октября не произошло въ батальонѣ ничего особеннаго. Недѣлю простоялъ онъ на томъ же бивуакѣ и если бы не наступившіе вновь ненастные дни, то эта стоянка почти ничѣмъ не отличалась бы отъ мирнаго времени; только по временамъ усиливающаяся канонада у Плевны, да осеннее ненастье, напоминали о войнѣ *).

28-го октября прибылъ новый командиръ. Для пріема батальонъ былъ выстроенъ у бивуака, поротно, въ колоннѣ справа. Въ привѣтственной своей рѣчи, полковникъ Васмундтъ высказалъ, что считаетъ себя счастливымъ принять батальонъ въ настоящее боевое время.

На основаніи отданныхъ начальникомъ западнаго отряда, генералъ-адъютантомъ Гурко приказаній, почти ежедневно наряжались отъ ротъ караулы въ Свинарскую балку и выставлялись полевой и задній; кромѣ того, въ

*) Во время бытности батальона подъ Дольнымъ Дубнякомъ, къ нему прибыли: командиръ 3-й роты капитанъ Зейдеръ и находившійся въ прикомандированіи къ л.-гв. Литовскому полку, поручикъ графъ Кронгельмъ, который и принялъ отъ Василевскаго 4-ю роту.

*

тылъ бивуака посылались патрули, а иногда и цѣлая рота, для оцѣпленія той или другой деревни. Вообще были приняты самыя строгія мѣры, чтобы съ полнымъ обложеніемъ Плевны, войска соблюдали крайнюю бдительность. Усиленные же наряды для охраненія внутренняго порядка были вызваны тѣмъ, что генералъ Гурко замѣтилъ его упадокъ. Вообще дни, проведенные подъ Дольнымъ-Дубнякомъ, были крайне скучными и томительными. Офицеры не знали чѣмъ разнообразить ихъ и какъ бы невольно собирались въ шатеръ маркитанта, какъ въ центръ всевозможныхъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ слуховъ.

Послѣднія числа октября проведены были батальономъ въ приготовленіяхъ къ предстоящему походу, молва о которомъ уже нѣсколько дней была общею; но куда и когда—никто не зналъ положительно. Остававшіеся отъ наряда и фуражировокъ стрѣлки занимались приведеніемъ въ порядокъ одежды и обуви, уже значительно пострадавшихъ отъ непогодъ. Частые дожди, сырость и холодныя ночи начали оказывать вліяніе и на здоровье людей: появились лихорадки и желудочныя разстройства, заставлявшія принимать различныя санитарныя мѣры. Несмотря на это, насколько позволяло свободное время, производились ротныя и батальонныя ученья, съ цѣлью отстранить тѣ уставные недостатки, которые, какъ указалъ опытъ въ бою подъ Горнымъ-Дубнякомъ, были отчасти причиною напрасныхъ потерь. Для этого измѣненъ былъ порядокъ наступленія цѣпью, обращено исключительное вниманіе на примѣненіе къ мѣстности, указаны пріемы движеній ползкомъ, а резервамъ приказано наступать перебѣжками. Въ хозяйственномъ отношеніи главнымъ

распоряженіемъ было снабженіе людей сухарями, подвозъ которыхъ интендантствомъ почти прекратился. Въ деревнѣ Родомирцахъ были устроены для батальона хлѣбопекарныя печи.

Вскорѣ отъ лицъ близко стоящихъ къ отрядному штабу узнали, что движеніе предстоитъ къ Балканамъ. 1-го ноября людямъ выданы были на 13 дней сухари и по 90 патроновъ, а на слѣдующій день назначено выступленіе. Густой туманъ холоднаго утра еще покрывалъ долину, когда въ 7 часовъ утра 2-го ноября, роты покидали догорающіе костры бивуака и трогаясь крѣстились, говоря „прощай Плевна“.

Батальонъ шелъ во главѣ бригады, по Софійскому шоссе. Широкая дорога позволяла идти быстро и безъ утомлѣнія. По пути стрѣлки взглянули на памятное мѣсто побоища 12-го октября, возобновивше улегшееся воспоминаніе. Большіе курганы общихъ могилъ, съ высокими крестами, были еще свѣжи „Миръ праху вашему герои Дубняка“,—подумалъ каждый, вспоминая Арсеньева и Эбелинга.

Было еще свѣтло, когда батальонъ пришелъ къ деревнѣ Родомирцамъ и перейдя мостъ остановился за рѣкой. Въ 5 часовъ вечера потребовали отъ него 300 рабочихъ для постройки укрѣплѣній; къ полуночи занятая позиція была усѣяна ложементами. На дневкѣ 3-го ноября, обиліе воды и во время прибывшій обозъ, дозволили приготовить людямъ общую варку, въ заведенныхъ, по распоряженію полковника Васмундта, большихъ артельныхъ котлахъ. Это былъ впрочемъ первый и надолго послѣдній случай, когда ихъ пришлось примѣнить къ дѣлу, такъ какъ послѣдовало приказаніе оставить

обозы въ Родомирцахъ и съ ними слабыхъ, не могущихъ слѣдовать за батальономъ. Таковыхъ оказалось 29 человѣкъ.

4-го ноября, на разсвѣтѣ, палатки уже были сняты, люди стояли за ружьями, оставалось только разобрать ихъ и двинуться, но выступленіемъ почему то медлили. Наконецъ ординарецъ графа Шувалова привезъ приказаніе оставаться на мѣстѣ, но быть всякую минуту готовыми выступить. Въ такомъ положеніи роты простояли до 12 часовъ дня. Въ этотъ разъ батальону пришлось идти въ хвостѣ колонны до деревни Петровены, гдѣ происходилъ ночлегъ, а 5-го ноября онъ прибылъ къ деревнѣ Яблоницы, лежащей у подножія Балканъ. Пройдя деревню, роты стали бивуакомъ, по весьма неудобному косогору, на которомъ простояли впрочемъ только 6-е число, и 7-го перешли въ близъ лежащій лѣсъ. Здѣсь было все что нужно для хорошаго бивуака: прекрасная вода, изобиліе хвороста для костровъ и матеріалъ для шалашей, устройствомъ которыхъ стрѣлки занялись съ рвеніемъ. Многіе ухитрялись даже мастерить въ нихъ печи; но къ сожалѣнію всѣ эти труды оказались напрасными, потому что на слѣдующій день уже было извѣстно, о назначеніи батальона въ особый отрядъ и о скоромъ его выступленіи.

Трехдневное пребываніе стрѣлковъ у Яблоницы памятно двумя выдающимися случайностями. Во-первыхъ— посланная въ ближайшую деревню команда, за дровами, вздумала разбирать брошенную турецкую мѣльницу. Одна изъ ея стѣнъ рухнула и придавила нѣсколько человѣкъ. Во-вторыхъ —другая команда, производившая фуражировку, пригнала 400 барановъ, проданныхъ за ничтожную плату

какимъ то болгариномъ, изъ брошенныхъ стадъ бѣжавшихъ турокъ. Въ Яблоницахъ же офицеры узнали о происходившей въ Радомирцахъ фальшивой тревогѣ, вызванной стрѣльбою по подходившему къ цѣпи буйволу, принятому ночью за баши-бузука. Этотъ случай былъ причиною приказа о томъ, что при должномъ освѣщеніи мѣстности впереди отряда, никакой тревоги быть не можетъ.

8-го ноября, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о взятіи Карса, въ бригадѣ былъ совершенъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго двѣ роты были посланы на работы по укрѣпленію позиціи. Послѣ обѣда онѣ были смѣнены двумя другими ротами, а вечеромъ командиръ баталіона, возвратясь съ бывшаго у генерала Гурко совѣщанія, сдѣлалъ распоряженіе къ предстоящему на слѣдующій день выступленію. Командирамъ ротъ было приказано осмотрѣть людей, ихъ оружіе и обувь.

Прежде чѣмъ излагать подробности происходившаго въ слѣдующіе дни, необходимо сказать о тѣхъ общихъ распоряженіяхъ по отряду, которыя касались причинъ и цѣли предстоящихъ батальону дѣйствій.

Для овладѣнія путемъ къ г. Орханіе и находившеюся передъ нимъ долиною, нужно было сначала взять укрѣпленную позицію у деревни Правецъ, запиравшую входъ въ эту долину. Атаковать съ фронта сильныя, почти неприступныя укрѣпленія, высѣченныя турками въ нависшихъ скалахъ, было слишкомъ рисковано. Надо было обойти ихъ и неожиданнымъ появленіемъ съ тыла, заставить непріятеля очистить твердыни, недоступныя для открытой атаки. Съ этою цѣлью были сформированы два отряда: одинъ генерала Эллиса, долженствовавшій демон-

стировать съ фронта, и другой генерала Рауха,—обходный. Оба они были подчинены генералъ-адъютанту графу Шувалову. Въ составъ обходнаго отряда, кромѣ стрѣлковаго Его Величества батальона, входили: стрѣлковый батальонъ Императорской фамиліи, л.-гв. Семеновскій полкъ, команда гвардейскаго саперпаго батальона, взводъ Донской № 8 батареи и два горныя орудія. Путь этой колонны былъ назначенъ черезъ деревни Ведраръ и Колугерова *), откуда предстояло повернуть къ югу, по теченію рѣки Луковицы, съ цѣлью выйти въ тылъ турецкихъ укрѣплeній у Правца. Путь этотъ былъ лишь поверхностно обозначенъ на картахъ и представлялъ, казалось, непреодолимыя естественныя преграды. Основываясь на предварительной рекогносцировкѣ, сдѣланъ былъ расчетъ времени необходимаго для движенія, оказавшійся нѣсколько ошибочнымъ, потому что срока даннаго для перехода было далеко недостаточно для подъема орудій, на заоблачныя выси. Въ теченіи 40 часовъ, колонна, несмотря на крайнія напряженія и усилія, прошла не болѣе 27 верстъ.

8-го октября, послѣ обѣда, полковникъ Васмундтъ вновь созвалъ къ себѣ командующихъ ротами, для окончательныхъ распоряженій. „Послѣ этого—говоритъ участникъ похода въ своихъ запискахъ,—канунъ выступленія, какъ всегда, былъ проведенъ всѣми офицерами вмѣстѣ. Самые не сообщительные выползли изъ своихъ палатокъ, чтобы потолковать и послушать о предстоящемъ. Собирались какъ бы для того, чтобы посмотрѣть другъ на друга, подѣлиться мыслями. Такъ среди лѣса, на коврѣ пожелтѣвшихъ листь-

*) Какъ движеніе отъ Яблоницъ, такъ и бой подъ Правцемъ указаны на приложенномъ планѣ.

съ, у пылающаго костра, собралось все общество батальона. Несмотря на внутреннія соединившія его причины, оно не казалось печальнымъ, напротивъ: оживленные разговоры, пѣніе, смѣхъ... Лишь изрѣдка, и какъ бы вскользь, слышался вопросъ: а что-то будетъ завтра?"

9-го ноября, въ часъ пополудни, отрядъ генерала Рауха, имѣя во главѣ батальонъ Его Величества, тронулся съ Яблоницкаго бивуака. Офицерскія вещи везлись на вьюкахъ, а стрѣлки имѣли при себѣ десятидневную дачу сухарей. Дорога до Ведрари была удобна, за исключеніемъ небольшаго разстоянія отъ шоссе, гдѣ пришлось идти цѣликомъ и переходить бродъ. Деревушка лежала у входа въ ущелье, втягиваться въ которое батальону пришлось первымъ. Онъ составлялъ авангардъ; за нимъ слѣдовали саперы съ рабочими отъ всѣхъ частей, для разчистки пути. Было 8 часовъ вечера, когда, при слабомъ свѣтѣ луны, шедшая впереди рота, видя что разчистка дороги саперами задерживаетъ движеніе, обошла ихъ и начала подыматься по крутому берегу горнаго ручья. Неумолкаемое его журжаніе, невольная осторожность разговора и сгущающійся туманъ порождали какую-то таинственность.

Длинной, но непрерывной цѣпью растянулись стрѣлки по узкой тропинкѣ. Во многихъ мѣстахъ гряды камней заграждали путь и крутые скаты обращались въ отвѣсные обрывы, по краю которыхъ лѣпилась тропа, а бездонная пропасть чудилась подъ ногами. Такимъ образомъ, подымаясь съ горы на гору, прошли роты 14 верстъ и прибыли въ деревню Колугерово, въ часъ ночи, съ 9-го по 10-е ноября. Здѣсь, въ ожиданіи сосредоточенія далеко отставшихъ частей колонны, задержанныхъ подъемомъ

орудій, батальонъ долженъ былъ остановиться. Вторая рота была выставлена на аванпосты, три другія стали бивуакомъ у входа въ деревню, въ которой уже находилась сотня кубанскаго казачьяго полка. Ночь была проведена спокойно; только какими то, подъѣзжавшими конными было сдѣлано нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Такъ какъ офицерскіе вьюки остались далеко назади, то ни у кого не оказалось ни закуски, ни чая и только благодаря радушію казаковъ, успѣвшихъ запастись кое-какою провизіею, офицеры могли утолить голодъ.

Вскорѣ прибывшій генералъ Раухъ сообщилъ далеко неутѣшительныя свѣденія изъ хвоста колонны. Только къ 11 часамъ слѣдующаго утра прибыли къ авангарду два первыя орудія. Неожидая остальныхъ, батальонъ въ 12 часовъ двинулся далѣе, къ деревнѣ Луковицы. Дорога шла по берегу рѣки Малый-Искеръ. Хотя она и не представляла прежней крутизны, но была перерѣзана такими водомоинами, которыя затрудняли нетолько артиллерію, но и пѣхоту. Мѣстами рытвины представляли цѣлые овраги. Два бывшіе при батальонѣ орудія засѣли на первой-же верстѣ; поэтому, простоявъ болѣе часа въ напрасномъ ихъ ожиданіи, роты должны были вернуться назадъ, тогда какъ имъ оставалось всего версты 4 до непріятельской позиціи. Возвратиться было необходимо еще и потому, что начинало вечерѣть; вступать-же въ дѣло ночью, въ горахъ, было-бы безразсудно, а остановиться въ близкомъ отъ турокъ разстояніи, значило дать имъ возможность открыть присутствіе отряда.

Во все время движенія отъ Луковицъ, въ колоннѣ генерала Эллиса, слышна была влѣво отдаленная канонада. Вечеромъ кубанцы нашли возможнымъ войти съ

нею въ связь и привезли Рауху приказаніе генерала Шувалова, изъ котораго было видно слѣдующее расположеніе войскъ лѣвой колонны: на лѣвомъ флангѣ, на перекресткѣ дорогъ Этрополь-Орханіе, находились 3 батальона Московскаго полка съ 6 орудіями; на высотахъ же правѣе шоссе—2-й и 3-й (финскій) стрѣлковые батальоны и 4-й батальонъ московцевъ. Далѣе въ приказаніи было сказано:

„Завтра 11-го ноября, Гриппенбергъ будетъ стараться дать вамъ руку. У турокъ 3 орудія и около 4-хъ таборовъ. Имѣйте въ виду, что высоты надъ Правцемъ тоже укрѣплены. Прошу увѣдомить меня: 1) о вашихъ предположеніяхъ на 11 ноября; 2) въ какомъ растояніи вы находитесь отъ перекрестка дорогъ Этрополь-Орханіе; 3) въ которомъ часу можете начать движеніе; 4) въ какомъ направленіи предполагаете наступать. Генералъ Гурко желаетъ начать операцію 11-го возможно ранѣе. Генералу Эллису я предложу наступать тогда, когда вы и Гриппенбергъ завяжите дѣло. Я принялъ начальство надъ обѣими колоннами и буду находиться на горѣ, обозначенной на прилагаемомъ кроки, а потомъ—въ расположеніи полковника Гриппенберга и начну дѣло, но еще не атаку, въ 8 часовъ утра".

Ночь съ 10-го на 11-е была проведена безъ костровъ, а слѣдовательно и безъ пищи. Сильный холодъ переносимый людьми умѣрялся только тѣмъ, что они зарывались въ сѣно, найденное въ огромномъ количествѣ у деревни. Аванпостную цѣпь содержала 4-я рота, бывшая въ это время подъ командою поручика графа Кронгельма; она охватывала впереди лежащія горы и замыкала входъ въ ущелье.

Имѣя въ виду предстоящее дѣло, полковникъ Васмундтъ отдалъ слѣдующій приказъ по батальону:

„Завтра мы атакуемъ лежащія передъ нами правецкія высоты. Предстоитъ настоящее стрѣлковое дѣло! Мѣстность гористая, перерѣзаная глубокими оврагами и ущельями“.

„Непріятель по свѣдѣніямъ занялъ рядъ высотъ и окопался на послѣдней изъ нихъ, примыкающей къ Орханійской долинѣ. Чтобы добраться до него прійдется взбираться по отвѣснымъ крутизнамъ, спускаться въ пропасти“.

„Тѣмъ лучше! каждый стрѣлокъ поспѣшитъ воспользоваться препятствіемъ, что-бы послать врагу смерть. Промаховъ не будетъ. Какъ только турки насъ увидятъ, они начнутъ по обыкновенію трещать безтолково изъ ружей. Не обращай на эту трескотню вниманія. Знай себѣ подавайся впередъ и стрѣляй навѣрняка. Турокъ терпѣть не можетъ русскаго штыка и всегда показываетъ пятки и задъ“.

11-го ноября батальонъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшими заночь ротами Семеновскаго полка, имѣя впереди сотню кубанцевъ, въ 8 часовъ утра двинулся по ущелью, выходившему въ обходъ правецкихъ укрѣпленій, на лѣвый флангъ турецкой позиціи. Дойдя до того мѣста откуда возвратился наканунѣ, батальонъ остановили, чтобы дать время подтянуться прочимъ частямъ. Во время этой остановки приказано было скатать шинели и надѣть мундиры. Черезъ часъ послышались ружейные выстрѣлы кубанскихъ разъѣздовъ. Они донесли, что наткнулись на непріятельскіе посты и что недоходя 4-хъ верстъ до шоссе, въ ущельи, видны турецкіе ложементы. Узнавъ объ этомъ, полковникъ Васмундтъ, взявъ роту Его Величества и 2-ю, повелъ ихъ на горы, вправо отъ ущелья; третья-же и четвертыя роты остались въ резервѣ, подъ командою полковника Тишина. Несмотря на страшную крутизну, стрѣлки, имѣя ружья за плечами, хватаясь за деревья и камни, начали быстро взбираться. Ободряемые личнымъ

примѣромъ своего командира, все время шедшаго впереди, они скоро достигли вершины и остановились перевести духъ. Пользуясь этой минутой, полковникъ Васмундтъ успѣлъ оглядѣть впереди лежащую мѣстность. Оказалось, что вправо и влѣво, отъ обходнаго пути къ Правцу, тянулся рядъ высокихъ горъ, пересѣкаемыхъ ущельями, съ обрывистыми спусками, покрытыми дубнякомъ. Лѣвыя высоты не были заняты непріятелемъ, который сосредоточился на 3-хъ горахъ вправо, а по склону той, противъ которой находились рота Его Величества и 2-я, видна была густая цѣпь, съ резервами за горой. Одна изъ этихъ горъ составляла ключь турецкой позиціи, потому что съ нее можно было продольно обстрѣливать разрабатываемую дорогу, по которой должны были двигаться остальныя части колонны. Турки воспользовались этимъ и открыли огонь по рабочимъ, прикрыть которыхъ было приказано четвертой ротѣ батальона. Какъ эта рота, такъ и 3-я, еще до начала разработки пути, успѣли безъ выстрѣла утвердиться на лѣвыхъ, незанятыхъ непріятелемъ высотахъ. Съ горъ правой стороны дороги, взобравшимся на нихъ стрѣлкамъ, открылась восхитительная картина на Орханійскую долину и на всѣ турецкія позиціи. Убѣдившимъ въ появленіи нашихъ войскъ, въ совершенно неожиданномъ для нихъ направленіи, турки спѣшили подкрѣпить свою линію. Ихъ колонны спѣшили спуститься съ противуположныхъ высотъ въ лощину и быстро направились къ занятой стрѣлками позиціи.

Итакъ батальону предстояло выбить турокъ съ трехъ правыхъ высотъ и сбросить ихъ въ долину. Для этого полковникъ Васмундтъ приказалъ: разсыпанной ротѣ Его

Величества подаваться впередъ, а второй, тоже цѣпью, слѣдовать за нею. Стрѣлки Государевой роты, то дѣлая большія перебѣжки, то ползя поодиночкѣ, наступали на лѣвый флангъ турокъ, подавая правое плечо впередъ, и наконецъ схватились съ ними. Въ это время полурота 2-й роты оставалась противъ центра. Вскорѣ мѣткій огонь нашей цѣпи и охватъ лѣваго фланга заставилъ непріятеля отойти на вторую гору, гдѣ турки и залегли въ ложементы. Прежде чѣмъ атаковать ихъ, командиръ батальона пріостановилъ движеніе, съ цѣлью присоединить къ себѣ третью и четвертую роты, находившіяся, какъ сказано, на лѣвыхъ высотахъ, противъ которыхъ турки еще не показывались. Третья рота, живо спустилась съ горы и перейдя дорогу подавалась впередъ, уступомъ лѣвѣе второй, а четвертая образовала за нею резервъ. Оставленное ими пространство заняла Семеновская рота, стрѣлковый же батальонъ Императорской Фамиліи, вслѣдствіе донесенія полковника Васмундта о необходимости продлить цѣпь вправо и тѣмъ обезпечить его флангъ отъ обхода, былъ направленъ на крайній правый флангъ, гдѣ и оставался до конца дѣла.

Въ этомъ новомъ положеніи роты очутились такъ близко отъ непріятеля, что стрѣлки ясно слышали говоръ и команды турокъ. Командующій ротою Его Величества поручикъ Артемовъ, предвидя близость предстоящей атаки, предупредилъ своихъ людей, о замѣченномъ имъ обычаѣ турокъ, открывать залпы, какъ только услышатъ наше „ура". Поэтому онъ приказалъ при ожидаемой атакѣ, прокричать „ура" лежа, выждать залпы турокъ и затѣмъ, вскочивъ, дружно кинуться на нихъ. Потомъ такъ и было исполнено.

Выждавъ прибытія четвертой роты, командиръ батальона приказалъ 1-й и 2-й идти въ атаку. Дружнымъ, грознымъ „ура" отозвались стрѣлки на это приказаніе, бросились впередъ, схватились въ рукопашную. Обѣ эти роты, предводимыя своими лихими командирами, поручиками Артемовымъ и Кончаковскимъ, безостановочно насѣдали и давили турокъ. Результатомъ атаки было то, что турки покатились съ горы, оставляя по пути множество труповъ, а затѣмъ началось безпорядочное ихъ бѣгство. Сброшенные съ крутизны, они въ разсыпную, даже не отстрѣливаясь, бѣжали по долинѣ къ Орханіѣ. Желая продолжать ихъ преслѣдованіе, полковникъ Васмундтъ послалъ подпоручика Рагозина передать 3-й ротѣ, чтобы она спѣшила за 2-ю и просить командира Императорскаго батальона графа Клейнмихеля поддержать его, но генералъ Раухъ, въ виду наступившихъ сумерокъ, приказалъ остановить преслѣдованіе. Къ семи часамъ вечера дѣло было окончено. Когда данъ былъ отбой, то оказалось, что 1-я рота и часть людей 2-й, несясь впередъ за бѣжавшими турками, уже спустилась въ долину, гдѣ и провела ночь съ 11-го на 12-е ноября. Вообще предпріимчивость и удаль нижнихъ чиновъ выразились въ Правецкомъ дѣлѣ въ поразительной степени. Стрѣлки роты Его Величества *Копыловъ* и *Коломенцовъ* были въ ней вожаками. Взбираясь со скалы на скалу, они появлялись на нихъ первыми и приманивали къ себѣ товарищей, указывая имъ примѣръ того, что взобраться возможно. Слѣдившія за движеніемъ батальона въ бинокли, лица свиты графа Шувалова, потомъ говорили, что они, смотря снизу, дивились удали двухъ названныхъ

вожаковъ, являвшихся какъ силуеты на подоблачныхъ высяхъ.

Благодаря смѣтливому передвиженію въ горахъ, ловкому примѣненію къ мѣстности и боевому опыту обстрѣленныхъ уже ротъ, потери ихъ были незначительны. Въ батальонѣ оказалось всего 9 раненыхъ, изъ которыхъ двое умерли въ ту же ночь. Ничтожность потери объясняется еще и тѣмъ, что турки, открывая огонь по наступающимъ, обыкновенно ложились за прикрывавшимъ ихъ гребнемъ по внутреннему скату, настолько низко, что не видѣли наступающихъ и не цѣлясь, положивъ ружья на гребень, по направленію наступленія, пускали тучи пуль, которыя, какъ рой пчелъ, жужжа, проносились надъ головами стрѣлковъ, не нанося имъ ни малѣйшаго вреда.

Зарвавшіеся за бѣжавшими турками стрѣлки долго не могли собраться къ мѣсту бивуака, чему способствовала и наступившая темнота. Только часа черезъ два собрались всѣ и батальонъ расположился на склонѣ горы, при спускѣ въ долину. Поздно вечеромъ послѣдовалъ слѣдующій приказъ по батальону:

„Сегодня мы начали бой подъ облаками, а кончили его въ облакахъ. Взобрались мы такъ высоко недаромъ. Непріятель сбитъ съ 3-хъ высотъ, выбитъ штыками и прикладомъ изъ оконовъ послѣдней горы и сброшенъ въ Орханійскую долину. Здѣсь ужъ онъ бѣжалъ опрометью, въ безпорядкѣ и мы его просто разстрѣливали. Пораженіе турокъ полное. Входъ въ охранійскую долину въ нашихъ рукахъ. Слава дня безпорно принадлежитъ баталіону. Потери наши незначительны, не смотря на страшный огонь, которымъ непріятель привѣтствовалъ насъ при наступленіяхъ и атакахъ. Значитъ шли хорошо и умѣло, пользовались мѣстностью

и обстоятельствами. Сердечно благодарю васъ гг. офицеры за молодецкое дѣло. Спасибо вамъ богатыри стрѣлки. Съ вами нѣтъ ничего невозможнаго“ *).

Окончивъ описаніе Правецкаго дѣла, приведемъ слѣдующій разсказъ очевидца, о томъ вліяніи какое произвело на турокъ появленіе русскаго отряда на Орханійской долинѣ. Три мѣсяца спустя, во время пребыванія въ С.-Стефано, командиру батальона довелось встрѣтиться съ французскимъ военнымъ агентомъ при турецкой арміи. 11-го ноября онъ вмѣстѣ съ Мехметомъ-Али, находился въ дер. Врачена. Утромъ, отъ турецкихъ разъѣздовъ получено было донесеніе, что русскіе появились на правецкихъ высотахъ. Турецкій главнокомандующій не обратилъ на это вниманія, говоря что это вѣроятно какой-нибудь казачій разъѣздъ или болгарскіе четники, потому что пѣхотѣ и безъ артиллеріи пройти тамъ нельзя. Черезъ часъ прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что русскій отрядъ, изъ всѣхъ родовъ оружія, настойчиво наступаетъ. „Дѣлать нечего—сказалъ Мехметъ, обращаясь къ французу.—поѣдемте взглянуть что тамъ такое, хотя я и увѣренъ, что ничего важнаго быть не можетъ“.

„Мы прискакали въ то время, когда вы готовились атаковать послѣднюю высоту,—продолжалъ свой разсказъ французскій агентъ,—и остановились на одной изъ горъ,

*) Въ славномъ правецкомъ дѣлѣ, память котораго увѣковѣчена надписью на головномъ уборѣ стрѣлковъ, участвовали слѣдующіе офицеры баталіона: полковники *Васмундтъ* и *Тишинъ*, капитанъ *Зейдеръ*, штабсъ-капитанъ графъ *Кронгельмъ*; поручики: *Крончаковскій* и *Артемовъ*, подпоручики: *Рагозинъ*, *Савримовичъ 2*, *Мигденко* и *Васильковскій*, прапорщики: *Генюкъ*, *Гейрихсенъ*, и *Жилинскій*.

съ которой ясно было видно все дѣло. Мехметъ-Али замѣтно смутился, началъ отдавать приказанія, послалъ за резервами. Между тѣмъ ваши стрѣлки насъ замѣтили и начали осыпать гору пулями".

— Уѣдемте отсюда, сказалъ я Мехмеду, зачѣмъ подставлять себя безъ всякой пользы подъ выстрѣлы.

— Нѣтъ, я не могу уѣхать, отвѣчалъ Али, потому что какъ только я поверну лошадь, — вся эта сволочь, — при этомъ онъ указалъ на свои войска, — бросится назадъ.

— Но въ этотъ моментъ раздалось ваше „ура!" — говорилъ французъ — и турецкая сволочь бросилась внизъ, несмотря на присутствіе главнокомандующаго.

Въ 3 часа дня батальонъ перешелъ на другую позицію, на вершину горы, гдѣ была получена диспозиція по отряду графа Шувалова; изъ нее видна была задача стрѣлковой бригады, данная ей на слѣдующіе дни. Въ диспозиціи было сказано: „Укрѣпленную турецкую позицію, взятую нами, занять гвардейской стрѣлковой бригадой, Л.-Гв. Московскимъ полкомъ и двумя 9-ти-фунтовыми орудіями. Позицію укрѣпить". Какъ это должно было исполнить, указывалось слѣдующимъ приказомъ по батальону:

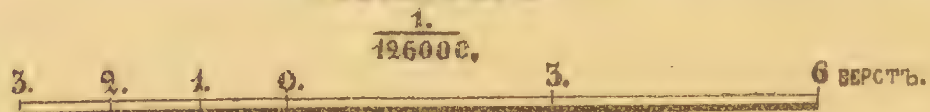
„Занимаемая баталіономъ позиція на горѣ должна быть укрѣплена. 4-я рота построитъ ровики для стрѣлковъ и окопъ для резерва, на самой вершинѣ. Ротѣ Его Величества окапаться на правомъ уступѣ; 2-я рота займетъ позицію лѣвѣе ея, также въ ложементахъ; 3-я рота свяжетъ обѣ названныя роты съ 4-ю. Полковнику Тишину находиться при первой и 2-й ротахъ; на него возлагаются наряды на

ПЛАНЪ
Правецкаго боя 11го Ноября 1877го года.

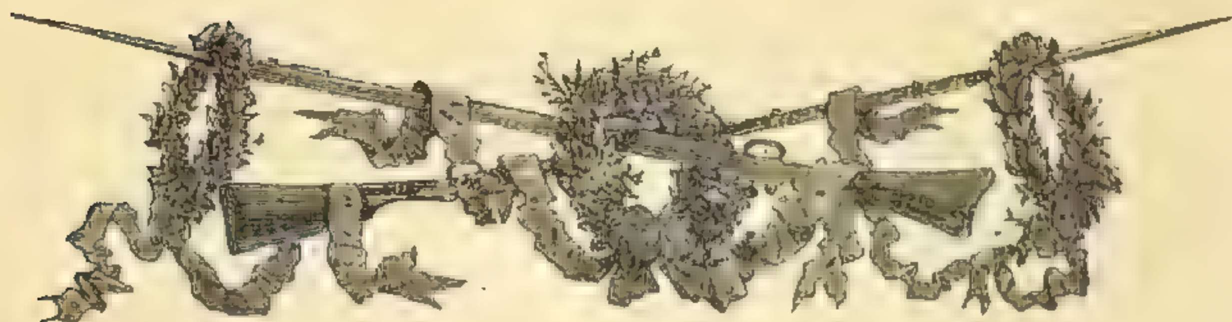
Калугерово
Л. гв. семеновскій полкъ
Ябловица.
1381
Ведрари
Ведраръ Камушти
Малый Болгарскій Изворъ
Т у р а п о л ц и ц а
Усыковица.
Джурова
Лажени.
Бивакъ 8-го съ 11го на 12е Ноября
изъ Орханіе
Лукавица
Правецъ
Ахметъ
Лоховица
Лупенъ
Кальдо Пръвецки

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

Масштабъ
1/126000.

работу и на службу въ траншеяхъ, въ обѣихъ названныхъ ротахъ. Пищу варить по прежнему въ котелкахъ. Достать побольше соломы для подстилки. Сухари беречь, мяса давать вдоволь".

*

ГЛАВА XIV.

На Балканахъ.

Движеніе къ Арабъ-Конаку.—Дѣло 21-го ноября.—Дѣйствія 3-й и 4-й ротъ.—Шести-дневное пребываніе батальона на Балканахъ.—Атака Московской горы.—Извѣстіе о сдачѣ Плевны.—Стоянка у Врачеша.—Команда охотниковъ.—Внутренній и хозяйственный порядокъ.—Движеніе за Балканы.—Батальонъ въ авангардѣ.—Подъемъ на перевалъ.—Спускъ въ Софійскую долину.

асмурное, туманное утро 12-го ноября, застало утомленныхъ стрѣлковъ у костровъ. Массы облаковъ, гонимыхъ сѣвернымъ вѣтромъ, окутывали горы и застилали долину. Вообще состояніе природы далеко не соотвѣтствовало тому внутреннему настроенію, которое ощущается послѣ хорошо исполненнаго дѣла. Результатъ былъ дѣйствительно блистательный. Турки очистили высѣченные въ скалахъ и неприступные съ фронта Правицкіе редуты.

Утромъ 13-го ноября, батальонъ съ тѣмъ же составомъ офицеровъ, исключая заболѣвшаго прапорщика Магденко, которые были въ Правецкомъ дѣлѣ, тронулся съ бивуака первымъ, за нимъ послѣдовали остальные. На новой позиціи, онъ вмѣстѣ со вторымъ стрѣлковымъ занялъ центръ, на правомъ флангѣ стали стрѣлки Императорской фамиліи, а на лѣвомъ—финскіе. Въ то время когда

другія войска отряда, раздѣленныя на три колонны, съ боемъ подымались на высоты противъ Шандорника и наступали на Этрополь, стрѣлковая бригада занялась укрѣпленіемъ своей растянутой по горамъ позиціи и наблюденіемъ за непріятелемъ. Производить его было весьма удобно, потому что съ занятыхъ батальономъ высотъ расположеніе турецкихъ войскъ и ихъ малѣйшія передвиженія были видны какъ на ладони. Наблюдательный пунктъ былъ устроенъ передъ серединою бригады; для производства-же наблюденій наряжались ежедневно офицеры, которымъ было приказано записывать все замѣченное и посылать всякій вечеръ донесеніе въ штабъ отряда. Офицеры и стрѣлки постоянно приходили къ наблюдательному пункту, чтобы, какъ бы съ птичьяго полета, взглянуть на разстилавшуюся у ногъ долину и на все въ ней происходившее.

До 16-го ноября батальонъ оставался въ тѣхъ же траншеяхъ *). Между тѣмъ въ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ и рѣзкій вѣтеръ срывалъ палатки. Приходилось озаботиться какъ бы укрыться отъ стужи. Производимыя почти ежедневно рекогносцировки указывали, что непріятель занималъ противъ насъ сильно укрѣпленныя позиціи, взять которыя можно было только обходнымъ путемъ. Найти его и проникнуть внутрь Балканъ, въ тылъ Орханіи и Врачеша, составляло теперь задачу нашихъ колоннъ. Къ общему удивленію, произведенная утромъ 17-го ноября развѣдка обнаружила, что всѣ редуты и батареи противъ нашей позиціи очищены турками. Это

*) Во время этой стоянки къ нему возвратился изъ Ташкента, прикомандированный къ туркестанскимъ стрѣлковымъ батальонамъ, штабсъ-капитанъ *Синягинъ*.

вызвало немедленное приказаніе спустить съ горъ находящіяся тамъ части, а стоящимъ внизу наступать къ Арабъ-Конаку.

При спускѣ, батальонъ вмѣстѣ съ другими стрѣлковыми и л.-гв. Московскимъ полкомъ, составилъ авангардъ, подъ командою генерала Эллиса. Въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, роты начали спускаться въ долину. Дороги никакой не было, ночь была темная; люди пробирались по узкой извилистой тропинкѣ, которую освѣщали нѣсколькими фонарями, розданными патрульнымъ. По прошествіи часа стало замѣтно, что спускъ дѣлается положе, снѣгъ изчезъ; было видимо, что долина близка. Черезъ полчаса роты вышли на покатость, гдѣ построились въ батальонную колонну по отдѣленіямъ. За темнотою сборъ ротъ занялъ не мало времени, такъ какъ многіе сбились съ пути; второй-же роты вовсе не было; оторвавшись отъ батальона, она отошла въ сторону, но скоро присоединилась къ прочимъ.

18-го ноября движеніе продолжалось *). Путь по которому отступали турки указывалъ на ихъ бѣгство. Кучи нераскупоренныхъ и разбитыхъ патронныхъ ящиковъ, поломанныя повозки, брошенныя палатки и тюки съ разными вещами,—валялись по дорогѣ, или грудами лежали въ канавахъ. Выйдя на шоссе увидѣли городъ Орханію, гдѣ сдѣлали привалъ. Затѣмъ пройдя деревню Врачешъ, за которою шоссе входитъ въ ущелье, батальонъ втянулся въ дефиле, въ родѣ длиннаго корридора, бока котораго состояли изъ высокихъ хребтовъ покрытыхъ лѣсомъ, а

*) Въ этотъ день убылъ изъ батальона заболѣвшимъ штабсъ-капитанъ графъ Кронгельмъ.

ширина рѣдко гдѣ была болѣе ширины шоссе. Верстахъ въ 13-ти отъ начала ущелья, шоссе дѣлаетъ крутой поворотъ къ Арабъ-Конаку. Пройдя около 2-хъ верстъ, авангардъ остановился для ночлега и выбора, начальникомъ его, позиціи для артиллеріи. Во время этой остановки неожиданно узнали, что турки находятся всего въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ и сильно заняли ближайшія горы. Между тѣмъ въ отрядѣ полагали, что очистивъ Орханію, турки безпрепятственно отдадутъ Арабъ-Конакъ и отступятъ къ Софіи. Увѣренность въ этомъ была такъ сильна, что войскамъ было отдано приказаніе, на слѣдующій день, переходить Балканы.

Для этого, 19-го числа, въ 6 часовъ утра, отъ батальона было потребовано 300 рабочихъ, при офицерѣ, для подъема орудій. Подъемы были необыкновенно круты, вслѣдствіе чего движеніе происходило крайне медленно; рабочіе же несли тяжкіе труды; посланные на разсвѣтѣ возвращались только въ 10 часовъ вечера. Все 20 число и ночь на 21-е, роты работали безъ перерыва. Дѣло шло уже не о безостановочномъ движеніи за Балканы, а объ устройствѣ батарей, противъ сильно укрѣпленной турками позиціи.

Къ утру 21-го ноября все было готово. До начала дѣла, батальону, составляя общій резервъ, приказано было остаться на мѣстѣ ночлега, что не нравилось стрѣлкамъ, рвавшимся въ бой. Но недолго оставались они въ резервѣ. Въ 10 часовъ началась бомбардировка, а вслѣдъ за нею ружейная пальба, всякую минуту усиливающаяся съ обѣихъ сторонъ. Оказалось, что турки предупредили и всѣми силами атаковали гору, занятую Московскимъ полкомъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ

начальника бригады усилить боевую линію второю и 4-ю ротами батальона и двумя ротами Императорскихъ стрѣлковъ *). Полковникъ Васмундтъ лично повелъ свои роты впередъ. Взбираясь между камнями и рытвинами, лошадь его оступилась и онъ вмѣстѣ съ нею упалъ съ обрыва. Видѣвшіе это, считали его погибшимъ, но къ общему удивленію ограничилось сильнымъ ушибомъ ноги. Несмотря на боль, онъ уже пѣшкомъ продолжалъ подыматься вмѣстѣ съ стрѣлками. Потомъ опухоль ноги оказалась до того сильною, что пришлось разрѣзать сапогъ.

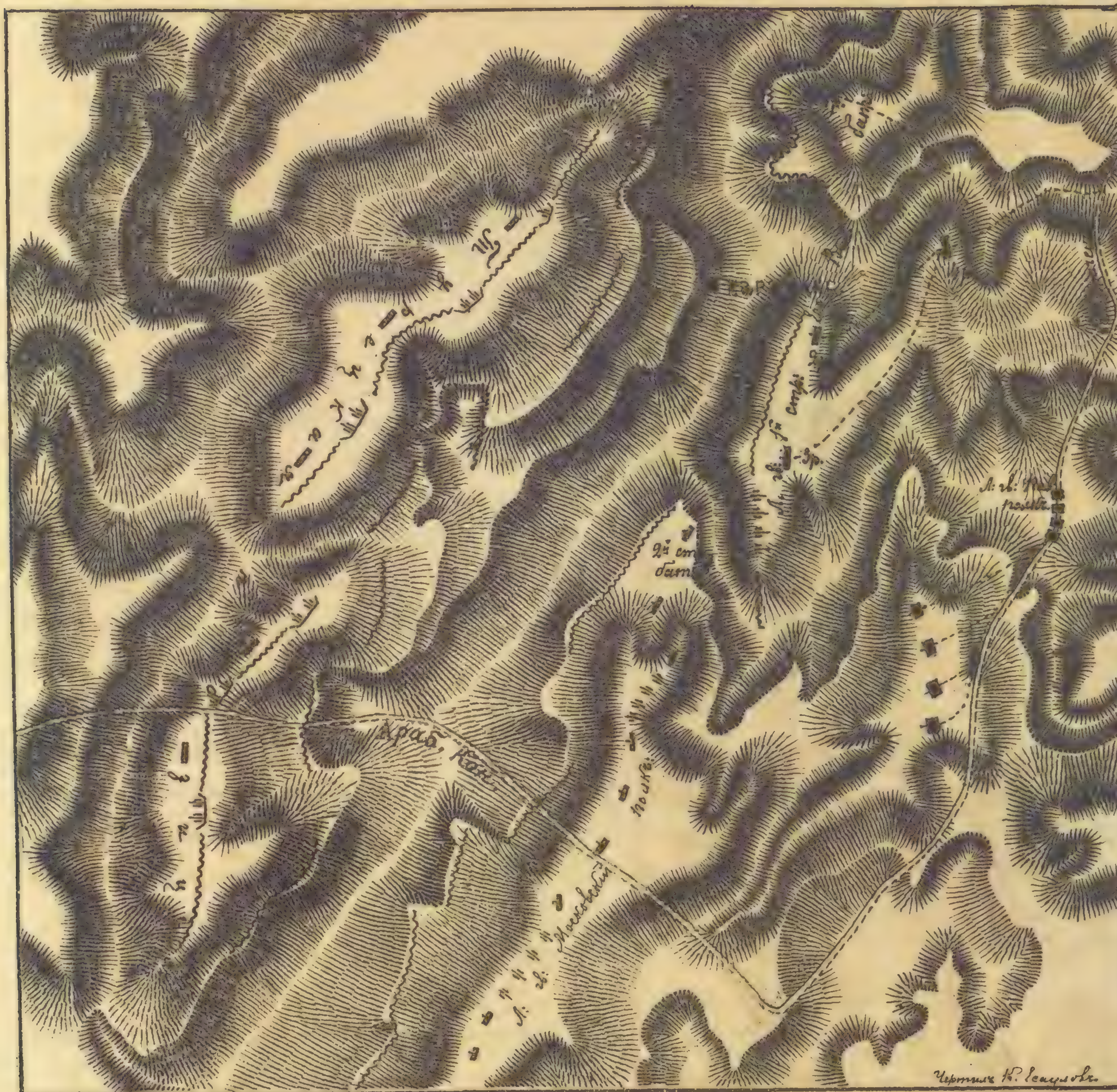
Когда наши роты подходили на помощь московцамъ, пули стучали о толстыя деревья, гранаты рвались надъ головами. Недоходя батареи, 2-я рота усилила цѣпь влѣво, примкнувъ къ флангу Московскаго полка; четвертая стала за нею. Направляя натискъ на центръ нашей позиціи, турки подставили свой флангъ подъ анфиладный огонь 2 роты; но замѣтя это, они отдѣлили нѣсколько таборовъ для обхода нашего праваго фланга. Съ занятой 2-ю ротою позиціи, за разстилавшимся отъ массы огня дымомъ, нельзя было видѣть, что происходило въ центрѣ. Вдругъ огонь нашей батареи сталъ утихать; явилось опасеніе, что она взята. Отдаленное „ура" уже сливалось съ оглушительными криками „алла". Казалось, что они то приближались, то удаляются. Ружейная пальба тоже ослабѣла, отъ недостатка патроновъ. Была минута, что дѣло считалось проиграннымъ, но геройскій подвигъ генерала Гриппенберга обратилъ его въ нашу пользу. Когда дымъ нѣсколько отнесло, по дорогѣ отъ Врачеша показался,

*) Расположеніе ротъ на Арабъ-конакской позиціи указано на прилагаемомъ планѣ.

ПЛАНЪ
Боя на Арабъ Конакѣ 21го Ноября 1877 г:

масштабъ $\frac{1}{21000}$

250. 200. 150. 100. 50. 0. ½ версты. 1 верста

спѣшившій на помощь Павловскій полкъ, но она оказалась ненужною. Московцы съ стрѣлками одни отбили напоръ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля.

Въ этотъ день полковникомъ Васмундтомъ было отдано въ приказѣ по батальону:

„2 и 4-я роты сегодня молодцами взобрались на гору и во время поддержали Московскій полкъ, на который сильно насѣдалъ непріятель; Государева рота усидѣла на своей горѣ и отлично обстрѣляла обходную турецкую колонну. Отдаю полную справедливость господамъ офицерамъ, за ихъ примѣрное мужество и распорядительность. Сердечно благодарю стрѣлковъ“.

Ночь на 22-е батальонъ оставался на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которые занималъ во время боя. Утромъ сильный туманъ покрывалъ горы до такой степени, что въ цѣпи, стоявшей всего въ 100 шагахъ отъ непріятеля, стрѣлки не видѣли находящагося въ двухъ шагахъ товарища. Такое положеніе, въ густомъ лѣсу, не могло считаться безопаснымъ и способствовало ложнымъ тревогамъ. Въ 9 часовъ на Московской горѣ раздался выстрѣлъ. Мгновенно закипѣла сильная перестрѣлка, но въ кого стрѣляли,—никто не зналъ и не видѣлъ. Въ 4 ротѣ, стоявшей въ резервѣ, кто то крикнулъ—„турки сзади“; оказалось, что это были не турки, а заблудившійся турокъ, самъ удивившійся встрѣчѣ съ русскими.

Въ 5 часовъ пополудни 2 и 4 роты, спустившись съ горъ, присоединились къ третьей; рота же Его Величества осталась содержать почтовые посты, отъ праваго фланга къ позиціи Павловскаго полка.

Дни стоянки батальона подъ Арабъ-Конакомъ были для него самыми трудными днями компаніи. Пронизы-

вающіе холодъ и сырость, безпрерывныя хотя безвредныя тревоги и постоянное нравственное напряженіе, утомляя людей, увеличивали число заболѣвающихъ. Только принятыя полковникомъ Васмундтомъ санитарныя и гигіеническія мѣры не дали распространиться болѣзненности въ той мѣрѣ, чтобы она разстроила роты. „Прошу господъ ротныхъ командировъ,—писалъ онъ въ своемъ приказѣ,—не упускать ни одну изъ указанныхъ мною гигіеническихъ мѣръ, какое бы ни было къ тому препятствіе. Наградою имъ за это—здоровье, бодрость и силы людей имъ ввѣренныхъ".

Хотя въ приказѣ по отряду отъ 23-го ноября и было указано, гвардейской стрѣлковой бригадѣ, вмѣстѣ съ другими частями общаго резерва, расположиться въ окрестностяхъ Орханіи, но это коснулось только батальоннаго штаба, роты же еще 6 дней оставались на прежнемъ бивуакѣ.

23-го числа, въ полдень, на правомъ флангѣ снова началась стрѣльба. Это заставило командира батальона послать туда 3-ю роту. Почти въ тоже время поднялась сильная перестрѣлка на Московской горѣ; причина ея осталась оффиціально неизвѣстною, но раненые тамъ говорили, что турки выходили изъ ложементовъ, пробовали перейти въ наступленіе, но вслѣдствіе нашихъ удачныхъ орудійныхъ выстрѣловъ, отступили. 24 и 25 числа ноября прошли спокойно; непроницаемый туманъ не допускалъ даже артиллерійской перестрѣлки. 26-го ноября на позицію батальона пріѣзжалъ генералъ Гурко. День этотъ, всегда торжественно празднуемый въ Петербургѣ, не прошелъ безслѣдно и на Балканахъ. Вечеромъ графъ Шуваловъ приказалъ привести къ своей палаткѣ всѣхъ геор-

гіевскихъ кавалеровъ и угощалъ ихъ, а на слѣдующій день, число ихъ въ батальонѣ увеличилось. Изъ главной квартиры было прислано, за Правецъ, по 3 креста на роту. Они немедленно были розданы выбраннымъ, при собраніи всего батальона, исключая роты Его Величества, которая оставалась на передовой позиціи и получила ихъ 28-го числа. Въ этотъ день 2-я рота ходила на разработку дороги, въ отрядъ генерала Дандевиля.

Во исполненіе приказа генерала Гурко, 29-го ноября въ 9 часовъ утра, батальонъ спустился съ горъ, чтобы идти въ деревню Врачешъ. На пути, проѣзжавшій артиллеристъ объявилъ стрѣлкамъ о сдачѣ Плевны. Обманутые много разъ подобнымъ извѣстіемъ, стрѣлки ему не повѣрили, но черезъ нѣсколько верстъ оно было подтверждено лично начальникомъ отряда. Громкое „ура", какъ отвѣтъ на радостную вѣсть, переходя раскатами отъ одной позиціи къ другой, огласило вершины горъ.

По приходѣ во Врачешъ, тотчасъ же былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго роты были разведены по квартирамъ. Многія изъ этихъ квартиръ оказались безъ дверей и оконныхъ рамъ, но всетаки, сравнительно съ перенесеннымъ въ горахъ, люди въ нихъ благодушествовали. Къ этому присоединилось и всякаго рода обиліе, потому что въ Орханіи найдено было большое количество галетъ, муки и масла, а также склады сукна, куртокъ и разныхъ матеріаловъ. Все это подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, потому что усилившіеся морозы заставляли серьезно позаботиться о теплой одеждѣ и обуви, которая пришла уже въ совершенную негодность. Ее замѣнялъ лоскутъ сырой необдѣланной кожи барана или вола, стянутый веревкою, что представляло видъ уродли-

ваго лаптя. Твердая кожа, размокая отъ сырости, при первомъ морозѣ обращалась въ кору, ломалась и сильно натирала ногу.

Изъ Врачеша, черезъ два дня въ третій, батальонъ ходилъ въ горы, содержать передовую цѣпь на позиціи. Первый разъ этотъ нарядъ былъ исполненъ 3-го декабря. За день до этого, именно 1-го числа вечеромъ, вслѣдствіе распоряженія генерала Рауха, какъ начальника резерва, полковникъ Васмундтъ собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ и приказалъ имъ вызвать съ каждой роты по 8 человѣкъ охотниковъ. Ихъ оказалось гораздо больше, по этому пришлось бросить жеребій. Начальство надъ ними принялъ штабсъ-капитанъ Спягинъ. Ему было указано отправиться въ обходъ деревни Лютикова и изъ засады перестрѣлять турецкія команды, приходящія туда за водою. Получивъ проводникомъ болгарина, Спягинъ выступилъ 2-го декабря рано утромъ. Пробираясь горами, по козьимъ тропамъ, команда достигла назначеннаго пункта и залегла, ожидая добычи. Ожиданія оказались напрасными: за водой приходили не команды, а отдѣльные люди, изъ-за которыхъ не стоило подымать тревогу. Прождавъ напрасно до вечера, пришлось переночевать на обратномъ пути въ лѣсу и только на слѣдующее утро команда возвратилась къ батальону.

3-го декабря, въ 9 часовъ утра, батальонъ выступилъ на позицію, для смѣны Финскаго. Прійдя на нее роты расположились такимъ образомъ: рота Его Величества стала у редута, 2-я спустилась вправо въ долину, чтобы служить связью между расположеніемъ батальона и кавалеріею, охранявшею западную окраину Орханійской долины; 3-я рота была разсыпана по склону обращенному

къ непріятелю, примыкая своимъ лѣвымъ флангомъ къ цѣпи 2-го стрѣлковаго батальона; 4-я осталась въ резервѣ за 3-ю ротою. На лежащія впереди горы высланы были секреты; но какъ они, такъ и роты провели первые сутки безъ выстрѣла, а на слѣдующіе — 1-я и 3-я роты перешли одна на мѣсто другой; 5-го же числа батальонъ былъ смѣненъ Финскимъ и возвратился во Врачешъ.

Стоянка на горахъ была какъ бы испытаніемъ для стрѣлковъ въ сторожевой службѣ и это испытаніе вполнѣ высказало тотъ военный духъ, которымъ были проникнуты нижніе чины батальона. Слѣдующіе два факта подтверждаютъ это. Полковникъ Васмундтъ, желая убѣдиться въ исправности часовыхъ въ цѣпи, нѣсколько разъ, по ночамъ, совершенно одинъ пробирался то къ одному, то къ другому часовому сзади, и не было случая, чтобы онъ замѣтилъ малѣйшее нарушеніе бдительности. Обернувъ ноги рогожею, или полотномъ палатки, часто облипленные мокрымъ снѣгомъ, стояли стрѣлки въ цѣпи, впившись глазами въ сторону непріятеля. Ни утомленіе, ни стужа и буря не отвлекали ихъ отъ исполненія долга. Гора, по гребню которой выставлялась цѣпь, спускалась полого къ лощинѣ поросшей лѣсомъ. За нимъ начинался подъемъ въ гору, на которой находился непріятельскій редутъ. Въ лощинѣ, какъ замѣчено выше, на ночь закладывались секреты. Турки дѣлали тоже самое. Одинъ изъ нашихъ секретовъ занялъ, однажды, полуразвалившуюся караулку лѣсника. Но съ противулежавшей горы, съ тою же цѣлью, укрыться отъ непогоды, спускался турецкій секретъ къ той же караулкѣ; но замѣтивъ, что она уже занята нашими, онъ отошелъ и залегъ въ другомъ мѣстѣ. На слѣдующій вечеръ турки предупредили стрѣлковъ. Унтеръ-

офицеръ посланнаго отъ 2-й роты секрета, повелъ его къ излюбленной караулкѣ и увидя ее занятою, точно также, нетревожа турокъ, отошелъ къ другому мѣсту. Полковникъ Васмундтъ спросилъ его потомъ, почему онъ не прогналъ турокъ?

— Они, ваше высокоблагородіе, вчера не потревожили насъ, по этому и мы отплатили имъ тѣмъ же, – отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

Во время стоянки на горахъ часто случалось, что при сильномъ морозѣ винтовки отказывались стрѣлять. Сначала это приписывали случайности, но когда, въ видѣ опыта, оставили 10 винтовокъ на цѣлую ночь на морозѣ, то изъ нихъ дѣйствовали только двѣ; въ остальныхъ ударникъ потерялъ силу. По разборѣ затвора увидѣли, что причиною было излишнее смазываніе его масломъ. Чтобы устранить это, рѣшено было вовсе не смазывать затворы.

6-го декабря 3-я рота праздновала свой ротный праздникъ. Въ ея помѣщеніи былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, всѣ разошлись по домамъ. На утро снова пришла очередь занимать Финскую гору, что повторилось и 9-го числа. Въ остальные дни ничего особеннаго не происходило. Этихъ дней было впрочемъ немного, потому что 11-го декабря, какъ только освободившіеся отъ Плевны, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 5-й армейскій корпусъ, присоединились къ отряду, послѣдовалъ приказъ генерала Гурко, о движеніи западнаго отряда за Балканы. Вслѣдъ затѣмъ получены были росписанія войскъ по колоннамъ, диспозиція и различныя распоряженія, относительно порядка движенія, снабженія частей продовольствіемъ, снарядами и патронами.

Замѣчательно, что несмотря на всю трудность обстановки и усиленную службу, при которыхъ едва доставало нѣсколько часовъ въ сутки для отдыха, въ батальонѣ соблюдался, при всѣхъ случайностяхъ, строгій внутренній и хозяйственный порядокъ. Этимъ онъ былъ обязанъ неусыпной дѣятельности и распорядительности своего командира. То и другое доказывается отданными полковникомъ Васмундтомъ приказами. Въ самыя трудныя минуты, онъ находилъ время все обдумать, предупредить и облегчить тѣ лишенія, которыя война требовала отъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

По отданной для движенія за Балканы диспозиціи, батальонъ былъ назначенъ въ авангардъ генерала Рауха. Накапунѣ дня выступленія, командиръ батальона собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ и съ картою въ рукахъ, разъяснилъ имъ тѣ распоряженія, которыя касались авангарда, а также приказъ его начальника съ обращеніемъ къ войскамъ. Въ послѣднемъ говорилось:

„Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля, во главѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, спуститься съ снѣжныхъ высотъ Балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ.

Нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдитъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся на недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣриться съ вами въ открытомъ полѣ.

„Пойдемъ-же бодро и смѣло впередъ!

„Еще одно усиліе и съ Божью помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защиту которой укрылся непріятель, останется за нами.

„Я увѣренъ, что ни стужа, ни метель, ни высокія горы,

а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ.

„Такъ на радость Царю, Россіи и за вѣру Христову, бодро впередъ“!

Звѣзды еще свѣтились на небѣ и отъ морознаго декабрьскаго утра снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, когда 13-го декабря батальонъ тронулся изъ Врачеша на шоссе и дойдя до зданія турецкихъ складовъ остановился, чтобы пропустить передовой отрядъ. Съ 5 час. утра движеніе продолжалось уже по шоссе, покрытому слоемъ льда, такъ что на малѣйшемъ поворотѣ орудія закатывались и лошади скользили. Къ 9-ти часамъ роты подошли къ повороту, о которомъ упомянуто выше и остановились для 2-хъ часоваго привала; послѣ него, впереди шли двѣ роты Козловскаго пѣхотнаго полка, а за нимъ нашъ батальонъ. Съ первыхъ же шаговъ въ горы, пришлось преодалевать страшныя усилія: подъемы были круты и скользки. Козловскія роты изнемогали таща орудія, что задерживало стрѣлковъ иногда часа на 2 и на 3, а отъ этого батальонъ подошелъ къ подошвѣ и началъ подыматься только въ 9 часовъ вечера. Первою двинулась рота Его Величества, таща на себѣ распряженныя орудія, за нею 2-я—также съ орудіемъ и наконецъ 3-я и 4-я, съ зарядными ящиками. Къ пушкамъ были привязаны толстые канаты, за которые бралось человѣкъ 20 или 30; столько-же несли ихъ ружья, а остальные подпирали сзади или накатывали колеса за спицы. Сначала, вслѣдствіе дружныхъ усилій, орудія подавались впередъ безостановочно, затѣмъ начались подсчитыванія „разъ, два, три-бери“, а потомъ дошло и до пресловутой „дубинушки“. Къ утру утомленіе людей становилось замѣтнѣе; когда имъ давали хотя-бы

10-ти минутный отдыхъ, всѣ ложились гдѣ стояли и мгновенно засыпали, но ихъ тотъ часъ-же подымали, изъ боязни чтобы кто не обморозился. Тогда съ новымъ рвеніемъ схватывались стрѣлки за канаты, въ надеждѣ скорѣе достигнуть перевала; но лишь только втащатъ пушку на одну вершину, какъ за нею открывалась другая, потомъ третья и казалось, что нѣтъ конца этимъ громадамъ. Всю ночь, весь день и всю слѣдующую ночь роты работали, утѣшая себя тѣмъ, что наконецъ увидятъ Софійскую долину, съ именемъ которой соединялась мысль объ отдыхѣ, теплѣ и обиліи. Въ умѣ переходившихъ Балканы она казалась землею обѣтованною, гдѣ предстоялъ конецъ всѣмъ трудамъ и лишеніямъ.

Въ эти 36 часовъ люди питались одними сухарями; о варкѣ никто и не думалъ, потому что у всѣхъ была одна мысль, одна забота, какъ бы скорѣе достичь перевала. Когда голова батальона была уже недалеко отъ него, началась метель и чѣмъ выше подымались, тѣмъ сильнѣе бушевала она. Несмотря на это, 14-го декабря, въ 11 час. вечера, рота Его Величества вступила на перевалъ съ первымъ орудіемъ; въ два часа ночи прибыла 2 рота, за нею, въ шесть часовъ утра 15-го декабря—3-я и около 10-го часовъ четвертая. Въ послѣдней произошелъ весьма прискорбный случай. При подъемѣ заряднаго ящика канатъ лопнулъ, ящикъ стремительно покатился назадъ, свернулъ съ дороги въ кручу, и только благодаря попавшемуся дереву остановился. Стрѣлки помогавшіе сзади не успѣли отскочить и были смяты. Горнистъ Францъ Корманъ оказался убитымъ и тутъ-же похороненъ, а трое опасно раненыхъ отправлены назадъ въ Орханію; остальные отдѣлались ушибами. Свалившійся ящикъ, послѣ

долгихъ усилій, былъ вытащенъ по указаніямъ прибывшаго на мѣсто батальоннаго командира.

Несмотря на превосходный видъ, открывшійся съ перевала, всѣ были разочарованы, увидя внизу не то, чего такъ нетерпѣливо ожидали: долина оказалась, на безконечное пространство къ западу, покрытою снѣгомъ. „Изрѣдко проглядывало солнце—писалъ одинъ изъ участниковъ—и яркимъ свѣтомъ обливало долину и чуть виднѣвшійся въ туманной дали городъ Софію. Влѣво открывался видъ на Шандорникъ, Арабъ-конакъ и Бабу-гору, по которой черной змѣей вытягивался отрядъ генерала Дандевиля, а направо, вокругъ горы Умургача, обвивалась колонна Вельяминова".

Часа черезъ два по приходѣ послѣдней роты, т. е. въ 12 часовъ дня 15-го декабря, начался спускъ съ Балканъ, по крутой покатости, испещренный рытвинами, покрытой кустарникомъ и скалистыми уступами. Казалось невозможнымъ, чтобы тѣ же люди, которые провели 54 часа среди мороза и вьюги, въ постоянномъ движеніи и работѣ, безъ сна и безъ пищи, могли-бы приняться за новый, тяжелый трудъ; но въ виду того, что непріятель могъ предупредить нашихъ въ долинѣ и не позволить спуститься на плоскость, были забыты и усталость, и голодъ, и холодъ.

Порядокъ движенія ротъ при спускѣ былъ обратный: первою тронулась 4 рота, за нею 3-я съ своими зарядными ящиками и потомъ прочія, каждая со своимъ орудіемъ. Спускъ ихъ хотя шелъ скорѣе, но едва-ли былъ не труднѣе подъема. На крутыхъ мѣстахъ орудія неудержимо влекли за собою ухватившихся за лямки людей. Стрѣлки садились на корточки, ложились и ихъ тащило по острымъ

камнямъ; канаты перетирали руки, рѣзали одежду, острые камни уничтожали послѣднюю обувь. Пройдя треть пути, роты остановились на небольшой площадкѣ. Здѣсь они были свидѣтелями случая, поразившаго всѣхъ ужасомъ. Позади роты Его Величества спускался батальонъ Императорской фамиліи. Одно изъ бывшихъ при немъ орудій было упущено. Съ страшнымъ шумомъ и трескомъ перескакивая камни и грозя сорваться въ пропасть, неслось оно внизъ прямо на строй. На дышлѣ передка висѣлъ стрѣлокъ. Казалось, что вотъ онъ сорвется, что его изомнетъ колесами, разобьетъ о камни, или увлечетъ въ бездну. Всѣ трепетали за него и никто не могъ помочь; но счастливая случайность спасла бѣднягу: орудіе влетѣло на площадку, наскочило на большой камень и остановилось.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, батальонъ двинулся далѣе. Несмотря на то, что роты употребляли всевозможныя усилія скорѣе окончить спускъ, отъ генерала Гурко производившаго рекогносцировку долины, безпрерывно пріѣзжали ординарцы съ приказаніемъ торопиться. Уже смерклось, когда 4 рота спустилась; остальныя прибывали постепенно и только въ 9 час. вечера рота Его Величества достигла подошвы.

ГЛАВА XV.

Отъ Балканъ до Софіи.

Отдѣльная колонна полковника Васмундта. — Батальонъ на горѣ Черный-Верхъ. — Атака Ташкисенской позиціи. — Движеніе къ Горному-Бугарову и дѣло у Враждебной. — Атака моста на Искерѣ. — Приказъ по батальону 22-го декабря. — Наступленіе къ Софіи. — Вступленіе въ нее.

о мѣрѣ спуска, роты направлялись въ деревню Чурьякъ, до которой было верстъ пять. Всѣ предполагали, что тамъ будетъ данъ отдыхъ, но это не сбылось: въ 2 часа ночи, на перемѣну диспозиціи, послѣдовало распоряженіе образовать изъ стрѣлковаго Его Величества батальона, съ 2-мя батальонами Козловскаго полка, подъ начальствомъ полковника Васмундта, особый отрядъ, которому 16-го декабря, въ 4 часа утра, приказано занять позицію на горѣ „Черный-Верхъ“, съ цѣлью связать авангардъ Рауха съ отрядомъ графа Шувалова, начавшаго переходъ черезъ Балканы по другому спуску. Выступивъ съ бивуака въ 4 ч. утра, роты, пройдя около версты, должны были остановиться, въ ожиданіи офицера генеральнаго штаба, опоздавшаго почему-то часа

на два. Это отняло у людей нѣсколько часовъ дорогаго отдыха.

Итакъ батальону пришлось снова подыматься въ горы; хотя къ нему не придано орудій и подъемъ былъ лучше, но все-таки дорога оказалась сильно занесенною снѣгомъ. Поднявшись на нѣкоторую высоту, можно было видѣть расположеніе какъ нашихъ, такъ и турецкихъ войскъ въ долинѣ. Кавказская казачья бригада и Преображенскій полкъ были уже въ полномъ наступленіи. У деревни Ташкисенъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность турокъ, спѣшившихъ укрѣпить ее; черкесы шныряли по всѣмъ направленіямъ, метались изъ стороны въ сторону. Около полудня турецкія орудія открыли огонь по наступавшимъ. Въ это время батальонъ находился уже на вершинѣ горы, гдѣ и расположился для отдыха. Полковникъ Васмундтъ, вмѣстѣ съ командиромъ Козловскаго полка, рекогносцировали мѣстность и избирали позицію для бивуака. Высота, которую занялъ отрядъ, командуя другими, спускалась крутыми отрогами въ тылъ турокъ у Ташкисена. У подножія ея лежала деревня Даушкіой, подожженная черкесами. Далѣе на западъ шелъ длинный хребетъ, на которомъ виднѣлись построенные, но не занятые турками редуты. Ознакомясь съ мѣстностью, полковникъ Васмундтъ расположилъ отрядъ такимъ образомъ: на высотѣ лѣваго фланга сталъ первый батальонъ Козловскаго полка, выдвинувъ впередъ дежурную роту; оборона праваго фланга возложена была на 2 батальонъ того-же полка, а въ центрѣ, уступомъ впередъ, расположился стрѣлковый батальонъ Его Величества. Разстановка частей была окончена въ 4 часа дня.

Между тѣмъ погода быстро измѣнилась къ худшему. Вмѣсто ясныхъ морозныхъ дней, сильный вѣтеръ нагналъ большія снѣговыя тучи; въ ночь бивуакъ занесло сугробами, подъ которыми, въ обмерзшихъ палаткахъ, пришлось провести два дня, питаясь одними сухарями. Кое гдѣ, и то съ большими усиліями, развели огонь, чтобы заварить чай, въ мутной водѣ растаяннаго снѣга. 17-го числа на занятую батальономъ позицію пріѣзжалъ генералъ Гурко, лично вмѣстѣ съ полковникомъ Васмундтомъ осмотрѣлъ мѣстность и указалъ направленіе, по которому должны были дѣйствовать роты, при предстоящемъ наступленіи. Что дѣлалось внизу, въ долинѣ, вслѣдствіе мятели оставалось неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, покуда вечеромъ 18-го не была получена диспозиція для атаки Ташкисенскихъ позицій. Въ общемъ она состояла въ томъ, что на фронтъ турецкихъ укрѣпленій должна была направиться колонна генерала Рауха; южнѣе шоссе указано наступать отряду генерала Курлова, а графу Шувалову—дѣйствовать противъ праваго фланга. Полковнику Васмундту предписывалось, облегчая движеніе Рауха, наступать во флангъ и отчасти въ тылъ турокъ. Получивъ диспозицію, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, чтобы объяснить имъ цѣль, которой должна достигнуть каждая часть, въ предстоящемъ дѣлѣ. Въ приказѣ-же по батальону было отдано:

„Завтра предполагается атака Ташкисенской позиціи. Ввѣренная мнѣ колонна назначается для связи между колоною генералъ-адъютанта графа Шувалова, и колонною генерала Рауха, атакующею Ташкисенъ съ фронта. Для облегченія атаки баталіону занять нижною гору, прилегающую

къ Софіе-Арабъ-Конакскому шоссе и открыть огонь во флангъ и въ тылъ туркамъ, въ то время, когда передовыя части станутъ подходить къ шоссе.

„Баталіоны Козловскаго полка будутъ спускаться съ горъ уступами вправо и влѣво отъ баталіона. Выступить съ бивуака въ 5 часовъ утра“.

Высота на которую предстояло перейти батальону не была еще занята турками, а потому слѣдовало предупредить ихъ, совершивъ передвиженіе скрытно, до разсвѣта. На глазъ казалось, что до нее не болѣе 5 верстъ. Пройдя нѣсколько минутъ отъ бивуака, роты дошли до края глубокаго оврага, покрытаго кустами и занесеннаго снѣгомъ. Можно было идти только вытянувшись въ одну шеренгу, но и при этомъ стрѣлки проваливались, падали между занесенными снѣгомъ камнями, застрявали и вытаскивали другъ друга. Мѣстами приходилось спускаться на рукахъ и при этомъ темнота непозволяя оріентироваться, заставляла бояться за вѣрность направленія. Съ разсвѣтомъ движеніе батальона ускорилось и можно было ясно видѣть общій боевой порядокъ.

Подходя къ указанной въ приказѣ высотѣ, рота Его Величества была направлена для занятія ея вершины, прочія составили ближайшій резервъ. Разсыпанные стрѣлки пытались открыть огонь по турецкимъ редутамъ, но разстояніе до нихъ было слишкомъ велико; огонь оказался недѣйствительнымъ и только привлекъ на роту вниманіе непріятеля, пустившаго по ней двѣ гранаты, которыя впрочемъ не причинили ей вреда. До 3-хъ часовъ батальонъ оставался зрителемъ дѣйствій генераловъ Рауха и Курлова, наступленіе которыхъ принудило турокъ очистить Ташкисенъ и отойти на новую позицію. Во время

ихъ отступленія, на высотахъ показались войска графа Шувалова. Появленіе на горахъ батарей этого отряда, въ тылу ташкисенскихъ редутовъ, явно облегчило данную генераламъ Рауху и Курлову задачу. Въ то же время батальонъ получилъ приказаніе наступать, но непріятель успѣлъ уже отойти на разстояніе недосягаемости ружейнаго выстрѣла, а потому, дойдя до брошеннаго редута, роты были остановлены. Полагая что онъ будетъ мѣстомъ ночлега, стрѣлки принялись очищать его, отъ массы обезображенныхъ труповъ, наполнявшихъ рвы и внутреннее пространство укрѣпленія; но вскорѣ получено было приказаніе возвратиться на мѣсто, гдѣ былъ батальонъ передъ наступленіемъ. Тамъ проведена была ночь на 20-е декабря, безъ палатокъ, потому что люди считали лучше грѣться у костровъ, чѣмъ лежать подъ промерзшимъ полотномъ. Располагаясь у костровъ, ноги чуть не касались огня, а голова оставалась на вѣтру и морозѣ. „Непонятно,—говоритъ участникъ похода въ своихъ запискахъ,—какъ мы не сжигали ногъ и не обмораживали головы, а главное оставались здоровы и вѣчно въ пріятномъ расположеніи духа. Вьюки наши съ „Чернаго Верха" были отосланы куда-то, а съ ними и наши единственныя средства питанія, чай и сухари."

Наутро батальону приказано было присоединиться къ отряду графа Шувалова, чтобы атаковать турокъ, отступившихъ къ позиціи у будки; но какъ ихъ тамъ уже не оказалось, то батальонъ былъ отведенъ на бивуакъ у самаго Ташкисена. Здѣсь ротамъ удалось добыть рисъ, масло, нѣсколько штукъ забраннаго скота и стрѣлки, въ первый разъ по выходѣ изъ Врачеша, т. е. съ 13-го декабря, могли съѣсть кусокъ мяса; сухари тоже были

пополнены. изъ неожиданно появившагося транспорта. Роты живо, и насколько возможно удобно размѣстились на бивуакѣ, думая отдохнуть послѣ 8-ми дневныхъ трудовъ, но вечеромъ же было получено приказаніе, наутро идти впередъ, къ деревнѣ Горному-Бугарову. Это распоряженіе было вызвано необходимостью поддержать отрядъ генерала Вельяминова, выдвинутый по шоссе, въ видѣ заслона къ сторонѣ Софіи и выдержавшій тамъ отчаянное нападеніе турокъ. Опасеніе, что оно можетъ повториться, заставило послать ему подкрѣпленіе, для чего, подъ начальствомъ генерала Рауха, была назначена вся стрѣлковая бригада, съ полками Преображенскимъ и Измайловскимъ.

Выступивъ съ бивуака въ 2 часа ночи, шедшіе въ головѣ стрѣлки Императорской фамиліи и батальонъ Его Величества съ разсвѣтомъ были уже у Бугарова; полки же значительно отстали и начали прибывать часа через 4 позднѣе. Видя, что нельзя ожидать, чтобы турки предприняли что либо, генералъ Раухъ, въ 2 часа дня самъ перешелъ въ наступленіе. Не доходя 3-хъ верстъ до непріятельской позиціи, построенъ былъ боевой порядокъ. Вправо отъ шоссе сталъ батальонъ Императорской фамиліи, а участокъ влѣво заняли стрѣлки Его Величества. Разсыпанныя первая и вторая роты начали правильное боевое наступленіе. Мѣстность, по которой оно происходило, была совершенно ровная и открытая. Турки, съ дистанціи 2-хъ верстъ, открыли огонь, но пули на излетѣ только бороздили снѣгъ и наша цѣпь шла безостановочно до разстоянія 800 шаговъ отъ рѣки, за которою расположился непріятель. Приказавъ открыть мѣткій огонь по ложементамъ, полковникъ Васмундтъ замѣ-

тилъ, что у турокъ подготовлены значительные резервы, усилилъ цѣпь и послалъ поручика Рагозина къ генералу Рауху, съ просьбою прислать ему батарею и удлинить боевую линію свѣжею частью, съ тѣмъ, чтобы охватить правый флангъ непріятеля. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ батальоннаго командира, Раухъ направилъ на лѣвый флангъ стрѣлковъ л.-гв. Преображенскій полкъ. Подоспѣвшая вмѣстѣ съ нимъ батарея была поставлена полковникомъ Васмундтомъ между 1-ю и 2-ю ротами, открывшими для нее интервалъ. Приближеніе полка и огонь батареи видимо подѣйствовали на турокъ: они открыли учащенные залпы, но въ то же время обнаружили явное замѣшательство. Въ занимаемой ими деревнѣ начался пожаръ и черныя массы ихъ колоннъ начали передвигаться. Въ это время подоспѣли наши орудія.

Полковникъ Васмундтъ, все время разъѣзжавшій между ротами, встрѣтилъ взводъ, оставленный для прикрытія знамени. „Ваше Высокоблагородіе,—обратился къ нему взводный унтеръ-офицеръ—„дозвольте идти въ цѣпь". Ему видимо не хотѣлось бездѣйствовать когда дѣло разгоралось, но просьба, конечно, осталась неисполненной. Стрѣлки, видя какой опасности подвергался батальонный командиръ, уговаривали его сойти съ лошади, говоря: „здѣсь опасно, васъ подстрѣлятъ; вишь какъ часто стали сыпать".

Часовъ въ 5, наносимыя нашимъ огнемъ потери заставили турокъ отказаться отъ обороны и начать поспѣшное отступленіе къ Софіи, но они предварительно зажгли мостъ. Наша цѣпь немедленно перешла въ наступленіе, во время котораго произошелъ слѣдующій забавный случай. Впереди цѣпи вскочилъ заяцъ и бро-

сился къ рѣкѣ. Стрѣлки забыли турокъ, забыли усталость и не обращая вниманія на свиставшія пули, съ крикомъ пустились въ догонку за зайцемъ.

Среди надежды настичь непріятеля, цѣпь была внезапно остановлена рѣкою Искеромъ, только что покрывшемся тонкимъ льдомъ. Покуда часть людей перебиралась по одиночкѣ, а другая тушила зажженый мостъ, наступили сумерки и турки успѣли скрыться. Въ это время подъѣхалъ генералъ Гурко; поблагодаривъ командира и стрѣлковъ за молодецкое дѣло, онъ приказалъ размѣстить батальонъ въ полуразрушенной деревнѣ Враждебнѣ. Эти квартиры, послѣ столькихъ ночей подъ открытымъ небомъ, показались отраднымъ убѣжищемъ, потому что турки оставили въ нихъ разные припасы, много сѣна и въ добавокъ массу свиней, которыхъ стрѣлки тутъ же дѣлили и жарили *). Но не всѣмъ пришлось отдохнуть какъ желали: въ 2 часа ночи, 3-я и 4-я роты отправились въ дежурную часть, на шоссе. Результатъ дня былъ объявленъ въ слѣдующемъ приказѣ по батальону:

„Мостъ на Искерѣ у Враждебной взятъ нами. Непріятель отброшенъ къ Софіи; путь къ этому городу свободенъ.

„Новая слава баталіону! Начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко сказалъ, что онъ любовался нами, былъ точно на ученьи: таже стройность движенія, тоже спокойствіе и все это послѣ ночнаго перехода и 24-хъ часоваго непрерывнаго марша.

„Добавлять мнѣ къ этому нечего“.

*) Появленіе этого рода домашнихъ животныхъ, въ хозяйствѣ магометанскаго населенія, казалось странностью. По наведенной справкѣ оказалось, что жители окрестныхъ деревень занимались промысломъ разведенія свиней, для продажи ихъ австрійскимъ скотопромышленникамъ.

Въ описанномъ дѣлѣ былъ убитъ одинъ стрѣлокъ 2-й роты и ранено: во 2-й ротѣ—3, въ 3-й ротѣ—1 и въ 4-й ротѣ—2.

Весь день 22-го декабря батальонъ простоялъ во Враждебной, потому что начальникъ отряда поджидалъ заднія колонны, чтобы съ большими силами атаковать Софію. Вечеромъ получено было приказаніе стрѣлковой бригадѣ перейти версты за 4, къ деревнѣ Куманица, въ отрядъ генерала Вельяминова, дабы 24-го числа атаковать вмѣстѣ съ нимъ городъ съ сѣверо-востока. Предстояло исполнить передвиженіе ночью, безъ дороги, а потому были взяты два болгарина проводниками. Только что роты вышли въ поле, какъ артиллерія начала отставать. При ней оставили по полуротѣ отъ каждаго батальона и пошли далѣе. Пройти 4 версты казалось бездѣлицей и потому всѣ были удивлены, когда голова бригады остановилась. Оказалось, что проводники сбились съ пути. Между тѣмъ морозъ усиливался, началась мятель. Боясь обморозить людей и опасаясь, какъ-бы братушки не завели ротъ къ туркамъ, проводниковъ отправили отыскивать дорогу на Куманицы, уже подъ конвоемъ двухъ унтеръ-офицеровъ роты Его Величества. Въ ожиданіи ихъ возвращенія, нѣкоторые изъ стрѣлковъ тутъ же растянулись на снѣгу и заснули, другіе бѣгали взадъ и впередъ, дрожа отъ стужи. Кругомъ была тишина и темень. Кое гдѣ свѣтились огоньки, но кому они принадлежали, своимъ или туркамъ, было неизвѣстно. Всякая возможность оріентироваться исчезла. Наконецъ унтеръ-офицеры возвратились, объявивъ, что направленіе найдено. Но едва прошли версту, какъ повторилось то же самое, съ тою разницею, что проводники вновь

посланные на розыскъ, дороги не нашли. Положеніе батальона становилось незавиднымъ. Тогда генералъ Эллисъ рѣшился вести бригаду на виднѣвшіеся костры, предполагая, что они принадлежатъ отряду Вельяминова. Предположеніе оправдалось и такимъ образомъ, на передвиженіе въ 4 версты было употреблено 8 часовъ.

Только въ 4 часа утра, 23-го декабря, батальонъ прибылъ къ назначенному пункту и расположился въ деревнѣ, по квартирамъ и сараямъ съ сѣномъ. Утромъ разнесся слухъ, что турки очистили Софію и ночью отступили къ Радомиру. Слухъ вскорѣ подтвердился, оффиціально полученнымъ приказаніемъ, въ 3 часа выступить къ городу. Въ 6 вечера батальонъ уже былъ у Софіи, но для вступленія въ нее, пришлось часа два ожидать приказанія. Это было тѣмъ досаднѣе, что войска шедшія по шоссе, еще засвѣтло размѣстились въ городѣ по квартирамъ. Только часовъ въ 9 вечера роты вступили въ узкія улицы древняго города. Для помѣщенія батальона было отведено большое зданіе, надъ которымъ красовалась болгарская вывѣска: „Главное писалище". Неразбирая значенія этой подписи, скажемъ, что роты размѣстились тамъ относительно недурно. Офицерамъ досталось строеніе безъ печей, примыкавшее къ помѣщенію стрѣлковъ. Расторопные денщики живо раздобыли гдѣ-то чугунку, кое-какъ приладили къ ней трубу, которую вывели въ окно. Вмѣсто дровъ служили полки и шкафы „писалища", и такимъ образомъ явилась возможность отогрѣть коченевшіе члены.

Рождественскій сочельникъ былъ проведенъ въ знакомствѣ съ городомъ, носившимъ повсюду слѣды турецкаго управленія и присущихъ ему—хаоса, грязи и за-

пустенія. Въ самый-же праздникъ Рождества Христова, офицеры батальона молились въ древнемъ Софійскомъ соборѣ.

Излагая участіе батальона въ движеніи гвардіи отъ Плевны до Софіи и въ происходившихъ при этомъ дѣлахъ, мы некасались общихъ распоряженій и дѣйствій другихъ частей войскъ, что однакоже необходимо для послѣдовательности и связи событій. Для пополненія такого пробѣла воспользуемся приказомъ по западному отряду, отданнымъ 25-го декабря.

Включаемъ его въ историческій очеркъ батальона потому, что онъ въ хронологическомъ порядкѣ указываетъ общій ходъ военныхъ событій, описаннаго нами періода.

„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда! Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнымъ-Дубнякомъ и 16-го октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пресѣкли ей всѣ пути сообщенія, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлалось вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28 октября: легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ затѣмъ завоеванныя нашей кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али. собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіе и шедшей на выручку арміи Османа. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ, и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Врачеша и наконецъ разбивъ турокъ 21-го ноября на высотахъ Арабъ-Конака, вы овладѣли горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прогнали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта. Въ то-же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ

переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

„Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго, постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли по истинѣ съ геройскою русскою стойкостію и твердостью. Вы втащили на горы, въ заоблочныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ крутизнамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

„Наконецъ пришелъ часъ перехода чрезъ Балканы. Дорогъ для движенія небыло: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ, — вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго-Верха и Бабы горы заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты. Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы. 19-го декабря вы спустились въ долину Софіи..... Въ тотъ-же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ овладѣли турецкими редутами и трудно-доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать съ крѣпкой Арабъ-Конакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по Орханійскому шоссе.

„Въ то время, когда большая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно 5 баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горномъ-Бугоровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго противника. Завладѣвъ съ боя,

21-го декабря, мостомъ чрезъ Искеръ, у деревни Враждебной, вы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25-ти батальоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ, въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ, безъ всякаго призрѣнія и помощи. Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей компаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь чему болѣе удивляться, храбрости-ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или-же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ, въ борьбѣ съ горами и глубокими снѣгами.

„Пройдуть года—и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостію и торжествомъ скажутъ: здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовскихъ и румянцевскихъ чудобогатырей“.

„Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу; спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова“.

ГЛАВА XVI.

Отъ Софіи до Филиппополя.

Четыре дня въ Софіи. — Выступленіе батальона въ колоннѣ графа Шувалова.— Указанія полковника Васмундта для дѣйствій въ бою. — Перевалъ черезъ Малые Балканы. — Встрѣча Новаго 1878 года у деревни Вѣтриново. — Предполагавшаяся атака Татаръ-Базарджика. — Дѣло у Аддакіоя. — Переходъ Марицы при ледоходѣ. — Участіе батальона въ бояхъ подъ Филиппополемъ. — Приказъ объ этомъ полковника Васмундта. — Пребываніе въ Филиппополѣ.

Только четыре дня простоялъ батальонъ въ Софіи, на такъ называемомъ отдыхѣ; въ сущности-же отдыхалъ всего два дня, потому что на второй день Рождества вышелъ изъ города, для занятія нѣкоторыхъ изъ окружающихъ его укрѣпленій, а 28-го декабря былъ уже на филиппопольскомъ шоссе. По диспозиціи отданной въ Софіи, дальнѣйшее наступленіе, для преслѣдованія турецкихъ войскъ, приказано было произвести четырьмя колоннами генераловъ: Вельяминова, графа Шувалова, Шильдеръ-Шульднера и барона Криднера. Батальонъ вошелъ въ составъ второй колонны, которой указывалось вести демонстративную атаку непріятельскихъ позицій съ фронта, въ то время какъ другія колонны будутъ обходить ихъ.

Соединенной же отъ всѣхъ колоннъ кавалеріи приказано, спустясь въ долину Татаръ-Базарджика, тревожить тылъ непріятеля.

Приведя въ Софіи, насколько было возможно, въ порядокъ одежду и обувь и запасшись сухарями изъ турецкихъ складовъ, завѣдывать которыми былъ назначенъ полковникъ Тишинъ, роты 28-го декабря, въ 11 часовъ утра, выступили къ деревнѣ Чердаклы. Чудный ясный день и прекрасное шоссе дѣлали этотъ переходъ пріятнымъ и легкимъ. Стрѣлки шли бодро и весело, забывъ все перенесенное на Балканскомъ стояніи. Въ 4 часа батальонъ прибылъ къ ночлегу и расположился частью бивуакомъ, частью въ уцѣлѣвшихъ строеніяхъ. Вдали, тамъ и сямъ, виднѣлись зарева отъ горѣвшихъ селъ и деревень.

Всѣ полагали, что при отступленіи турки воспользуются оборонительными позиціями, находившимися между Софіею и Филиппополемъ и что у Трояновыхъ воротъ или у Базарджика нашимъ войскамъ придется встрѣтить вторую Плевну, или Шандорникъ. Въ виду этого полковникъ Васмундтъ, въ приказѣ по батальону, подтвердилъ правила, которыми слѣдовало руководствоваться въ ожидаемыхъ дѣлахъ съ турками. Въ этомъ приказѣ было сказано:

„Турки въ сраженіяхъ не жалѣютъ патроновъ и наносятъ намъ вредъ, если не качествомъ, то количествомъ выпускаемыхъ выстрѣловъ. При встрѣчѣ съ подобнымъ непріятелемъ принять за правило: 1) На бѣшеный, безтолковый турецкій огонь, стрѣлки отвѣчаютъ спокойно, осмысленною стрѣльбою. Непріятель, видя, что наша пуля дѣлаетъ свое дѣло, вырываетъ изъ его рядовъ одного-другого бойца, станетъ еще болѣе горячиться и бить по воздуху. Усиленная ружейная трескотня,—явный признакъ

робости. Противникъ зачастившій огонь, бѣжитъ при первомъ смѣломъ движеніи противъ него. 2) Ротамъ дѣйствовать и двигаться въ сферѣ огня не иначе, какъ цѣпями, такимъ образомъ: одна полурота въ цѣпи, возможно рѣдкой, другая въ резервѣ за нею, на большемъ или меньшемъ разстояніи, въ зависимости отъ мѣстности, уступомъ вправо или влѣво и также цѣпью. 3) Долго на мѣстѣ не задерживаться; стараться, какъ можно скорѣе, подойти къ противнику на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла. Перебѣжки на ровной, открытой мѣстности дѣлать непремѣнно бѣгомъ. Въ бѣгущаго на встрѣчу выстрѣлу попасть очень трудно, тѣмъ болѣе для турокъ, стрѣляющихъ скорѣе для собственнаго ободренія. 4) Бросаясь въ атаку, роты несутся на непріятеля безостановочно, безоглядно. Стрѣльбы уже здѣсь нѣтъ. Одно грозное, могучее, побѣдоносное, русское ура! Турокъ штыка не принимаетъ".

29-го декабря батальонъ выступилъ, въ 10 час. утра, въ деревню Тырново. Порадовавшая наканунѣ погода, превратилась въ отчаянную, съ такою мятелью, что черкесскія хаты, въ которыхъ стрѣлкамъ пришлось провести ночь, едва удерживались отъ страшныхъ порывовъ вѣтра. Отъ Тырнова шли уже не по долинѣ, а переваливали черезъ хребетъ, соединяющій Великіе Балканы съ Малыми. Перевалъ черезъ него далеко не представлялъ тѣхъ трудностей, которыя уже были перенесены батальономъ. Выступивъ 30-го въ 9 час. утра, онъ къ 4-мъ подходилъ къ городу Ихтиману, куда заблаговременно были посланы квартиріеры. Встрѣчая роты они объявили, что заключено перемиріе. Это извѣстіе оказалось уловкою, къ которой вздумалъ прибѣгнуть Сулейманъ-паша, чтобы избавиться нашего настойчиваго преслѣдованія и имѣть время хотя нѣсколько устроиться. Съ разосланными ко

всѣмъ отрядамъ парламентерами, онъ сообщалъ будто бы перемиріе заключено въ Константинополѣ. Получивъ отвѣтъ, что если не положитъ оружіе, то наступленіе русскихъ войскъ остановлено не будетъ, Сулейманъ поспѣшно отступилъ и знаменитая позиція у Трояновыхъ воротъ оказалась брошенною.

Переночевавъ въ Ихтиманѣ, батальонъ, 31-го декабря утромъ, тронулся далѣе. Такъ какъ весь предстоящій переходъ состоялъ изъ безпрерывныхъ обледенѣлыхъ подъемовъ и спусковъ, то приданная стрѣлкамъ 5 батарея 2-й гвардейской артиллерійской бригады, была распредѣлена по орудію на каждую роту, съ тѣмъ, чтобы втащить ихъ на высоты. Хотя подобная работа была уже знакома стрѣлкамъ, тѣмъ не менѣе этотъ переходъ оказался однимъ изъ ужаснѣйшихъ, потребовавшій тридцати часовъ безостановочной работы. Сначала орудія везлись лошадьми, но потомъ это оказалось невозможнымъ: лошади безпрерывно скользили и падали, такъ что приходилось одновременно поддерживать ихъ и тащить орудія. Вмѣсто ночлега за переваломъ, въ деревнѣ Вѣтринова, головная рота только къ полуночи достигла вершины Трояновыхъ воротъ, гдѣ батальону Его Величества пришлось проводить памятный 1877-й и встрѣтить наступающій 1878-й годъ. Задержанные артиллеріею, стрѣлки отстали отъ прочихъ частей отряда и чтобы догнать ихъ, батальонъ не имѣлъ времени дать людямъ отдыхъ, такъ какъ послѣдная рота подошла только къ 10-ти часамъ слѣдующаго утра.

Первое утро наступившаго года застало батальонъ еще на спускѣ, съ котораго вдали виднѣлся Татаръ-Базарджикъ и обширная долина р. Марицы. Городъ уже горѣлъ,

но разъѣзды доносили, что турки еще не отступили. Въ виду этого отрядъ былъ остановленъ верстахъ въ 5-ти, у деревни Бузули. Здѣсь, пользуясь остановкой, розданы были стрѣлкамъ Георгіевскіе кресты за переходъ черезъ Балканы. Когда батальонъ, часа въ 4 дня, подходилъ къ Бузули, у Базарджика слышна была перестрѣлка и пальба нашихъ конныхъ орудій. Изъ приказа по батальону на 2-е января видно, что на утро предполагалось атаковать турокъ. Въ немъ говорилось:

„Завтра въ $6^1/_2$ часовъ утра ротамъ быть въ полной готовности къ выступленію. Предполагается атака Базарджика. Диспозиція слѣдующая:

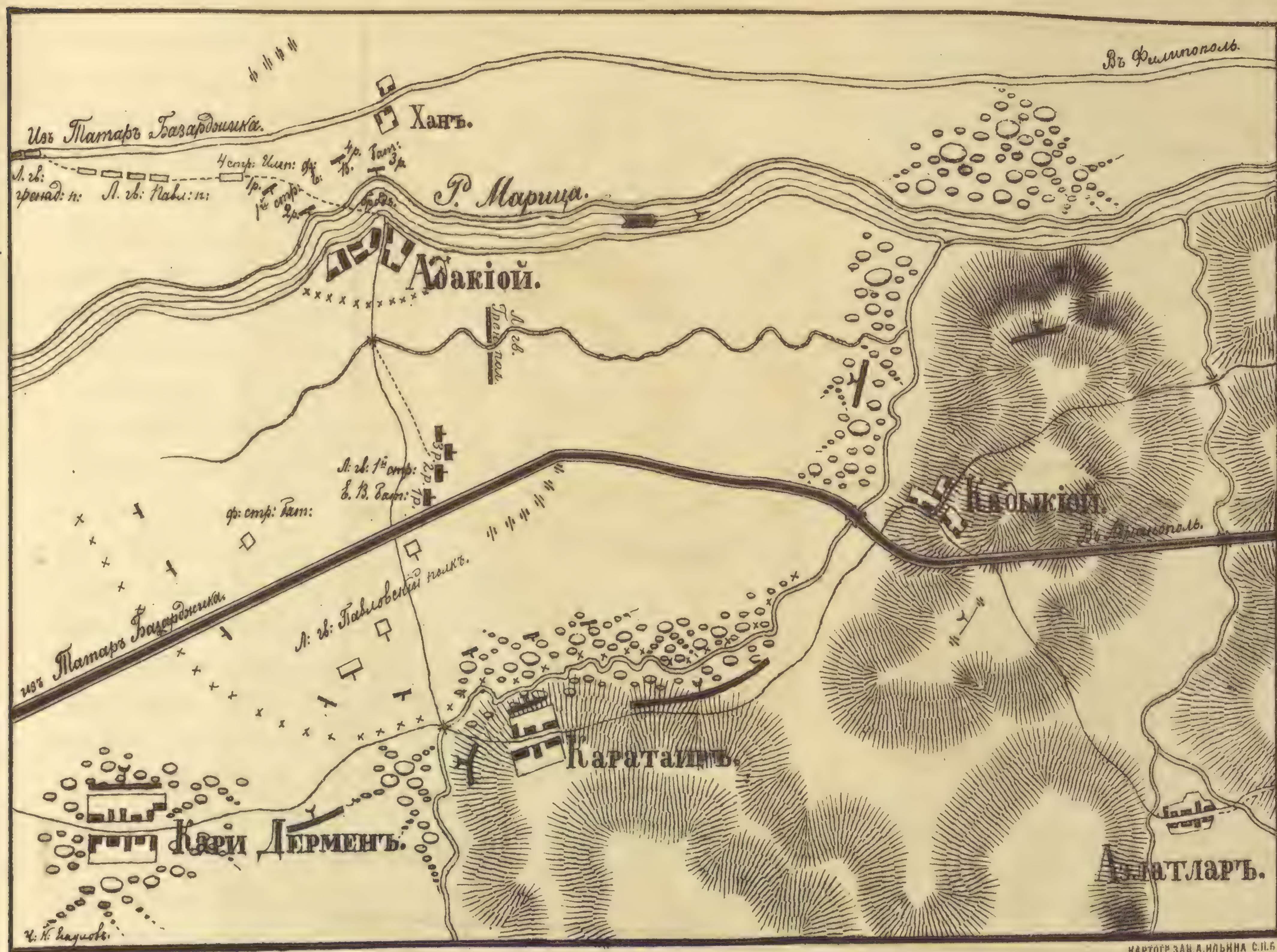
„Бригада, подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса, составляетъ лѣвую колонну атакующихъ войскъ и наступаетъ съ сѣверо-западной стороны. Батальонъ направится сначала по шоссе, а затѣмъ свернетъ влѣво и перейдетъ въ наступленіе, имѣя директивомъ атаки сѣверную сторону города. Осмотрѣть въ ротахъ ружья и патроны. При построеніи въ боевой порядокъ, въ первой линіи стать 2-й и 4-й ротамъ. Вьюкамъ слѣдовать въ хвостѣ всей колонны“.

2-го января батальонъ тронулся съ бивуака въ 7 час. утра, но дойдя по шоссе до указаннаго поворота, войска были остановлены, потому что графъ Шуваловъ хотѣлъ прежде произвести кавалерійскую рекогносцировку. Она указала, что непріятель ночью очистилъ городъ и поспѣшно отходилъ къ Филиппополю. Съ этого момента началось неотступное его преслѣдованіе. Стрѣлки, воодушевленные словами графа Шувалова, не щадили себя, лишь бы скорѣе сразиться съ турками. Батальонъ, неостанавливаясь, прошелъ черезъ городъ. Во время привала было видно бѣгство врага, частью по шоссе, частью на-

раллельно ему, по желѣзной дорогѣ и слышались гдѣ то взрывы моста, разрушаемаго отступившими. Кавалерія гнала турокъ; стрѣлки слѣдовали за нею; впереди гремѣли артиллерійскіе выстрѣлы,—это конная артиллерія била хвостъ арьергарда. Бригадѣ приказано было ускорить шагъ, но въ это время изъ разъѣздовъ донесли, что 5 или 6 таборовъ стоятъ у деревни Аддакіой и слыша стрѣльбу впереди и сзади себя, видимо не знаютъ на что рѣшиться. Тогда начальникъ колонны приказалъ батальону, вмѣстѣ съ стрѣлками Императорской фамиліи и Павловскимъ полкомъ, атаковать Аддакіой. Разстояніе до него было незначительно, но путь къ позиціи преграждала рѣка Марица, по которой шелъ ледъ. Роты сначала въ недоумѣніи остановились, но какъ только дано было приказаніе идти въ бродъ, на который, знаками съ того берега указывали прибѣжавшіе болгары, то стрѣлки, не обращая вниманія ни на ледъ, ни на глубину рѣки и стужу, подобравъ полы шинелей и положа мѣшки съ патронами на головы, вошли въ воду. Съ каждымъ шагомъ становилось все глубже и глубже, а посерединѣ рѣки вода доходила до пояса, у конныхъ-же почти до сѣдла. Выбравшись на противуположный берегъ, батальонъ быстро выстроился и разсыпавъ по полуротѣ отъ 2-й и 3-й роты, двинулся черезъ деревню, къ полотну желѣзной дороги. Вдали, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, чернѣлись массы турокъ. Стрѣлки готовились атаковать ихъ, но необходимо было выждать переправляющіяся еще черезъ Марицу части. Между тѣмъ окончательно стемнело, чрезъ что пришлось отложить наступленіе до утра и батальонъ, около 7 часовъ вечера, былъ размѣщенъ по квартирамъ въ Аддакіоѣ.

ПЛАНЪ

Переправы черезъ р. Марицу 2-го и боя 3-го Января 1878-го года. передъ Филипополемъ.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

масштабъ

1.
―――
21000.

250. 200. 150. 100. 50. 0. 250 саж: 1 верста.

Описанный день должен навсегда сохраниться въ исторіи батальона. Послѣ почти 40 верстнаго перехода, онъ закончился подвигомъ переправы вбродъ, черезъ широко разлившуюся рѣку, при неизвѣстности ея русла и при ледоходѣ.

3-го января, въ 7 часовъ утра, батальонъ вмѣстѣ съ другими войсками стоялъ впереди деревни, готовый къ наступленію. „Странно было смотрѣть — говоритъ участникъ переправы—на оледенѣвшую одежду солдатъ и видѣть ихъ одушевленныя лица, на которыхъ отражалось одно желаніе — догнать турокъ; ко всему-же остальному они были совершенно безучастны." Къ 8 часамъ все было готово; войска двинулись къ желѣзной дорогѣ и какъ только вышли на открытую мѣстность, то увидѣли передъ собою и вправо, не 5 или 6 таборовъ, а массу турецкой пѣхоты и около двухъ полковъ кавалеріи *). Поэтому, при построеніи боеваго порядка, наши войска представляли изломанную линію, въ видѣ исходящаго тупаго угла, стороны котораго составляли: Финскій стрѣлковый батальонъ и Павловскій полкъ; затѣмъ 2-я гвардейская артиллерійская бригада и Лейбъ-гренадеры. Батальону же Его Величества приказано было прикрывать батарею, ставъ въ интервалѣ между нею и Лейбъ-гренадерами, правымъ флангомъ къ желѣзной дорогѣ.

Совершенно ровная и открытая мѣстность поля сраженія не представляла возможности укрыть роты, а потому онѣ остались въ общей колоннѣ, которая могла служить какъ-бы мишенью для перекрестныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Особое счастіе было причиною,

*) Размѣщеніе какъ нашихъ такъ и турецкихъ войскъ указано на прилагаемомъ планѣ.

что батальонъ почти не несъ потерь, хотя турецкія батареи засыпали позицію снарядами. Мало того, съ противуположнаго берега Марицы, по батальону дала залпъ наша-же батарея, гранаты которой прошипѣли сзади. Всѣ недоумѣвали откуда онѣ, но вслѣдъ за этимъ полковникъ Васмундтъ, замѣтивъ, что залпъ былъ данъ съ той стороны рѣки, немедленно послалъ подпоручика Рагозина доложить объ этомъ графу Шувалову. Къ счастью артиллеристы, принявшіе стрѣлковъ за непріятеля, увидѣли свою ошибку и втораго залпа, къ которому уже готовились, не послѣдовало. Что незначительныя потери батальона были дѣломъ случайности, доказывается еще тѣмъ, что ни одна турецкая граната не попала въ него, тогда какъ проходившая возлѣ рота лейбъ-гренадеръ была разсѣяна, упавшею въ ея середину шрапнелью. Много помогло и то, что роты успѣли кое какъ окапаться, чрезъ что турецкія пули, или рекошетировали черезъ лежащихъ стрѣлковъ, или шлепались о маленькіе брустверa ложементовъ. Одна изъ пуль, ранила стрѣлка 1-й роты въ животъ, что вызвало раздирающіе крики. Имѣя въ виду, что подобные вопли производятъ удручающее впечатлѣніе, полковникъ Васмундтъ, скрѣпя сердце, прикрикнулъ на раненаго и приказалъ носильщикамъ убрать его. Въ этотъ самый моментъ, другая пуля ударила въ голову ефрейтора 2-й роты Нелимонова. Онъ молча вскочилъ, когда всѣ лежали. Командиръ батальона спросилъ его. „Что съ тобой?“ — „Да вотъ, ваше высокоблагородіе, пуля попала въ голову, да кажется тамъ и осталась“,—отвѣчалъ раненый, прикладывая руку къ козырьку и вытянувшись передъ полковникомъ. Оказа-

лось, что пуля не пробила головы, а рекошетируя оставила глубокую ссадину.

За такое хладнокровіе въ опасности, Целимоновъ былъ тутъ-же произведенъ батальоннымъ командиромъ въ унтеръ-офицеры. Эти два случая указываютъ, какое вліяніе имѣютъ, во время боя, слова командира и какъ солдатъ, привыкшій къ повиновенію, можетъ быть стоекъ и терпѣливъ, даже при сильной боли и явной опасности.

О дѣлѣ 3-го ноября, въ отношеніи участія въ немъ стрѣлковъ Его Величества, слѣдуетъ замѣтить, что положеніе въ которомъ находился баталіонъ, бездѣйствуя подъ перекрестнымъ огнемъ, было далеко не легкое и требовало не столько боевой подготовки, сколько нравственной силы, что батальонъ и доказалъ, неизмѣняя положенія подъ гранатами и пулями. Потери его въ этотъ день состояли: въ убитомъ фельдфебелѣ роты Его Величества Березовѣ и 3-хъ раненыхъ.

Около 4-хъ часовъ дня бой началъ утихать; непріятель видимо готовился къ отступленію. Въ 6 часовъ турки совершенно оставили свои позиціи; преслѣдовать ихъ было уже поздно, а потому наши войска отведены были въ деревню, гдѣ ночевали по квартирамъ.

На слѣдующій день, 4-го января, турки, отступавшіе всю ночь, прижались къ горамъ и заняли сильныя оборонительныя позиціи, съ цѣлью дать отпоръ нашимъ колоннамъ. Съ разсвѣтомъ, батальонъ, въ общемъ составѣ бригады, тронулся по полотну желѣзной дороги, и черезъ два часа прибылъ къ деревнѣ Кады-кіой. Впереди всѣхъ шла рота Его Величества, разсыпавъ вправо и влѣво отъ рельсъ сильную цѣпь. Чтобы дать время обходнымъ колоннамъ генераловъ Вельяминова и Шильдеръ-Шульд-

нера исполнить ихъ назначеніе, колоннѣ графа Шувалова, наступавшей съ фронта, приказано было остановиться. Въ виду того, что непріятель, вслѣдствіе своего отчаяннаго положенія, могъ перейти въ наступленіе, стрѣлковая бригада приготовилась къ оборонѣ. Замѣтя остановку, турки открыли сильный артиллерійскій огонь. Сначала гранаты не долетали, а потомъ одна изъ нихъ ударилась въ интерваль между 2 и 3 ротами и зарылась въ землю безъ разрыва. И въ этотъ разъ счастье покровительствовало стрѣлкамъ; продолжай турки стрѣльбу, роты понесли бы значительную потерю: укрыться отъ снарядовъ онѣ не могли-бы, такъ какъ были заняты перетаскиваніемъ орудій по желѣзнодорожному мосту. Вмѣстѣ съ этими орудіями батальонъ свернулъ влѣво, къ небольшой рощицѣ; тамъ батареи выѣхали на позицію, а роты прикрыли ихъ. На этомъ мѣстѣ проведена была батальономъ ночь съ 4-го на 5-е января. Здѣсь стрѣлки, сверхъ ожиданія, отлично устроились, добыли сѣна, развели костры, а затѣмъ надѣялись отдохнуть на квартирахъ въ Филиппополѣ, который еще 3-го числа былъ занятъ нашими драгунами, и куда даже посланы были квартирьеры.

Сулейманъ, окруженный съ 3-хъ сторонъ, съ 40 тысячами доведенными до истощенія и паники, занялъ новую позицію на склонѣ горъ, съ которыхъ всѣ наши движенія были видны какъ на планѣ. Здѣсь онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

5-го января, до полудня батальонъ оставался на мѣстѣ ночлега, гдѣ былъ свидѣтелемъ наступленія отряда Шильдеръ-Шульднера на правый флангъ непріятеля. Не смотря на сильный огонь залпами изъ всѣхъ орудій, наши

войска стягивались и насѣдали. Въ 12 часовъ батальонъ былъ потребованъ къ деревнѣ Марково, для поддержанія атаковавшихъ ее лейбъ-гренадеръ. По пути ему пришлось проходить по совершенно открытой мѣстности, въ виду всѣхъ турецкихъ батарей, но онѣ не потревожили стрѣлковъ, хотя и осыпали гранатами, шедшій позади Павловскій полкъ. Передвиженіе это было сдѣлано съ цѣлью отвлечь вниманіе турокъ отъ колонны Шильдеръ-Шульднера. Въ приказаніи идти къ Маркову было сказано: „Не обращая вниманія на батареи, двинуться на лѣвый флангъ турокъ".

Приказаніе это вскорѣ отмѣнено, такъ какъ было уже замѣтно, что непріятельскія цѣпи отходятъ къ гребню. По временамъ онѣ останавливались и отстрѣливались. Это движеніе сначала было принято за намѣреніе обойти правый флангъ стрѣлковой бригады, поэтому генералъ Эллисъ послалъ подпоручика Рагозина, предупредить объ этомъ бывшую правѣе батальона сотню кавказской казачьей бригады. Въ 5-мъ часу отступленіе непріятеля было уже замѣтно по всей линіи. Часть разбитой Сулеймановской арміи отошла къ Станимаку, гдѣ наткнулась на 3-ю гвардейскую дивизію и была окончательно разбита. Другая часть уходила черезъ Тахталы на Хасъ-Кіой. Кавалерія бросилась ее преслѣдовать, стрѣлковая же бригада размѣстилась въ деревнѣ Марковѣ, гдѣ три роты батальона расположились по квартирамъ, а рота Его Величества на ночь поставлена была на аванпосты.

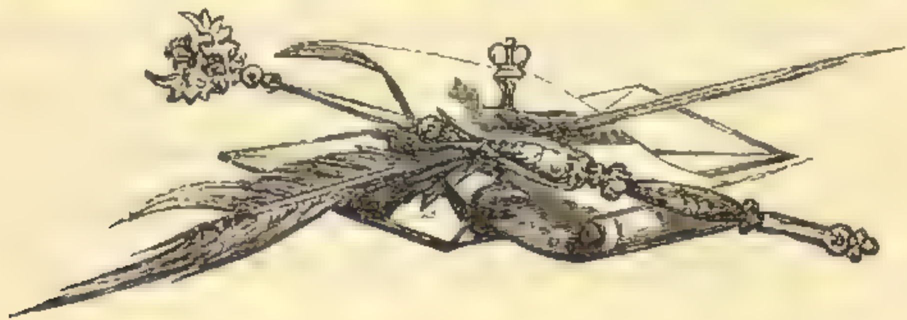
6-го января батальонъ, въ общемъ отрядѣ графа Шувалова, съ музыкою и распущеннымъ знаменемъ вступалъ въ Филиппополь. Генералъ Гурко пропустилъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ и благодарилъ за

службу. Несмотря на безостановочный переходъ 150 верстъ, отъ Софіи до Филиппополя, безъ дневокъ, почти форсированнымъ маршемъ, роты смотрѣли бодро и прошли полныя силы и энергіи.

Въ приказѣ по батальону въ этотъ день было сказано:

„Послѣ трехдневнаго боя подъ Филиппополемъ армія Сулеймана-паши окончательно разбита и уничтожена. Батальонъ долженъ особенно гордиться участіемъ въ этомъ славномъ сраженіи. 2-го января, въ 6 часовъ вечера, мы перешли Марицу, во время ледохода, по грудь въ водѣ, въ виду почти всей турецкой арміи и тотчасъ же выстроились въ боевой порядокъ. Непріятель, несмотря на громадное превосходство въ силахъ, не рѣшился атаковать отчаянныхъ стрѣлковъ. Цѣлый день нашъ малочисленный отрядъ, 3-го января бился съ врагомъ втрое сильнѣйшимъ, 4-го опять бой. Наконецъ сегодня совсѣмъ порѣшили съ нимъ“.

Пять дней оставался батальонъ въ Филиппополѣ. Это время было употреблено на поддержаніе приходившей въ полный упадокъ одежды и обуви и вообще на внутреннее устройство. Труды, лишенія, а иногда, за форсированными маршами и неимѣніе времени слѣдить за соблюденіемъ строгаго порядка, невольно вызывали въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи его нарушеніе; поэтому полковникъ Васмундтъ, въ приказѣ 6-го января, указывалъ тѣ мѣры, которыя слѣдовало принять для того, чтобы на батальонъ не пало нарѣканіе въ распущенности, во время пребыванія въ городѣ, переполненномъ войсками.

ГЛАВА XVII.

Отъ Филиппополя въ Константинополь.

Долина „путь смерти."—Движеніе черезъ Попасли и Ханкіой. —Ночлегъ въ Мустафѣ-паши.—Прибытіе въ Адріанополь.—Приказъ Главнокомандующаго.—Приготовленія къ новому походу.—Перемиріе. Хозяйственныя распоряженія.—Переходъ къ г. Чорлу.—Пребываніе въ немъ.—Передвиженіе къ Силеври и Буюкъ-Чекмеджи. -Распоряженія о вступленіи въ Константинополь. -Бивуакированіе у чифлика Ай-Мама.—Заключеніе мира.—Напрасныя надежды.

Распоряженія, дѣлаемыя по отряду указывали, что стоянка въ Филиппополѣ не будетъ продолжительна. Приказано было пополнить сухари, закупить на 10 дней чай и сахаръ, запастись фуражемъ для вьючныхъ лошадей и т. д. Среди этихъ, такъ сказать, домашнихъ распоряженій, получено было извѣстіе, что Государь Императоръ пожаловалъ батальону, за переходъ черезъ Балканы и разновременныя дѣла съ турками, еще 14 георгіевскихъ крестовъ. Кромѣ того, за отличіе и храбрость, 9 стрѣлковъ ротъ Его Величества и 2-й, были произведены въ унтеръ-офицеры.

По полученіи радостнаго извѣстія о занятіи авангар-

домъ главныхъ силъ Адріанополя, западный отрядъ былъ направленъ къ этому городу. Гвардейская стрѣлковая бригада, въ составѣ колонны графа Шувалова, выступила изъ Филиппополя 10-го января, въ 11 часовъ утра.

Путь батальона по Адріанопольскому шоссе справедливо былъ названъ „*путемъ смерти*“. Разбитыя повозки, домашній хламъ, масса людскихъ труповъ, неисключая женщинъ и дѣтей, павшія животныя попадались безпрестанно, а мѣстами, въ сторонѣ отъ дороги, цѣлыя площади были покрыты ими. Оставшимся еще живыми и бродившимъ какъ тѣни, стрѣлки давали сухари. Къ 5-ти часамъ роты дошли до полуразвалившейся деревушки Панасли, гдѣ и расположились,—одни въ уцѣлѣвшихъ сараяхъ, другія—на дворахъ.

Слѣдующіе переходы батальона были: 11-го января до деревни Каялы, 12-го—до города Ханкіоя и 13-го—до Германлы. Все видѣнное на первомъ переходѣ повторилось, только мѣстность, изъ ровной по долинѣ Марицы, перешла въ холмистую, удалявшуюся отъ большихъ Балканъ, снѣжные верхи которыхъ виднѣлись влѣво. Между Ханкіоемъ и слѣдующимъ ночлегомъ батальонъ проходилъ мимо ложементовъ, устроенныхъ во время движенія Скобелевскаго авангарда, принявшаго громадный транспортъ турецкихъ переселенцевъ забѣжавшія войска Сулеймана. Мѣсто этого, происшедшаго по недоразумѣнію, побоища производило угнетающее впечатлѣніе.

14-го января ночлегъ былъ назначенъ въ городѣ Мустафа-паша. Когда роты остановились на привалѣ, возлѣ станціи желѣзной дороги, къ ней подходилъ поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Главнокомандующій, съ своею главною квартирою, въ Адріанополь. Узнавъ объ этомъ, стрѣлки

подбѣжали къ рельсамъ и громкимъ „ура!“ проводили мчавшіеся вагоны. Въ Мустафѣ-паша роты были размѣщены въ какихъ-то лавкахъ, а офицерамъ отвели квартиры за рѣкою, черезъ которую надо было переходить въ бродъ; за это они были вознаграждены найденнымъ въ домахъ удобствомъ, но это вознагражденіе дорого обошлось. Весь вечеръ и всю ночь лилъ дождь; наканунѣ проходимая по колѣно рѣчка разлилась до такой глубины, что при неимѣніи лодокъ, переправа была возможна лишь верхомъ и то лошадь мѣстами всплывала. Только такимъ способомъ офицеры и могли поспѣть къ ротамъ.

На полпути къ Адріанополю, бригада была задержана разливомъ притока Марицы. Мостъ на шоссе былъ снесенъ. Для устройства переправы, гвардейскій саперный батальонъ приступилъ къ постройкѣ новаго моста, изъ телеграфныхъ столбовъ; стрѣлки живо принялись рубить ихъ и вмѣстѣ съ Лейбъ-Гренадерами подносили къ мѣсту работы. По ея ходу было видно, что ранѣе 8 часовъ вечера переправа не будетъ готова, поэтому начальникъ бригады рѣшилъ переправившихся въ бродъ отвести въ ближайшую деревушку для ночлега. Отсюда стрѣлки видѣли происходившій въ Адріанополѣ пожаръ: горѣли занятыя московскимъ полкомъ казармы *).

Въ Адріанополь батальонъ вступилъ 16-го числа только около 3-хъ часовъ дня, потому что прождалъ часа 4 въ предмѣстьи, ожидая приказанія о вступленіи. Пройдя рядъ длинныхъ и кривыхъ улицъ, онъ расположился на

*) Чтобы перейти разлившійся притокъ, пришлось искать бродъ. Бывшій верхомъ поручикъ Кончаковскій, исполняя это, попалъ въ ямину и едва не потонулъ вмѣстѣ лошадью.

краю города, не подалеку отъ одного изъ кладбищъ. На слѣдующій же день Его Высочество посѣтилъ расположеніе стрѣлковъ. Для этого роты были построены безъ ружей, возлѣ своихъ квартиръ. Великій Князь благодарилъ баталъонъ за службу и тутъ же выдалъ 7 георгіевскихъ крестовъ 2 и 3 степени; они были розданы тѣмъ изъ унтеръ-офицеровъ, которые, имѣя 4-ю степень, выказали въ послѣдовавшихъ потомъ дѣлахъ особенную храбрость и находчивость.

Въ Адріанополѣ полученъ былъ въ баталъонъ приказъ Главнокомандующаго, исчисляющій послѣдствія перехода арміи отъ Плевны до второй турецкой столицы. Какъ документъ гласящій о подвигахъ русскаго солдата, онъ долженъ украшать страницы исторіи баталъона, принимавшаго постоянное участіе въ этихъ подвигахъ.

Излагая его содержаніе, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторые пропуски того, что касается изложеннаго въ прежнихъ и послѣдующихъ приказахъ Великаго Князя.

„Великое безпримѣрное дѣло совершено вами! Прошелъ только мѣсяцъ послѣ того, что взята Плевна со всею непріятельскою арміею, и вы уже за Балканами, разбили армію непріятеля въ долинѣ Софіи, овладѣли укрѣпленнымъ лагеремъ „*Орлиное гнѣздо*“, на высочайшемъ Трояновскомъ перевалѣ и наконецъ полонили цѣлую армію на Шипкѣ.

„Ни суровая зима, съ трескучими морозами, ни бездорожье въ горахъ, ни мятели не остановили меня дать вамъ приказъ перейти горы. Я твердо вѣрилъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, — и вы пошли! Одни карабкаясь на скалы, зарываясь въ снѣгу, заледенѣлые; другіе обрываясь на острые камни, иной разъ безъ хлѣба, лезли впередъ, тащили орудія на плечахъ, били и полонили вра-

говъ. Тамъ гдѣ и привычные горцы не могли проходить, прошли русскіе полки и орудія, водрузились русскія знамена.

„Каждый исполнилъ свой долгъ бодро, честно и безропотно. Весь свѣтъ удивляется вамъ и въ Матушкѣ Россіи уже гудятъ колокола и въ церквахъ Божіихъ народъ міромъ молится за здравіе и славу вашу.

„Отъ меня, герои, за вашу безпримѣрную службу, за лишенія и терпѣніе, за ваше мужество и храбрость примите задушевное спасибо. Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ начальники, генералы и офицеры. Всѣ вы раздѣляли съ солдатомъ лишенія и труды, какъ простые рядовые и служили личнымъ примѣромъ исполненія долга. Сердечное спасибо тебѣ,—безропотному, безустанному, вѣчно доброму и беззавѣтно храброму русскому солдату; съ тобою для меня нѣтъ невозможнаго; еще усиліе и нѣтъ сомнѣнія, что мы славно докончимъ возложенное на насъ великое дѣло, во славу Царя и Россіи".

По полученіи свѣдѣній о томъ, что передовой отрядъ авангарда арміи уже занялъ, въ трехъ переходахъ отъ Константинополя, г. Чарлу, было приказано готовиться къ дальнѣйшему движенію. Въ виду этого, батальоннымъ командирамъ отданы были слѣдующія приказанія:

„1) Привести безотлагательно обувь нижнихъ чиновъ въ возможную исправность, частью починкою, частью покупкою новой, причемъ разрѣшалось покупать полусапожки, резиновыя галоши, словомъ, не стѣсняться ни расходами, ни формою обуви. 2) Старшему врачу осмотрѣть всѣхъ нижнихъ чиновъ; больныхъ и слабыхъ оставить въ Адріанополѣ, сдавъ ихъ въ дивизіонный лазаретъ. 3) Снабдить всѣхъ нижнихъ чиновъ чаемъ и сахаромъ на 10 дней. 4) Если ко дню выступленія не прибудетъ гуртъ скота принадлежащій батальону, то ротнымъ командирамъ принять мѣры, чтобы скотъ былъ пріобрѣтаемъ ежедневно, съ такимъ

разсчетомъ, дабы на каждаго человѣка приходилось не менѣе двухъ фунтовъ мяса въ сутки. 5) Пріобрѣтенный скотъ гнать непосредственно за батальономъ, вмѣстѣ съ офицерскими вьюками и вьюками съ водкою, которую заготовить также на 10 дней, полагая по ½ чарки въ день. 6) О раздачѣ въ роты соли, сухарей и крупы, послѣдуетъ особое распоряженіе и 7) пріобрѣсти для нижнихъ чиновъ табакъ".

Изъ дальнѣйшихъ приказовъ и хозяйственныхъ распоряженій полковника Васмундта видно, какъ и ему, и ротнымъ командирамъ, при всемъ ихъ желаніи, трудно было привести одежду и обувь въ исправность. Несмотря на то, что за починку и шитье сапогъ щедро платилось изъ батальонныхъ суммъ, что шинели чинили заплатами изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то и другое было въ такомъ состояніи, что едва выдерживало починки. Снабженіе ротъ мясомъ тоже сопряжено было съ затрудненіями: скотъ батальоннаго гурта отощалъ до того, что его нельзя было бить на мясо и потому въ приказѣ было указано: „завѣдующему хозяйствомъ принять мѣры относительно своевременной доставки фуража для скота. Пока волы не войдутъ въ тѣло, въ пищу ихъ не употреблять; если-же въ окрестностяхъ Адріанополя фуража нѣтъ, то лучше совсѣмъ отдѣлаться отъ гурта. Въ замѣнъ-же воловъ, покупать барановъ, въ размѣрѣ двухдневной дачи".

19-го января, вечеромъ, городъ огласился криками „ура", начавшимися отъ зданія конака, гдѣ была главная квартира, и переходившими отъ помѣщеній одной части войскъ къ другой. Недоумѣнія о причинѣ этихъ криковъ разъяснились тѣмъ, что въ это время были подписаны предварительныя условія мира и объявлено перемиріе. По поводу этого событія, на слѣдующій день

совершено было, въ Каѳедральномъ соборѣ благодарственное молебствіе, на которомъ присутствовали всѣ офицеры батальона.

По условіямъ перемирія, деморкаціонная линія выдвинута была далеко впередъ тѣхъ пунктовъ, которые были заняты нашими войсками. Она доходила на югъ до Эгейскаго и Мраморнаго морей, а потому для ея занятія, войска были двинуты въ прибрежные города и къ окрестностямъ Константинополя. Остающіеся до выступленія дни прошли для батальона въ осмотрѣ съ трудомъ исправленной одежды и обуви и въ окончательныхъ приготовленіяхъ къ новому походу.

25-го января батальонъ, въ составѣ бригады, съ двумя батареями, выступилъ изъ Адріанополя, по Константинопольскому шоссе, къ городу Чарлу. Наканунѣ выступленія прибыли на укомплектованіе, изъ запасной роты, 23 стрѣлка.

Предстоящее передвиженіе приказано было исполнить въ 6 дней: первый ночлегъ батальонъ имѣлъ въ деревнѣ Хафсъ, второй — въ Баба-Ески, гдѣ 27-го января была дневка. Со всѣхъ ночлеговъ квартиріеры высылались впередъ и вообще переходы исполнялись какъ въ мирное время, съ строгимъ соблюденіемъ уставнаго порядка.

По приходѣ 28-го числа, въ Люле-Бургасъ отправленъ былъ впередъ, по желѣзной дорогѣ въ Чарлу, исправляющій должность завѣдующаго хозяйствомъ, штабсъ-капитанъ Эльрихъ, которому было предписано: 1) осмотрѣть указанныя офицеромъ генеральнаго штаба для батальона помѣщенія, а также приписанныя къ нему деревни и избрать мѣсто для хлѣбопеченія. 2) Если нельзя будетъ получать провіанта отъ интендантства, озаботиться

*

о пріобрѣтеніи муки или зерна и о наймѣ мѣльницъ для перемола послѣдняго.

Такъ какъ почти на каждомъ переходѣ присоединялись къ батальону отсталые, присылаемые изъ Андріанополя по желѣзной дорогѣ, то полковникъ Васмундтъ, желая удостовѣриться въ причинахъ почему они оставили ряды, приказалъ опрашивать ихъ и дежурному офицеру представлять о каждомъ свѣдѣнія: какой роты, когда, гдѣ и почему отсталъ, гдѣ находился, самъ-ли или по чьему распоряженію отправился къ батальону, чѣмъ и какъ продовольствовался?

29-го числа батальонъ ночевалъ въ деревнѣ Корештиранъ и 30-го вступилъ въ г. Чарлу. Предполагалось, что онъ простоитъ здѣсь продолжительное время, поэтому приняты были всѣ мѣры къ возможно лучшему размѣщенію ротъ, къ очищенію занятыхъ ими домовъ, къ уборкѣ съ дворовъ и улицъ всякихъ нечистотъ. Черезъ нѣсколько дней городъ былъ неузнаваемъ; чего нельзя было вывезти, то тутъ же зарывали. Затѣмъ каждой ротѣ отведены были отдѣльныя мѣста для бойни; людямъ выдали въ изобиліи солому для подстилки, съ приказаніемъ мѣнять ее черезъ каждые пять дней. Полковникъ Васмундтъ возложилъ на ротныхъ командировъ заботу о приведеніи въ порядокъ солдатскаго бѣлья; самъ вновь осмотрѣлъ одежду и обувь, для исправленія которой въ каждой ротѣ открыты были швальни. Въ виду же того, что стрѣлки уже три мѣсяца не могли вымыть тѣла, и грязь, такъ сказать, въѣлась въ него, приказано два раза въ недѣлю водить ихъ въ мѣстныя бани, покуда не будетъ устроена русская, что предполагалось сдѣлать на батальонныя суммы. Необходимо впрочемъ замѣтить, что многіе изъ

этихъ распоряженій не могли быть исполнены, потому что занятая нашими войсками мѣстность не представляла возможности пріобрѣсти необходимое для ихъ осуществленія. То, что оставлено бѣжавшими жителями, до прихода батальона, было взято прошедшею впереди кавалеріею, такъ что ни муки, ни фуража нельзя было купить ни за какія деньги.

Въ Чарлу, впервые по принятіи батальона, полковнику Васмундту представилась возможность болѣе близко ознакомиться какъ съ матеріальнымъ состояніемъ хозяйства, такъ и съ его средствами. Здѣсь же произведена была повѣрка суммъ и шнуровыхъ книгъ, а также и подробный пересмотръ ружей.

13-го февраля генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, по повелѣнію Главнокомандующаго, вступилъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Въ первомъ же его приказѣ предписывалось занимать войска ученьями. Прежде ихъ начала, батальонный командиръ осмотрѣлъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и приказалъ приступить къ одиночнымъ и ротнымъ ученьямъ. То и другое оказалось далеко лучше того, что можно было ожидать, принимая во вниманіе труды и лишенія, переносимыя стрѣлками четыре мѣсяца, изодня въ день, а также и то, что потери отъ истощенія силъ и болѣзней сильно измѣнили составъ батальона. Выступая въ ноябрѣ изъ Яблоницъ, онъ имѣлъ 656 штыковъ, а пришелъ въ Чарлу съ 533-я. Если-же здѣсь онъ нѣсколько и укомплектовался, то людьми возвратившимися послѣ тяжкихъ болѣзней изъ госпиталей, или отсталыми, слѣдовательно обезсиленными. — Впрочемъ приступить къ строевымъ обученіямъ въ Чарлу неудалось, такъ какъ 6-го февраля

получено приказаніе, перенести демаркаціонную линію впередъ, для чего гвардейскій корпусъ долженъ былъ перейти ближе къ Константинополю.

7-го февраля, не безъ сожалѣнія, батальонъ оставилъ свои только что устроенныя квартиры въ Чарлу и въ тотъ-же день дошелъ до разоренной деревни Кепелы. Проведя тамъ ночь, на слѣдующемъ переходѣ къ городу Силеври, стрѣлки увидѣли привлекательную синеву Мраморнаго моря. Видъ его, съ появляющимися тамъ и сямъ дымящимися пароходами и парусными судами, производилъ крайнѣ пріятное впечатлѣніе. Послѣ 5-ти мѣсячнаго странствованія по горамъ и оврагамъ, среди постоянныхъ снѣговъ и грязи, увидѣть, хотя и вдали, признаки жизни и цивилизаціи, было своего рода утѣшеніемъ. Всѣмъ чувствовалось, что близокъ конецъ войны, а къ этому чувству невольно присоединялась и надежда скораго возвращенія на родину.

Переходъ до Силеври по берегу моря, при ясной вполнѣ весенней погодѣ, казался пріятною прогулкою. Самый городъ, съ его минаретами и темною зеленью кипарисовъ, представлялся очень красивымъ. Въ немъ можно было найти все необходимое, начиная съ весьма приличнаго ресторана, въ которомъ офицеры всей бригады имѣли вкусный обѣдъ и провели вечеръ. Многіе жалѣли, что на утро предстояло выступленіе къ Буюкъ-Чекменджи. Такъ какъ этотъ городъ находился за демаркаціонною линіею, то недоходя его, батальонъ расположился неподалеку отъ берега, въ деревнѣ Клеастеро. Здѣсь получено было радостное извѣстіе, о новомъ вниманіи оказанномъ Государемъ Императоромъ къ батальону, въ лицѣ его командира, - полковникъ Васмундтъ былъ на-

значенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, о чемъ 9-го февраля было объявлено въ батальонномъ приказѣ.

На слѣдующій день передвиженія не предстояло, что было принято за обыкновенную дневку, какъ вдругъ послѣдовало приказаніе, въ 12 часовъ ночи, выступить къ Буюкъ-Чекменджикскому мосту, куда стягивались и другія части. Въ батальонѣ знали, что этимъ передвиженіемъ нарушается демаркаціонная линія и что у Чекменджи сильныя укрѣпленія заняты турками. Всѣ недоумѣвали и спрашивали другъ у друга, что значитъ это поспѣшное выступленіе, да еще съ приказаніемъ провѣрить и осмотрѣть боевые патроны. Оказалось, что графомъ Шуваловымъ получено приказаніе о сформированіи особаго отряда, въ составъ котораго входила и гвардейская стрѣлковая бригада. Приводимъ полученный корпуснымъ командиромъ документъ, какъ имѣющій весьма важное историческое значеніе.

Командующему Гвардейскимъ корпусомъ:

„Увѣдомляю Ваше Сіятельство, что вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, долженъ быть сформированъ особый отрядъ, изъ слѣдующихъ частей: 1-й бригады 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, Гвардейской стрѣлковой бригады, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона, 1-й Гвардейской артиллерійской бригады, Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка и 6-й казачьей Донской батареи Гвардейской конной артиллеріи.

„Начальствованіе всѣмъ отрядомъ будетъ возложено на особое лицо. Отряду этому немедленно передвинуться къ демаркаціонной линіи, стать противъ Буюкъ-Чекменджи, гдѣ онъ въ скоромъ времени получитъ приказаніе слѣдовать къ монастырю св. Стефана, а затѣмъ *вступить въ Константинополь*. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ вступитъ

въ Константинополь и Его Высочество, Главнокомандующій. Всѣ остальныя войска, ввѣреннаго Вашему Сіятельству корпуса, должны будутъ, тотчасъ послѣ начала движенія упомянутаго отряда, приблизиться къ демаркаціонной линіи, но отнюдь не переходить ее.

„Занятіе Константинополя будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ мирное, а потому слѣдуетъ заранѣе принять мѣры къ поддержанію самаго строгаго внутренняго порядка и дисциплины. Въ особенности слѣдуетъ внушить Гг. офицерамъ всю важность и настоятельную необходимость быть крайне бдительными, осторожными, оставаться постоянно при своихъ частяхъ и отнюдь не позволять себѣ какихъ бы то ни было кутежей, пирушекъ и похожденій. Соблюденіе всего этого есть дѣло первой важности и нарушеніе его, въ виду присутствія въ городѣ турецкихъ войскъ, можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и политическимъ усложненіямъ".

Изъ этого отзыва видно, что батальону предстояло вступить въ Константинополь, но ходъ политическихъ событій лишилъ стрѣлковъ этой завѣтной надежды.

Ночное движеніе въ Буюкъ-Чекмеджикскому мосту имѣло цѣлью стать ближе къ турецкой столицѣ. Произвольно переходить демаркаціонную линію, безъ нарушенія перемирія нельзя, поэтому въ 7 час. утра посланъ былъ впередъ парламентеръ, а за нимъ тронулись и войска. Версты за три отъ Кучукъ-Чекменджи отрядъ остановился, за небольшимъ переваломъ, чтобы выждать чѣмъ кончатся переговоры. Офицеры, взойдя на возвышеніе, увидѣли по ту сторону залива отдѣлявшаго наши войска отъ непріятельскихъ, рядъ сильныхъ укрѣпленій и нѣсколько отдѣльныхъ лагерей. Въ Кучукѣ замѣтно было суетливое движеніе: тамъ что-то укладывали, пере-

таскивали, въ лагеряхъ снимали палатки, съ укрѣпленій свозились орудія. Возвратившійся парламентръ объявилъ, что Мухтаръ-паша согласился очистить позицію, но требуетъ для этого нѣсколько часовъ времени. Послѣ этого бригада перешла возвышенность и расположилась въ виду отходящаго непріятеля. Въ 5 часовъ батальонъ двинулся далѣе. Проходя по улицамъ Кучукъ-Чекменджи, еще не вполнѣ очищеннымъ турками, стрѣлки съ любопытствомъ вглядывались въ ихъ физіономіи. Ночлегъ роты имѣли въ деревнѣ Галатріи, и по странному стеченію обстоятельствъ, охранялись турецкою цѣпью, которую вѣроятно забыли или не успѣли убрать.

12-го февраля, батальонъ, съ музыкою и пѣснями, выступилъ къ С. Стефано, куда въ ту-же ночь прибылъ Главнокомандующій, съ своею главною квартирою. Его Высочество пропустилъ батальонъ мимо себя, приказалъ его временно поставить у станціи желѣзной дороги, а въ 3 часа дня перевести, вмѣстѣ со стрѣлками Императорской фамиліи, къ Чифлику Ай-Мама.

Этимъ закончился боевой походъ батальона, отъ Дуная къ берегамъ Босфора.

Хотя начало стоянки батальона въ Ай-Мама не представляетъ ничего особеннаго, но вѣрные правилу заносить въ настоящій очеркъ все, что касалось его внутренней жизни, упомянемъ, что съ остановкою батальона на неопредѣленное время близъ С. Стефано, роты съ каждымъ днемъ укомплектовывались возвращавшимися изъ госпиталей. Всѣ-же тѣ, кто оставленъ на пути отъ Петербурга до Дуная, были эвакуированы въ Россію и въ батальонъ не возвращались. Изъ нихъ, одинхъ отправляли въ распоряженіе штаба Петербургскаго округа, другихъ—прямо

въ запасную роту, а нѣкоторыхъ изъ госпиталей назначали въ отставку, или увольняли въ отпускъ на родину.

Дабы отвлечь людей отъ праздности, съ 15-го февраля дѣлались одиночныя ученья, но въ то же время не прекращались и нѣкоторыя военныя предосторожности. Ежедневно одна изъ ротъ батальона назначалась дежурною и затѣмъ всѣ онѣ, очередуясь въ бригадѣ, содержали аванпостную цѣпь.

Одновременно съ возвращеніемъ стрѣлковъ въ ряды батальона, возращались и офицеры. Такъ въ теченіи первой половины февраля прибылъ изъ командировки полковникъ Тишинъ; выздоровѣли: капитанъ Зейдеръ и раненый поручикъ Савримовичъ 1-й, вступившій по прежнему въ должность батальоннаго адъютанта.

Оканчивая описаніе перехода черезъ Балканы, мы привели приказъ генерала Гурко, какъ программу перваго періода похода. Приведемъ теперь приказъ Великаго Князя, перечисляющій событія втораго періода.

„Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи!

„Когда перешагнули вы через Балканы, я не смотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ новыхъ усилій и вы не пошли, а полетѣли.

„Менѣе нежели въ мѣсяцъ, вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли къ стѣнамъ Царьграда. По пути, какъ-бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля—Адріанополь, и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Егейскаго морей.

„Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ наши требованія и я остановилъ васъ.

„Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростію, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностію перенести всѣ труды и лишенія. Васъ не остановили, ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки, по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ. Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ герои, отъ самыхъ старшихъ начальниковъ, до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ.

„Отдыхайте-же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, то будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доканать его.

„А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, неимѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраной для мирныхъ жителей и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли-бы наложить малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровію новую славу русскаго оружія".

Первые дни расположенія батальона близъ С.-Стефано прошли въ отдыхѣ и ожиданіяхъ заключенія мира, о чемъ держались упорные слухи.

18-го февраля всѣ офицеры батальона и взводъ въ 20 рядовъ стрѣлковъ, были на панихидѣ по Императорѣ Николаѣ I, совершенной въ С.-Стефанскомъ греческомъ соборѣ. Тамъ же было узнано, что на слѣдующій день, въ два часа, назначается общій парадъ, о чемъ вечеромъ послѣдовало приказаніе по корпусу. Приготовляться къ параду было нѣкогда, да этого и не требовалось, потому что предстояло выдти на него въ томъ, что было на людяхъ, когда они взбирались среди зимы на Балканы, и въ чемъ прошли сотни верстъ, среди непогодъ и распутицъ, по

все-таки на утро была сдѣлана батальоннымъ командиромъ небольшая репетиція церемоніальнаго марша. Не красотою и блескомъ снаряженія долженъ былъ поразить этотъ парадъ любопытныхъ зрителей, съ ранняго утра 19-го февраля безпрерывною вереницей тянувшихся къ маяку у берега моря, куда сосредоточивались къ 12 часамъ всѣ наши войска,—а бодрымъ видомъ и нравственнымъ сознаніемъ величія совершеннаго ими подвига.

Въ 2 часа генералъ Гурко объѣхалъ линіи, но вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что парадъ откладывается до 4-хъ часовъ. Около этого срока, по дорогѣ изъ С.-Стефано, показалась огромная группа верховыхъ. Это была свита Великаго Князя. Она приближалась шагомъ и въ полуверстѣ отъ маяка остановилась. Видимо, что всѣ ожидали чего-то особеннаго. Наконецъ въ 5 часовъ къ свитѣ подскакалъ кто-то въ открытой коляскѣ. Это былъ бывшій посолъ графъ Игнатьевъ, привезшій Великому Князю подписанныя условія мирнаго договора. Объѣхавъ ряды колоннъ, Главнокомандующій остановился передъ серединою линій и громко произнесъ:

„Поздравляю васъ! Богу угодно было даровать намъ славный миръ“.

Грянуло потрясающее „ура“ 50-ти тысячъ человѣкъ и долго разливалось по линіямъ. Восторгъ былъ неописанный. Забыто все прошлое, всѣ труды и лишенія; одушевленіе, радость и надежда смѣнили ихъ. Послѣ этого Великій Князь вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ:

„Господа! Когда мнѣ приходилось говорить съ вами въ Красномъ селѣ, вы часто выражали опасеніе, что если бы и пришлось гвардіи участвовать въ войнѣ, то васъ держали

бы въ резервъ. Я же вамъ говорилъ, что если я буду Главнокомандующимъ, то пущу васъ въ первый огонь. Я сдержалъ слово, но и вы оправдали надежды на васъ. Вы доказали всему свѣту то, въ чемъ я былъ всегда увѣренъ, что для васъ нѣтъ невозможнаго, если Царь прикажетъ. Благодарю васъ отъ всего сердца, за вашу славную службу. Вы поддержали славу русскаго народа передъ цѣлымъ свѣтомъ".

Новое восторженное „ура" понеслось изъ смолкнувшихъ рядовъ и замерло у вратъ Царьграда.

Покуда офицеры возвращались къ строю, на поле прибыло духовенство, для совершенія благодарственнаго молебствія, по окончаніи котораго, уже въ сумерки, войска проходили мимо Его Высочества церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго батальонъ, при полной темнотѣ, возвратился на свой бивуакъ.

Мы не беремся описывать тѣхъ ощущеній, которыя происходили въ душѣ каждаго изъ участниковъ совершившагося событія; точно также, какъ въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, только вкратцѣ упомянемъ, какое вліяніе имѣло на моральное состояніе, наступившее впослѣдствіи разочарованіе.

27-го февраля Главнокомандующій, въ приказѣ по арміи, вновь перечислялъ все имъ сдѣланное въ теченіи всей войны. Мы приведемъ только начало и конецъ этого приказа, потому что перечисленіе подвиговъ, совершенныхъ отъ Дуная до Константинополя, было бы повтореніемъ вышеизложеннаго.

Приказъ начинался такъ:

„Доблестныя войска ввѣренной мнѣ арміи!

„Святое дѣло возложенное на насъ Государемъ Императоромъ, исполнено. Въ знаменательный для насъ день

19-го февраля, Турція подписала славный для Россіи миръ, по которому милліоны христіанъ, послѣ вѣковаго рабства, освобождены изъ подъ мусульманскаго ига.

„Великая цѣль эта, вѣковыя стремленія нашихъ предковъ, достигнуты безпримѣрною храбростію вашею и тѣмъ мужествомъ и настойчивостью, съ которыми боролись вы съ врагомъ, съ трудами, лишеніями и съ самою природою. Смѣло и открыто скажу: вы сдѣлали все, что только въ силахъ человѣческихъ.....

„Не мнѣ благодарить васъ, васъ благодаритъ вся Россія! Изъ рода въ родъ пройдетъ разсказъ о подвигахъ вашихъ и вся Русь съ гордостію будетъ вспоминать о славныхъ сынахъ своихъ......

„Вы достойно отомстили за Севастополь, за десятки тысячь, павшихъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ русскихъ воиновъ. Слава вамъ, слава нашей матушкѣ Россіи, слава Державному Отцу ея"!

Послѣдніе дни февраля мирно проходили для батальона, среди приготовленій къ возвращенію на родину. Хотя о днѣ выѣзда не было еще объявлено, но всѣ говорили, что онъ скоро наступитъ и что переѣздъ совершится на пароходахъ, которыхъ ожидаютъ.

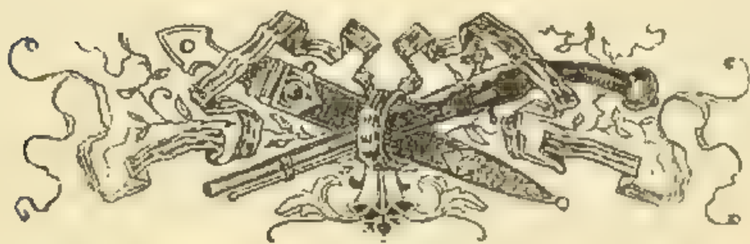
Наканунѣ парада, въ батальонъ были получены 66 георгіевскихъ крестовъ, за переходъ черезъ Балканы и за Филиппополь. Избраніе, кого слѣдуетъ наградить ими, по обыкновенію было предоставлено самимъ нижнимъ чинамъ, но съ соблюденіемъ въ этотъ разъ слѣдующихъ условій: 1) избранію подлежали только тѣ, кто былъ во всѣхъ дѣлахъ, ни разу не отставалъ и не былъ въ числѣ слабыхъ, во все время перехода отъ Яблоницъ до Адріанополя. 2) Первоначальное избраніе дѣлаютъ наличные въ каждой ротѣ георгіевскіе кавалеры, но изъ избранныхъ

ими, получаетъ крестъ только тотъ, кто будетъ признанъ достойнымъ остальными чинами роты. 3) Если избрано будетъ менѣе опредѣленнаго числа, то остальные кресты выдадутся тѣмъ, коихъ подвиги лично извѣстны батальонному командиру, по представленіямъ ротныхъ командировъ.

Въ первые дни марта пріятное ожиданіе дня нагрузки батальона на суда продолжалось. Наконецъ онъ былъ уже назначенъ, какъ вдругъ вмѣшательство Англіи все измѣнило,—посадка была отмѣнена на неопредѣленное время. Воспользовавшись этимъ, турки вновь начали приготовляться къ оборонѣ. Ихъ укрѣпленія, подъ видомъ занятія саперными работами, росли на глазахъ сто-тысячной русской арміи.

„Что же насъ ожидаетъ,—спрашивали офицеры другъ друга,—миръ или война?"

Никто не могъ разрѣшить этого вопроса.

ГЛАВА XVIII.

У вратъ Царьграда.

Начало болѣзненности.—Вѣсть отъ Государя. — Осмотръ оружія. — Прибытіе укомплектованія.—Поѣздки въ Константинополь. — Встрѣча Свѣтлаго праздника.—Прощальный приказъ Великаго Князя. — Его отъѣздъ изъ арміи. — Батальонный праздникъ.—Ожиданіе разрыва. Пожалованіе батальону знака отличія.—Распоряженія о возвращеніи въ Россію.—Приказъ графа Шувалова.

Отъ кипящей дѣятельностію жизни, отъ жизни изодня въ день переполненной самыми разнообразными ощущеніями, батальону пришлось перейти къ полному бездѣйствію, нагонявшему на всѣхъ тоску, доходящую до апатіи. Къ этому, такъ сказать нравственному недугу, присоединились недуги физическія. Усиленное напряженіе силъ, до сихъ поръ поддерживаемыхъ энергіею духа, отозвалось сразу, какъ только этому духу нечѣмъ было питаться. Въ батальонѣ появились сначала лихорадки, а потомъ тифъ; но благодаря заботливости и распоряженіямъ батальоннаго командира, болѣзнь далеко не достигла той повальности, которою она отличалась въ другихъ частяхъ. Чтобы по возможности поддержать въ людяхъ энергію и бодрость, въ теченіи марта мѣсяца производились занятія гимнастикою и сначала небольшія

одиночныя, а потомъ и ротныя ученія. Почти каждый день по вечерамъ играла музыка, созывались пѣсенники, заря производилась съ церемоніею.

Впрочемъ однообразіе жизни батальона въ Ай-Мама, иногда нарушалось случаями, имѣвшими для него значеніе. Такъ мы читаемъ въ приказѣ по батальону, что подпоручикъ Кургановичъ, передъ возвращеніемъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію, представлялся Государю, причемъ Его Величество обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„*Когда прибудешь въ батальонъ, передай поклонъ моимъ молодцамъ и мою благодарность за ихъ славную службу*“.

Объявляя объ этомъ въ приказѣ, полковникъ Васмундтъ закончилъ его слѣдующимъ обращеніемъ:

„Гг. офицеры! Милостивыя слова Августѣйшаго нашего Шефа прежде всего относятся къ вамъ. Вы были всегда и вездѣ во главѣ молодцовъ. Гг. ротные командиры! передайте дорогое Царское слово вашимъ людямъ. Пусть вѣдаютъ и помнятъ стрѣлки, какъ цѣнитъ Государь ихъ богатырскіе подвиги“.

Коснувшись подвиговъ приведемъ другой приказъ, въ которомъ сказано:

„Стрѣлокъ Государевой роты Василій Соломенцовъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ противъ турокъ. Во всѣхъ бояхъ онъ велъ себя героемъ: въ походѣ былъ неутомимъ, отъ роты не отставалъ ни гдѣ ни на шагъ; всѣ труды, опасности и лишенія боевой жизни переносилъ съ примѣрнымъ мужествомъ, какъ истому русскому солдату подобаетъ. Соломенцевъ вполнѣ заслужилъ третій георгіевскій крестъ. Радуюсь, что могу украсить его грудь Высочайше пожало-

ваннымъ въ батальонъ золотымъ знакомъ отличія военнаго ордена второй степени".

Съ 8-го по 12-е марта, прибывшій изъ Петербурга инспекторъ стрѣлковой части, осматривалъ въ батальонѣ оружіе и нашелъ его, несмотря на все перенесенное ружьями въ морозъ и непогоды, въ отличномъ состояніи: всего 60 ружей оказались съ мелкими, неизбѣжными на войнѣ недостатками. Нельзя не удивляться этому, вспомнивъ, что проходили недѣли, когда стрѣлокъ не имѣлъ минуты заняться винтовкою: когда, спускаясь въ овраги, онъ упирался на нее, не разъ она падала на камни, вмѣстѣ съ своимъ владѣльцемъ, валялась на снѣгу, или купалась въ грязи. Такое состояніе оружія указываетъ, съ одной стороны, на его отличную выдѣлку и прочность, а съ другой,—на заботливость о немъ ротныхъ командировъ, которые при всякой возможности осматривали ружья и приводили ихъ въ порядокъ.

Несмотря на развивавшуюся болѣзненность, наличное число людей въ батальонѣ, къ половинѣ марта, значительно увеличилось. Кромѣ ежедневно прибывавшихъ выздоравливающихъ и отсталыхъ 17-го числа пришла изъ Царскаго села маршевая команда, въ составѣ 211 человѣкъ. Съ ними стали заниматься отдѣльно, какъ съ молодыми солдатами, для чего въ каждой ротѣ были избраны особые офицеры. При этомъ главное вниманіе было обращено на изученіе ружья, на прикладку и прицѣливаніе.

Вмѣстѣ съ строевою стройностью, съ каждымъ днемъ улучшалось и хозяйственное положеніе батальона. Въ началѣ марта были привезены изъ Одессы новые мун-

диры и шинели, интендантствомъ высланы сапоги, а инженернымъ вѣдомствомъ пополненъ шанцевый инструментъ. Изъ Царскаго села получены пожертвованія, въ видѣ солдатскаго бѣлья, фуфаекъ, полушубковъ и проч. Кромѣ того, Великая Княгиня Екатерина Михаиловна изволила прислать въ батальонъ 250 руб. для раненыхъ. Офицеры же и нижніе чины запасной роты доставили стрѣлкамъ, въ видѣ гостинца, 10 пудовъ табаку. Особенно же радостно привѣтствовали стрѣлки открытіе 23-го марта, устроенной для батальона бани, которою желающіе могли пользоваться черезъ день, съ 7 часовъ утра, до 7 вечера.

Чтобы дать нижнимъ чинамъ понятіе о столицѣ Турціи, передъ которою они простояли уже 2 мѣсяца, разрѣшено было отпустить въ Константинополь по 3 человѣка съ роты. 9-го апрѣля, по выбору ротныхъ командировъ, команда изъ 12 человѣкъ, подъ наблюденіемъ поручика Рагозина, была отправлена по желѣзной дорогѣ въ Константинополь. О томъ какое впечатлѣніе произвелъ онъ на стрѣлковъ, рѣшить трудно: не многое они разсказывали о немъ, возратясь съ послѣднимъ поѣздомъ, въ тотъ же день, въ роты. Впрочемъ у одного изъ нихъ находимъ въ дневникѣ его слѣдующее: „9-го апрѣля я ѣздилъ гулять въ Константинополь. Онъ изъ всѣхъ европейскихъ турецкихъ городовъ, хотя противъ нашихъ столицъ нельзя примѣнить, а все-таки хорошъ". Что же касается офицеровъ, то имъ разрѣшено было, не болѣе двухъ съ батальона одновременно, ѣздить въ Константинополь. Сначала это дозволялось въ статскомъ платьѣ, а потомъ и въ своей формѣ.

16-го апрѣля предстоялъ праздникъ Свѣтлаго Христова

Воскресенія. Какъ ни грустно было встрѣчать этотъ великій день на чужбинѣ, но все-таки роты соблюли все, чтобы онъ былъ проведенъ по православному.

Въ четвергъ и пятницу страстной недѣли, священникъ Измайловскаго полка, въ одномъ изъ сараевъ чифлика, читалъ 12 Евангелій и отслужилъ всенощную. Субботу стрѣлки провели въ приготовленіяхъ къ разговѣнью, для чего были выписаны изъ Одессы куличи, пасхи и окорока. Въ ночь субботы, на полѣ впереди бивуака, краткую утреню совершилъ священникъ Семеновскаго полка *).

Замѣчательна была эта утреня — читаемъ мы въ дневникѣ батальона,—масса свѣчей въ рукахъ стрѣлковъ, вслѣдствіе тишины въ воздухѣ, горѣла ярко, среди темной южной ночи и звучно раздавалось стройное пѣніе пѣвчихъ въ ночной тишинѣ. По окончаніи службы всѣ радостно христосовались, поздравляли другъ друга, но видимо, что болѣе старались быть радостными; внутренно же каждый вспоминалъ родную семью и близкихъ сердцу.

За нѣсколько дней до Пасхи прошелъ слухъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ отъѣзжаетъ въ Петербургъ. Долго не хотѣлось стрѣлкамъ вѣрить этому, но когда начали приготовлять роты къ прощальному параду Его Высочества съ арміею, то пришлось повѣрить. Двѣ репетиціи были сдѣланы въ послѣдніе дни страстной, а самый парадъ состоялся на второй день праздника, 17-го апрѣля, въ храмовой праздникъ батальона

*) Приглашать постороннихъ священниковъ пришлось потому, что батальонный, отецъ Викторъ Звѣревъ, былъ командированъ въ Горной Дубнякъ, для отысканія тѣла убитаго ш. к. Арсеньева и для перевозки и погребенія его въ Россіи.

и въ день рожденія его Августѣйшаго Шефа. Прямо съ мѣста молебна, отслуженнаго въ расположеніи батальона, роты пошли на парадъ. Объѣзжая войска, Великій Князь, остановясь передъ батальономъ, поздравилъ его съ праздникомъ, а затѣмъ, окончивъ объѣздъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей, которымъ прочелъ телеграмму Государя, о пожалованіи гвардейскимъ частямъ различныхъ отличій. Батальону дана надпись на головной уборъ: *„За Правецъ, 10-го ноября 1877-го и за Филиппополь 3, 4 и 5-го января 1878 годовъ."* Затѣмъ Главнокомандующій вновь благодарилъ за службу и прощаясь выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ армію. Вмѣсто Великаго Князя былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Прощальный приказъ Великаго Князя, отданный по дѣйствующей арміи, имѣя отношеніе къ батальону, какъ участнику ея подвиговъ, настолько сердеченъ, такъ ощутительно доказывалъ любовь Его Высочества къ войску, что мы не можемъ не привести изъ него нѣкоторыхъ мѣстъ, касающихся всѣхъ участниковъ компаніи и выпускаемъ обращеніе къ личностямъ.

„Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ я съ вами труды и лишенія походной жизни и ровно годъ опасности и славу боеваго похода.

„Въ теченіи этого времени я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами арміи своего долга, среди самой тяжелой обстановки похода и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя составятъ на вѣки гордость всей земли русской.....

„Съ болью въ сердцѣ разстаюсь я съ вами мои дорогіе, боевые сотоварищи и еще разъ считаю священнымъ долгомъ, выразить всѣмъ вамъ мою сердечную благодарность,

за вашу многотрудную и полную славы для всей Россіи службу.....

„Особое сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ; ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности; безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ не встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго, на пути, который тебѣ указывалъ начальникъ.

„Тебѣ честь, тебѣ слава добытая потомъ и кровью Россіи, бившейся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ. Я горжусь и всегда буду гордиться, что мнѣ привелось командовать такою славною арміею".

По возвращеніи съ парада, офицеры и приглашенные на батальонный праздникъ гости собрались на обѣдъ, въ зданіи чифлика Ай-Мама, гдѣ провели и вечеръ этого дня.

По поводу объявленной Великимъ Княземъ телеграммы о пожалованіи батальону „за отличія" на головной уборъ, полковникомъ Васмундтомъ было отдано въ приказѣ:

„Подъ краснорѣчивою надписью *„за отличіе"* скрывается цѣлый рядъ блестящихъ подвиговъ, коими батальонъ ознаменовалъ себя въ минувшую компанію. Дарованный знакъ выражаетъ собою заключительное слово Царя объ этихъ подвигахъ. Еще нѣсколько свѣтлыхъ страницъ прибавилось къ исторіи батальона, а съ ними вмѣстѣ и великое чувство любви и привязанности къ части, стало въ каждомъ изъ насъ еще прочнѣе, превратилось въ силу, способную творить чудеса. Отъ глубины души радуюсь и поздравляю васъ, Государевы стрѣлки, съ новымъ доказательствомъ Монаршаго къ намъ благоволенія. Себя же считаю вполнѣ счастливымъ, что на мою долю выпало

пережить съ вами славную для русскаго оружія войну и водить въ бой такихъ молодцовъ, какъ вы".

Кромѣ пожалованія общаго отличія, благоволеніе Государя къ Его стрѣлкамъ выразилось еще тѣмъ, что въ день батальоннаго праздника, командиръ 1-й роты, капитанъ Скарятинъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству.

На другой день праздника, полковникъ Васмундтъ удостоился получить изъ Петербурга слѣдующую телеграмму.

Отъ Государя Наслѣдника:

„Поздравляю искренно батальонъ съ праздникомъ и желаю ему и впредь показаться такимъ же, какъ и въ прошлую компанію".

На это былъ посланъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Стрѣлки Его Величества всепреданнѣйше приносятъ Вашему Императорскому Высочеству ихъ сердечную благодарность, за поздравленіе съ батальоннымъ праздникомъ. Желаніе Вашего Высочества, чтобы батальонъ впредь показался такимъ же какъ въ прошлую компанію, будетъ исполнено. Къ достиженію этой жизненной для насъ задачи, Государевы стрѣлки приложатъ всѣ силы и старанія".

Великая Княгиня Екатерина Михаиловна телеграфировала начальнику бригады:

„Поздравляю васъ, 1-й и 2-й стрѣлковые батальоны. Прошу передать имъ сердечныя пожеланія и искреннее уваженіе къ ихъ подвигамъ, которые осчастливили бы покойнаго Герцога".

Новый главнокомандующій первый разъ посѣтилъ бивуакъ батальона 22-го апрѣля; онъ особенно былъ доволенъ тѣмъ, что болѣзненность въ ротахъ была гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ, гдѣ тифъ дошелъ до сильныхъ размѣровъ. Видя насколько большое число заболѣвающихъ у сосѣдей можетъ угнетающимъ образомъ дѣйствовать на здоровыхъ, полковникъ Васмундтъ употреблялъ всѣ мѣры и средства для предупрежденія у себя заболѣваній. Въ приказѣ по батальону отъ 30-го апрѣля предписывалось:

„1) Запретить нижнимъ чинамъ пить сырую воду. Въ каждой ротѣ завести двѣ бочки, въ которыя выжимать такое количество лимоновъ, чтобы вода имѣла кислый вкусъ. 2) Пища должна приправляться тоже лимонами и въ котелъ класть возможно болѣе перцу и соли. 3) Дежурнымъ строго слѣдить, чтобы торговцы не продавали овощей и рыбы, а ротнымъ командирамъ внушить людямъ, что залежавшаяся рыба, продаваемая въ жареномъ видѣ, равно незрѣлые овощи и фрукты—положительная отрава. 4) Траву для подстилки употреблять неиначе какъ высушенною; помѣщенія тщательно и ежедневно провѣтривать. 5) Требовать, чтобы люди возможно болѣе были на воздухѣ. Передъ закатомъ солнца надѣвать шинели и набрюшники. 6) Завѣдующему хозяйствомъ озаботиться пріобрѣтеніемъ возможно большаго количества хины“.

Только заботливости батальоннаго командира и сердечному участію ротныхъ командировъ и можно отнести то благопріятное состояніе здоровья людей батальона, которое, какъ бы исключительно, отличало его отъ другихъ частей войскъ. Много помогало еще и то, что въ половинѣ апрѣля, въ батальонѣ былъ открытъ свой отдѣльный лазаретъ, по штату военнаго времени. Наконецъ

для того, чтобы стрѣлки имѣли болѣе привычные для нихъ пищи припасы, которыхъ нельзя было достать въ Константинополѣ, выписано изъ Одессы значительное количество кислой капусты, русскаго масла, гречневой крупы и проч.

Наступившій май мѣсяцъ не только не улучшилъ однообразной стоянки нашихъ войскъ подъ Константинополемъ, но напротивъ, съ каждымъ днемъ отдалялъ надежду на скорое возвращеніе на родину. Появившійся въ Мраморномъ морѣ Англійскій флотъ и слухи о конференціи въ Берлинѣ, настолько ободрили турецкое правительство, что оно съ необыковенною энергіею укомплектовывало свою армію и укрѣпляло свои позиціи, подобно Плевнѣ. Это заставило генералъ-адъютанта Тотлебена принять съ своей стороны соотвѣтственныя мѣры. Составлена была новая дислокація войскъ и диспозиція на случай тревоги, по которой войска дѣлились на отряды: лѣвый, средній, правый и резервъ. Гвардейская стрѣлковая бригада и 30 пѣхотная дивизія, составляли средній отрядъ.

Согласно этого распоряженія, батальонъ, 3 мая, перешелъ къ Чифлику Янъ-Кенды, гдѣ и расположился бивуакомъ. Здѣсь стоянка стрѣлковъ сдѣлалась еще томительнѣе и неопредѣленнѣе. Среди мирныхъ, обычныхъ занятій ученьями, которыя дѣлались больше ради устраненія томительной скуки, ежеминутно ожидали столкновенія, и постоянно принимали мѣры противъ неожиданнаго нападенія. Изъ ежедневно назначаемой дежурной роты, два взвода выдвигались на 400 шаг. передъ бивуакъ, а отъ нихъ выставлялись посты для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается у турокъ, стоявшихъ съ нашими

лицемъ къ лицу. О всемъ у нихъ замѣчательномъ, какъ то: о прибыли или убыли частей войскъ, о земляныхъ работахъ и проч., дежурные офицеры немедленно доносили начальнику отряда и постоянному начальнику передовыхъ постовъ, 2-го стрѣлковаго батальона полковнику Анцифирову *).

По прибытіи на новыя позиціи, приступлено было къ ихъ укрѣпленію и къ постройкѣ впереди бригады вышки, для лучшаго наблюденія за происходящимъ у непріятеля, успѣвшаго прикрыть Константинополь, начиная отъ Босфора до Мраморнаго моря, полукругомъ, изъ возведенныхъ въ 3 линіи укрѣпленій.

Послѣ нѣсколькихъ дней, въ серединѣ мая наступили жары и такая духота, что невозможно было оставаться подъ накалившимся полотномъ палатки. Стрѣлки доходили до изнеможенія; офицеры, при отсутствіи книгъ, при разслабляющей жарѣ и бездѣятельности – до отчаянія. Только по вечерамъ, и то не всегда, можно было дышать свободнѣе и бивуакъ оживлялся. Чтобы чѣмъ либо развлекать людей, въ ротахъ были заведены различныя игры: куплены мячи, собирались пѣсенники, стрѣлки спускали змѣевъ, къ хвосту которыхъ прикрѣпляли фонари, играли въ лапту, въ городки и проч. Такъ проходили дни за днями, одинъ какъ другой, ожидая возможнаго разрыва съ недавно битымъ врагомъ, успѣвшимъ при помощи Англіи, вновь сдѣлаться опаснымъ. Нѣкоторое разнообразіе представило то, что въ половинѣ мая произведенъ былъ батальону начальникомъ бригады инспекторскій смотръ, а затѣмъ смотры ротныхъ ученій.

*) Съ производствомъ въ полковники, Анцифировъ былъ переведенъ обратно въ л.-гв. 2-й стрѣлковый батальонъ.

Но эти необходимыя упражненія мирнаго времени, послѣ 8 мѣсяцевъ неусыпной боевой дѣятельности, не могли особенно оживить нравственнаго томленія, доходившаго до тоски по родинѣ. Онѣ только помогали нѣсколько сплотить роты, въ которыя продолжали поступать укомплектованія изъ выздоравливающихъ и изъ маршевыхъ командъ запаснаго батальона.

Возможность возобновленія военныхъ дѣйствій и ожиданія ихъ то приближались, то удалялись, въ зависимости отъ политическихъ переговоровъ; но въ началѣ іюня онѣ казались крайне близкими, по слѣдующему случаю. Оконченная постройкою на линіи постовъ вышка, непонравилась Фуадъ-Пашѣ, командовавшему турецкими войсками; 5-го числа онъ заявилъ начальнику стрѣлковой бригады генералу Эллису желаніе, чтобы къ 10 ч. слѣдующаго утра вышка была снята, — въ противномъ случаѣ онъ собьетъ ее выстрѣлами. Когда объ этомъ дано было знать въ главную квартиру, то генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, отдалъ приказаніе, чтобы войска заняли позиціи, назначенныя въ диспозиціи, а задорливому пашѣ приказалъ отвѣтить: „пусть придетъ и возметъ". Но Фуадъ оказался храбрымъ только на словахъ, и потому бригада и ея резервъ простояли на позиціи только до 3-хъ часовъ дня, а затѣмъ батальонъ возвратился къ бивуаку. Этотъ случай наглядно доказалъ, что нашимъ войскамъ слѣдовало ежеминутно ожидать неожиданностей, и день и ночь быть готовыми на все.

Въ такомъ натянутомъ, не то мирномъ не то военномъ положеніи, батальону пришлось провести два мѣсяца, до конца Берлинскаго конгресса.

Въ половинѣ мая полковникъ Васмундтъ былъ уво-

ленъ по болѣзни въ отпускъ, къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, но пользовался въ Петербургѣ. Въ его отсутствіе, продолжавшееся 6 недѣль, командовалъ батальономъ полковникъ Тишинъ. Въ это время на всѣхъ увольняемыхъ, хотя бы и по болѣзни, всѣ смотрѣли съ завистью, потому что въ сущности всѣ чувствовали себя больными, если не тѣломъ, то духомъ. Настало время,— говоритъ участникъ похода,—какого-то одеревенѣлаго состоянія безразличія. Стоянка подъ Константинополемъ уничтожила впечатлѣнія блестящей компаніи и задѣвала оскорбленное чувство народной гордости.

Въ тяжелые дни описываемаго времени, явилась мысль увѣковѣчить память павшихъ въ бояхъ памятниками, на тѣхъ поляхъ сраженій, гдѣ они похоронены. Для этого было разрѣшено открыть между офицерами и нижними чинами подписку. Осуществленіе этой благой мысли и видъ самыхъ памятниковъ, были указаны въ слѣдующемъ приказѣ по батальону:

„По составленіи списковъ погребенныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, предварительно поставить надъ могилами офицеровъ кресты, съ надписью чина и фамиліи, а надъ могилою нижнихъ чиновъ—съ надписью общаго числа покоющихся и части войска. Впослѣдствіи же поставить надъ могилами офицеровъ камни, съ соотвѣтствующею надписью, а надъ могилами нижнихъ чиновъ—большихъ размѣровъ плиты съ надписью—„*Братская могила*". Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ происходили значительныя сраженія, устроить прочныя пирамиды".

Изъ числа случаевъ заслуживающихъ быть внесенными въ историческій очеркъ батальона, въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, могутъ быть названы слѣдую-

щіе: а) фельдфебелю роты Его Величества Ивану Эверзову пожалован Императором Германским, за боевыя отличія, золотой крестъ „Kriegsverdienst", для ношенія на груди. б) Ружья и патроны, излишнія противъ наличнаго числа людей, были отправлены и сданы въ артиллерійскій складъ, находившійся въ Адріанополѣ. Излишняя же одежда и аммуниція и вообще ненужныя батальону вещи, были перевезены въ Одессу. Эти распоряженія указывали на возможность скораго возвращенія въ Россію, о чемъ ходили слухи, но имъ уже никто не вѣрилъ: они порождали только разочарованіе.

Въ іюлѣ жары достигли крайнихъ предѣловъ: несмотря на это, различныя работы и особенно заготовка туровъ и фашинъ, для оборонительныхъ укрѣпленій, продолжались. За хворостомъ посылали команды верстъ за восемь. Ученье можно было производить только отъ 5 до 6 часовъ утра, а затѣмъ все остальное время дня приходилось томиться отъ удушающаго зноя.

Въ концѣ іюля стали громко говорить объ окончаніи конгресса и о ратификаціи Берлинскаго договора. Это нѣсколько ободрило, но слухи снова замолкли. Наконецъ изъ приказанія по дѣйствующей арміи отъ 1-го августа, сдѣлалось уже оффиціально извѣстнымъ, что гвардія возвращается.

4-го числа былъ отданъ приказъ, съ различными распоряженіями, напр. о прекращеніи разнаго вида денежныхъ довольствій и о правилахъ для перевозки. Извлекаемъ изъ этого приказа только то, что относилось собственно до батальона, а именно: 1) Довольствіе провіантомъ, приваркомъ и фуражемъ, а также виномъ, сахаромъ и чаемъ прекратить днемъ посадки на суда, затѣмъ

въ Имперіи, все интендантское довольствіе получать въ размѣрѣ опредѣленнымъ для проходимыхъ округовъ. 2) Денежнымъ жалованьемъ удовлетворить нижнихъ чиновъ по заграничному положенію по 1-е сентября; офицеровъ же жалованьемъ и столовыми деньгами, звонкою монетою въ опредѣленномъ размѣрѣ, - по день высадки въ русскій портъ, а за остальное время мѣсяца со дня высадки, до прибытія на свои квартиры и до объявленія о приведеніи войскъ на мирное положеніе, ассигнаціями. 3) Всѣ остаточныя отъ авансовъ деньги сдать въ полевое и мѣстныя казначейства. 4) Порціонныя и фуражныя деньги, излишне выданныя офицерамъ, за исправленіе не вакантныхъ должностей за прежнее время, не взыскивать и къ зачету не показывать.

5-го августа назначенъ былъ общій парадъ, у чифлика Ай-Мама, куда баталіонъ перешелъ наканунѣ, за исключеніемъ 4-й роты, оставленной на позиціи. На парадѣ баталіонъ проходилъ въ колоннѣ бѣгомъ, былъ одѣтъ въ въ мундирахъ безъ скатанныхъ шинелей и въ фуражкахъ съ чехлами. На другой день роты снова возвратились въ Янъ-Кенды.

По полученіи приказанія о возвращеніи баталіона, начались дѣятельныя къ тому приготовленія. Радость была общая, но сдержанная; видимо, что всѣ опасались какъ бы опять не произошло чего-либо неожиданнаго.

Мѣстомъ посадки баталіона на суда назначено было С.-Стефано, а высадки въ Россіи - городъ Николаевъ.

Не касаясь общихъ о посадкѣ распоряженій, обязанностей наблюдающихъ за нею и за выгрузкою, а также командующихъ въ каждомъ портѣ начальниковъ и про-

чее, приведемъ поучительный приказъ по гвардейскому корпусу отъ 8-го августа, въ которомъ говорилось:

„Войска гвардейскаго корпуса!

„Наступило время вашего возвращенія на родину. Въ тяжкую минуту вы были призваны на театръ войны: непріятель, пользуясь своею многочисленностью, напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить силы нашихъ собратій, но это васъ не смущало; пылко и смѣло вы бросились въ бой и при первомъ же столкновеніи раздавили противника. Послѣ того едва прошло 4 мѣсяца и ваши побѣдоносные штыки уже сверкали подъ стѣнами Царьграда. Здѣсь вамъ неожиданно пришлось простоять на чужбинѣ еще 6 тяжелыхъ мѣсяцевъ, подъ палящимъ зноемъ или подъ дождями, среди болотныхъ испареній, что подломило ваше здоровье. Но вы не падали духомъ; честно и безропотно перетерпѣли всѣ невзгоды и стояли грозной силой, грудь грудью съ противникомъ. Весь свѣтъ призналъ ваши подвиги; отечество съ гордостью взирало на нихъ; исторія, въ примѣръ потомству, запишетъ на своихъ страницахъ ваши дѣянія.....

„Солдаты! многіе изъ васъ по возвращеніи въ Россію, разойдутся по домамъ. Тамъ вы найдете вашихъ подрастающихъ братьевъ. Вашъ честный и правдивый разсказъ обо всемъ видѣнномъ, испытанномъ и совершенномъ самими, покажетъ будущимъ молодымъ воинамъ, что только тотъ изъ нихъ можетъ быть хорошимъ солдатомъ, кто съумѣетъ безропотно и мужественно перенести всѣ тягости военнаго времени.

„Тѣ изъ васъ, которые останутся на службѣ, должны въ томъ же духѣ воспитывать новобранцевъ, заставить ихъ полюбить свой полкъ какъ родную семью, гордиться его подвигами и свято чтить честь своего знамени.

„Гг. офицеры! Передъ лицомъ всего міра русскій солдатъ засвидѣтельствовалъ свои военные доблести, — вы были для него примѣромъ и образцомъ и память о васъ

навсегда сохранится въ сердцахъ вашихъ подчиненныхъ, которыхъ вы направляли въ бою и о которыхъ пеклись внѣ боя“.

Въ теченіи времени остававшемся отъ парада до посадки, роты были заняты укладкою вещей въ ящики и нагрузкою обоза. Стрѣлки работали съ такимъ рвеніемъ, что если-бы имъ нужно было исполнить это въ двое сутокъ, лишь-бы уѣхать на третьи, то и тогда все бы было готово къ сроку. 9-го августа посланъ былъ впередъ, въ Царское село, батальонный адъютантъ, съ тремя писарями, для заготовленія письменныхъ свѣдѣній на тѣхъ поступившихъ изъ запаса, которые съ приведеніемъ въ мирный составъ, оказались-бы сверхъ комплекта.

Обозъ батальона, съ 34 рядовыми, подъ командою, поручика Жилинскаго, приказано было поставить на отдѣльную шкуну; она шла на букспрѣ парохода везущаго батальонъ. Что-же касается лошадей, то онѣ, въ числѣ 43-хъ, оставлены были въ Турціи, для продажи съ аукціона.

ГЛАВА XIX.

Возвращеніе въ Россію.

Посадка на суда.—Три дня въ морѣ. Выгрузка въ Николаевѣ.—Остановки въ Кіевѣ и Вильно.—Дневка въ Гатчинѣ.—Вступленіе въ Царское Село. — Встрѣча батальона. Сочувствіе жителей. Адресъ Николаевской гимназіи. Демобилизація.—Поминовеніе павшихъ на войнѣ. -Мраморныя доски и жертвенникъ. Перечень полученныхъ наградъ. Встрѣча Государя.—Переходъ къ мирнымъ занятіямъ.

Какъ Свѣтлый праздникъ насталъ наконецъ день посадки батальона, на законтрактованный англійскій пароходъ „Нью-Кастель". Онъ былъ такъ громаденъ, что могъ перевезти вмѣстѣ 1 и 2 гвардейскіе стрѣлковые батальоны и кромѣ того буксировать ихъ обозы.

22-го августа роты, отобѣдавъ въ 5 часовъ утра, построились на площадкѣ чифлика и послѣ отслуженнаго молебствія, къ $6^1/_2$ часамъ были уже на пристани, гдѣ пришлось долго ждать конца посадки 2 батальона. Только послѣ 5 часовъ пополудни, дошла очередь до роты Его Величества. Такъ какъ пароходъ стоялъ на рейдѣ, то отъ пристани до него люди перевозились на баркасѣ. Какъ только небольшой пароходъ, взявъ баркасъ на буксиръ, тронулъ его, стрѣлки не могли не выразить своей

радости дружнымъ „ура". По прибытіи на Нью-Кастель пришлось еще прождать, покуда перегружали верховыхъ лошадей; отъ этого тронулись съ С.-Стефанскаго рейда только 23-го числа, въ 6 часовъ утра и остановились въ заливѣ „Золотаго рога", для выполненія портовыхъ формальностей.

Какъ не восхитительны виды Басфора, но на нихъ мало кто обращалъ вниманіе; помыслы всѣхъ были устремлены на сѣверъ и радость предстоящаго возвращенія на родину брала верхъ надъ всѣми иными впечатлѣніями. Проходя Буюкъ-Дере, гдѣ находится зданіе русскаго посольства, музыка заиграла родной гимнъ и вновь раздались крики „ура".

Быстро шелъ Нью-Кастель по Босфору; красивые его кіоски и загородные дворцы промелькнули также скоро, какъ и унизывающія берега батареи. При входѣ въ Черное море началась сначала небольшая, а потомъ весьма чувствительная зыбь; вообще-же переѣздъ былъ благополучный.

Батальонъ оставался въ морѣ 23, 24 и 25-го числа, а 26-го, въ 12 часовъ дня, выгрузился въ Николаевѣ, гдѣ расположился по близости города бивуакомъ, на которомъ былъ немедленно отслуженъ благодарственный молебенъ. Три дня оставались стрѣлки на мѣстѣ, приводя въ порядокъ свое снаряженіе. Здѣсь, по выздоровленіи отъ раны, возвратился къ ротѣ Его Величества ея командиръ, флигель-адъютантъ капитанъ Скарятинъ; замѣнявшему-же его, поручику Артемову, на долю котораго выпало командовать этою ротою въ продолженіи всей компаніи и вести ее въ бояхъ, объявлена была искренняя благодарность батальоннаго командира.

Бивуакъ въ Николаевѣ былъ окруженъ постами отъ лагернаго и задняго караула, и на немъ были приняты всѣ мѣры противъ распространенія болѣзненности, такъ какъ опасались, чтобы войска не занесли съ собою въ Россію какой-либо эпидеміи. Въ приказахъ по батальону были сдѣланы необходимыя для этого указанія и подтверждены правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться при переѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Обозъ и съ нимъ всѣ нестроевые, должны были слѣдовать отдѣльнымъ эшалономъ, позади батальона, выходящимъ черезъ день послѣ него.

30-го августа, раннимъ утромъ, приступлено было къ нагрузкѣ на желѣзную дорогу, по которой батальонъ въ 10 часовъ тронулся къ Кіеву. Слѣдующій день проведенъ былъ въ пути, а 1-го сентября вступили въ Кіевъ, гдѣ пробыли тоже 3 дня. Какъ изъ Николаева, такъ и изъ Кіева, нѣкоторые офицеры получили разрѣшеніе отъѣхать впередъ, для свиданія съ родными, жившими въ попутныхъ городахъ, съ тѣмъ, чтобы при проѣздѣ черезъ нихъ батальона, они присоединились къ нему. По выѣздѣ 5-го сентября изъ Кіева, черезъ Бобруйскъ, баталіонъ 9-го числа прибылъ въ Вильно. Тамъ для него было приготовлено помѣщеніе въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, а на слѣдующій день, жители города угостили какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, обѣдомъ.

Несмотря на то, что движеніе по желѣзнымъ дорогамъ производилось съ значительными отдыхами въ городахъ, было видно, что силы нижнихъ чиновъ далеко не тѣ, какими были годъ назадъ, при вступленіи въ походъ. Число заболѣвшихъ въ дорогѣ было довольно значительно.

такъ что въ одной Вильнѣ, пришлось сдать въ военный госпиталь 17 человѣкъ.

11-го сентября батальонъ тронулся въ дальнѣйшій путь, черезъ Динабургъ къ Пскову. Чѣмъ ближе приближались къ цѣли продолжительнаго переѣзда, тѣмъ, казалось медленнѣе двигался поѣздъ. Пообѣдавъ 12-го числа въ Псковѣ, стрѣлки въ тотъ-же день, поздно вечеромъ, выгрузились въ Гатчинѣ. Здѣсь получено было извѣстіе, что на слѣдующій день, вступленіе въ Царское село произойдетъ въ присутствіи Государя Наслѣдника Цесаревича.

13-го числа батальонъ выступилъ изъ Гатчины въ $4^1/_2$ часа утра и, въ составѣ бригады, прибылъ къ полудню ко входу на Софійскій плацъ, гдѣ былъ остановленъ, недоходя устроенной жителями города, въ честь стрѣлковъ, тріумфальной арки. Украшенная множествомъ флаговъ, она имѣла на фронтонахъ надписи мѣстъ тѣхъ сраженій, въ которыхъ участвовали батальоны, а именно; *Горный Дубнякъ*, *Правецъ*, *Арабъ-Конакъ*, *Ташкисенъ*, *Филиппополь* День былъ ясный, что способствовало торжеству. Къ мѣсту встрѣчи собрались жители Царскаго села, всѣхъ званій и духовенство города, съ хоругвями и образами. По правую сторону арки стояли: представители дворянства, родственники возвратившихся и офицеры расположенныхъ въ Царскомъ кавалерійскихъ полковъ, а также запасный стрѣлковый батальонъ. Съ лѣвой стороны размѣстились: представители городскаго управленія, воспитанники и воспитанницы гимназій и обыватели города. Въ то время, когда батальонъ, по остановкѣ у арки, оправлялся, встрѣчавшіе его родные и городскія дамы украшали офицеровъ букетами и раздавали стрѣлкамъ вѣнки изъ зелени.

Ровно въ часъ дня, изъ парка, показалась группа всадниковъ. Впереди ѣхалъ Государь Наслѣдникъ, съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, а за ними, въ открытой коляскѣ,—Государыня Цесаревна, съ Великою Княгинею Маріею Павловною. Съ лицомъ выражавшимъ радость и удовольствіе, объѣзжалъ Его Высочество ряды, поздравляя стрѣлковъ съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ похода. Послѣ этого были вызваны впередъ всѣ георгіевскіе кавалеры. Ставъ въ головѣ ихъ, Государь-Наслѣдникъ приказалъ начать вступленіе. Подъ аркою бригада остановилась. Здѣсь духовенство поднесло въ даръ батальону образъ, а городской голова хлѣбъ-соль, на серебряномъ блюдѣ. Прослѣдовавъ черезъ арку, Государь Цесаревичъ остановился возлѣ коляски Ея Высочества. По мѣрѣ прохожденія стрѣлковъ въ отдѣленіяхъ, одинъ изъ священниковъ окроплялъ ряды ихъ святою водою, а воспитанники гимназій и публика бросали цвѣты и вѣтви; кто успѣвалъ подхватывалъ ихъ и вставлялъ въ дуло ружья. Когда знамя поравнялось съ коляскою Государыни Цесаревны, Ея Высочество изволила своеручно надѣть на него вѣнокъ, связанный георгіевскою лентою. Все это происходило при оглушительныхъ крикахъ „ура", какъ народа, такъ и стрѣлковъ, прослѣдовавшихъ къ Софійскому собору, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія „*Храброму, всероссійскому, побѣдоносному воинству*" и вѣчной памяти „*воинамъ на брани за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившимъ*".

По окончаніи молебствія, батальонъ, съ музыкою, направился къ своимъ казармамъ; оставивъ въ нихъ аммуницію и ружья, онъ былъ отведенъ въ манежъ, гдѣ

жителями города предложенъ былъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ роскошный завтракъ.

Но этимъ не кончилось радушіе Царскосельцевъ къ ихъ постояльцамъ. Они желали ознаменовать этотъ день такимъ благотворительнымъ для стрѣлковъ дѣломъ, которое постоянно указывало бы на сочувствіе къ ихъ подвигамъ. Батальонамъ поднесенъ былъ отъ Николаевской классической гимназіи слѣдующій адрессъ:

„Педагогическій совѣтъ Николаевской Царскосельской гимназіи, состоящій подъ Высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, радостно привѣтствуя возвратившееся на родину побѣдоносное, русское воинство, въ общемъ собраніи своемъ постановилъ: въ честь доблестныхъ подвиговъ православнаго воинства и въ память побѣдоноснаго торжества русскаго оружія, предоставить сиротамъ и безпомощнымъ дѣтямъ воиновъ 1-го, 2-го и 4-го гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, участвовавшихъ въ минувшей войнѣ, изъ каждаго по одному, три безплатныя вакансіи обученія въ гимназіи и выдавать имъ учебныя книги и пособія, во все время обученія ихъ безплатно, на счетъ спеціальныхъ средствъ ея“.

Первые дни по возвращеніи съ похода были употреблены на устройство ротъ въ казармахъ и на приведеніе въ порядокъ того, что вслѣдствіе войны неизбѣжно пришло въ нѣкоторое растройство *).

При описаніи военныхъ дѣйствій батальона, было упомянуто о пожертвованіи Великой Княгиней Екатериной

*) При вступленіи батальона въ Царское село, онъ имѣлъ на лицо: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 13, унтеръ-офицеровъ 105, музыкантовъ 55, стрѣлковъ 645, и нестроевыхъ 54; больныхъ къ 1-му сентябрю состояло 149.

Михаиловной, на раненыхъ и на осиротѣвшія семейства убитыхъ. Для приведенія въ исполненіе воли Ея Высочества, полковникъ Васмундтъ потребовалъ отъ ротныхъ командировъ списки семействъ оставшихся послѣ убитыхъ и тяжело-увѣченныхъ нижнихъ чиновъ, съ обозначеніемъ полнаго состава семейства и мѣста его жительства, съ тѣмъ, что по собраніи свѣдѣній о ихъ нуждахъ, имъ будетъ выдано единовременное пособіе. „Дѣти павшихъ героевъ, — сказано въ приказѣ 3-го октября, - отнынѣ становятся дѣтьми батальона и поступятъ въ школу солдатскихъ дѣтей, по достиженіи ими установленнаго возраста".

Въ воспоминаніе о герояхъ павшихъ въ бояхъ съ турками, было постановлено: въ память офицеровъ и нижнихъ чиновъ батальона, ежегодно служить въ батальонной церкви панихиды, въ слѣдующіе дни:

5-го января — въ день сраженія подъ Филиппополемъ.

12-го октября — въ день боя подъ Горнымъ-Дубнякомъ.

11-го ноября — въ день взятія Правецкихъ высотъ.

21-го ноября — въ день Арабъ-Конакскаго сраженія.

21-го декабря — въ память перехода черезъ Балканы и дѣлъ подъ Ташкисеномъ и Враждебной.

Вслѣдъ за распоряженіемъ о чествованіи павшихъ, послѣдовало другое, выраженное вещественнымъ знакомъ благоговѣнія къ ихъ памяти. Въ приказѣ по батальону 5-го октября сказано:

„Минувшая кровавая расправа съ турками, вырвала безвозвратно изъ батальона: бывшаго его командира флигель-адъютанта полковника Эбелинга, командира второй роты штабсъ-капитана Арсеньева, двухъ фельдфебелей, пять унтеръ-офицеровъ и 15 стрѣлковъ.

„Могилою храбрыхъ служатъ поля битвъ: Горнаго-Дуб-

няка, Правца, Арабъ-Конака, Ташкисена, Филиппополя и дикія ущелья Балканъ. Далеко и долго пришлось бы искать дорогой прахъ ихъ, да и не найти бы его; но имена героевъ, легшихъ костьми за Царя и Отечество, не подлежатъ забвенію. Славна, завидна смерть ихъ! Неизгладимая изъ нашей памяти и сердца, она должна быть передана и грядущимъ поколѣніямъ. По сему предписываю: поставить въ батальонной церкви жертвенникъ изъ бѣлаго мрамора, по утвержденному мною рисунку, и черную мраморную доску съ именами и фамиліями офицеровъ и нижнихъ чиновъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. На передней сторонѣ жертвенника, сдѣлать въ лавровомъ вѣнкѣ слѣдующую надпись:

„Павшимъ въ битвахъ съ турками въ 1877—78 годахъ“.

„Имѣя затѣмъ въ виду, что въ 1863 году, при усмиреніи польскаго мятежа, батальонъ 10-го іюня, въ дѣлѣ подъ Попелянами, лишился штабсъ-капитана Нейдгарда, подпоручика Гоголя и 17-ти нижнихъ чиновъ, предписываю и ихъ имена записать на мраморную доску“.

Въ годовщину смерти полковника Эбелинга, 15-го октября, всѣ офицеры были на панихидѣ въ Сергіевской пустыни, гдѣ онъ погребенъ.

Годовщины сраженій чествовались не одними поминовеніями о павшихъ. Въ эти дни офицеры батальона любятъ, за общей тризной, возобновлять въ своей памяти подробности происходившаго. Не были забываемы эти дни и Августѣйшими начальниками батальона. Такъ Государь Императоръ, 12-го октября, телеграфировалъ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему.

„*Поздравляю мою гвардію съ сегоднешнею годовщиною, когда она покрыла себя новою славою, вполнѣ оправдавъ*

то, что я отъ нея ожидалъ. Повторяю мое сердечное спасибо всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ достопамятномъ и кровавомъ бою. Благодарю Бога за дарованную намъ побѣду и молюсь за упокоеніе тѣхъ, которые пали на полѣ чести. Мысленно я съ вами".

Вскорѣ по возвращеніи изъ компаніи, командиръ гвардейскаго корпуса, Государь Наслѣдникъ, изволилъ выразить желаніе, чтобы въ частяхъ войскъ тщательно собирались и обработывались документы о минувшей войнѣ. Такъ какъ главнымъ матеріаломъ для этого должны были служить дневники, которые ведутся въ частяхъ, то ихъ приказано пополнить, „на что есть возможность, — сказано въ предписаніи,—пока остались на лицо ближайшіе участники минувшихъ событій, и пока въ ихъ памяти сохраняются еще эпизоды славной войны" *).

Изложивъ все, что можно было извлечь изъ оффиціальныхъ документовъ и изъ разсказовъ участниковъ компаніи, мы заканчиваемъ ея описаніе, приложеніемъ въ концѣ текста перечня наградъ, полученныхъ гг. офицерами, за ихъ участіе въ различныхъ сраженіяхъ.

19-го сентября батальонный командиръ осмотрѣлъ запасную роту и съ этого же дня началось ея расформированіе и приведеніе батальона въ мирный составъ. По предварительно сдѣланному расчету, подлежало въ отставку 102 и въ запасъ 270 чел. Итого надо было уволить 372 чел. Они немедленно были отдѣлены отъ ротъ и помѣщены особо, въ манежѣ.

*) Къ сожалѣнію мы должны заявить, что веденный въ батальонѣ дневникъ представляетъ только сухой, сжатый перечень переходовъ и нѣкоторыхъ распоряженій, не объясняя, ни ихъ причинъ, ни способовъ исполненія.

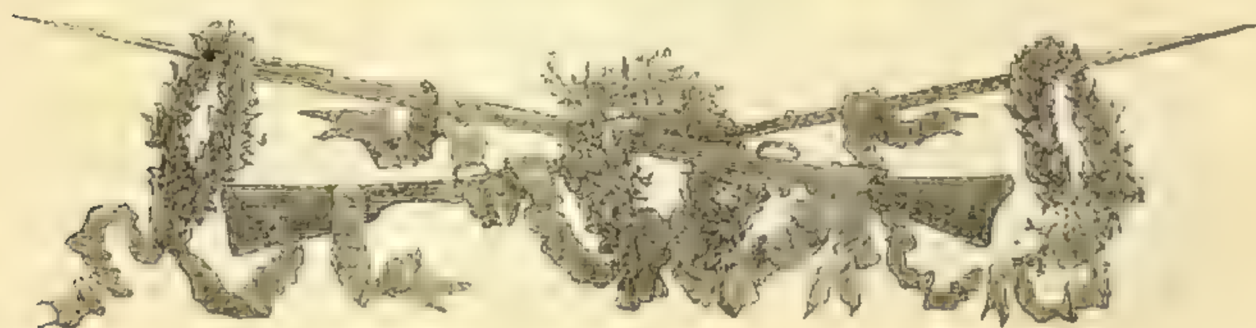
Въ числѣ различныхъ мѣръ по устройству батальона, укажемъ на слѣдующія: Прежде всего было подробно ососмотрены и разсортированы винтовки, револьверы, тесаки и шанцовый инструментъ. Ранѣе образованія, изъ оружія излишняго противъ штата мирнаго времени, неприкосновеннаго запаса, все было тщательно исправлено. Въ послѣднихъ числахъ сентября произведена была полковникомъ Васмундтомъ ранжировка батальона и затѣмъ жизнь и занятія его пошли прежнимъ мирнымъ порядкомъ. Минувшее же военное положеніе напоминалось только тѣмъ, что для возстановленія силъ нижнихъ чиновъ, послѣ трудной походной жизни и лишеній, стрѣлки продолжали пользоваться усиленнымъ отпускомъ мяса, по 1 фунту въ день на каждаго, что было продолжено до 1-го ноября.

22-го ноября Государь Императоръ возвращался изъ Крыма въ Петербургъ и впервые послѣ войны изволилъ видѣть своихъ стрѣлковъ. Для встрѣчи Его Величества батальонъ былъ переведенъ по Царскосельской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, помѣщенъ въ конно-гвардейскомъ манежѣ, а при проѣздѣ Его Величества поставленъ по Невскому проспекту, у Казанскаго собора, шпалерою, безъ ружей. На слѣдующій день всѣмъ войскамъ былъ общій парадъ, послѣ котораго послѣдовало Высочайшее повелѣніе о перечисленіи въ запасъ людей 6 лѣтняго срока службы, вслѣдствіи чего изъ батальона было уволено еще 92 человѣка, такъ что къ 1-му январю 1879 г. въ немъ оставалось по списку всего: 41 унтеръ-офицеръ, 450 стрѣлковъ 156 нестроевыхъ.

При столь незначительномъ числѣ людей, домашній и хозяйственный расходъ, вызываемый необходимостію

имѣть мастерскія въ сборѣ, крайне затрудняло стрѣлковое дѣло. Исключивъ больныхъ и слабыхъ, командированныхъ, отпускныхъ, артельщиковъ, писаря, конюха, кашеваровъ, хлѣбопековъ, учебную команду, портныхъ и новобранцевъ съ ихъ учителями, въ ротѣ въ среднемъ числѣ могло быть на лицо не болѣе 40 человѣкъ.

Незначительность списочнаго состоянія, дала возможность полковнику Васмундту, безъ особеннаго отягощенія расходовъ экономическаго батальоннаго капитала, привести въ порядокъ его хозяйство. Выписанъ былъ новый хоръ музыкантскихъ инструментовъ, значительно пополненъ запасъ оружейныхъ вещей и сдѣлано многое для улучшенія внутренняго быта стрѣлковъ. Такъ изъ приказа по батальону отъ 18 декабря видимъ, что ротамъ предписано было, на каждаго нижняго чина, пріобрѣсти, на средства батальона, полный комплектъ постельныхъ принадлежностей, какъ то: тюфякъ, 2 подушки набитыя перьями, байковое одѣяло, 2 простыни и 3 наволочки. Всѣ эти вещи, составляя теперь собственность батальона, должны имѣть клеймо роты, или команды; имъ опредѣленъ 6-ти лѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи этого времени каждая рота образовала у себя запасъ денежныхъ средствъ въ 75 или 100 руб., на ремонтъ того, что прійдетъ въ негодность. Такимъ образомъ нижніе чины батальона, обезпечены постельными принадлежностями, безъ всякой съ ихъ стороны собственной затраты.

ГЛАВА XX.

Послѣ войны.

Два слѣдующіе за войною года. — Улучшеніе хозяйства. – Мѣры полковника Васмундта для поднятія стрѣлковаго дѣла и устройства батальона. — 25-ти лѣтіе со дня основанія батальона. — Кончина Императора Александра II. — Заключеніе.

бычнымъ порядкомъ, безъ всякихъ особенностей и перемѣнъ, прошли для батальона слѣдовавшія за войною 1879 и 1880-й года. Хозяйство его постепенно улучшалось, вслѣдствіе того, что командиръ батальона за всѣмъ слѣдилъ лично и велъ неослабный всему контроль. Бывъ долгое время бригаднымъ адъютантомъ, полковникъ Васмундтъ зналъ всѣ средства батальона, и потому строго требовалъ, чтобы какъ онѣ, такъ и расходы на хозяйственныя улучшенія и на улучшеніе быта стрѣлковъ, имѣли полную гласность. Въ приказахъ по батальону отдавались подробныя о всемъ вѣдомости, ежегодно объявлялись инвентари, какъ казеннаго такъ и собственнаго имущества и хозяйственныхъ принадлежностей ротъ. Отъ послѣднихъ требовалась равномѣрность расходовъ, потому что послѣ похода оказалась громадная разница въ состояніи ротныхъ суммъ; въ то время

какъ одна рота имѣла ихъ 860 р. въ другой было всего 39. Дѣятельность батальоннаго командира можно назвать изумительною. На основаніи тщательныхъ пирометрическихъ опытовъ, имъ былъ опредѣленъ расходъ топлива на приготовленіе пищи разнаго рода: на скоромную и постную варку, на кашу, на пищу изъ консервовъ, на хлѣбопеченіе, на подогрѣваніе варки и т. д. Приказъ объ этомъ былъ заключенъ словами: „Употребленіе большаго количества дровъ, укажетъ на то, что дѣло опять перешло въ руки кошеваровъ и хлѣбопековъ, тогда какъ отъ правильнаго расхода топлива и отъ дровяной экономіи зависитъ благосостояніе ротныхъ суммъ“.

Обмундированіе батальона, послѣ похода, требовало особенныхъ заботъ. Изъ описанія военныхъ дѣйствій ясно видно, въ какой мѣрѣ нижніе чины обносились: они возвратились изъ похода съ однимъ поношеннымъ мундиромъ, между тѣмъ какъ условія службы требуютъ, чтобы солдатъ имѣлъ ихъ три. Такимъ образомъ пришлось нетолько строить новые, но привести въ порядокъ и вторые мундиры. Все это было достигнуто въ два года. Постройка обмундированія и обуви производилась поротно, въ ротныхъ мастерскихъ и о ходѣ работъ еженедѣльно, послѣ личнаго осмотра батальоннаго командира, объявлялось въ приказѣ.

Параллельно улучшенію и устройству хозяйственной части, шли распоряженія и по части образовательной. Оружіе, значительно пострадавшее во время войны, требовало тщательнаго пересмотра, затѣмъ пристрѣлки, послѣ которой курсы проходились съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, указанныхъ во вновь изданномъ въ 1879 году

положеніи объ обученіи. Какъ въ этомъ году, такъ и въ слѣдующемъ, по короткости лагеря, курсъ приходилось раздѣлять на двѣ половины и то, что небыло выполнено въ Красномъ селѣ, кончали въ Царскомъ. Отъ офицеровъ требовалось не только постояннаго присутствія на стрѣльбѣ при своихъ частяхъ, но и систематическаго прохожденія курса самими, вмѣстѣ съ ротами, командиры которыхъ были обязаны вести особенныя отмѣтки о каждомъ своемъ офицерѣ. Полковникъ Васмундтъ до того былъ требователенъ въ этомъ отношеніи, что обязалъ завѣдующихъ хозяйствомъ и оружіемъ, казначея, квартермистра и батальоннаго адъютанта проходить курсъ отдѣльно. Для поощренія хорошихъ стрѣлковъ, заведенныя въ батальонѣ съ его основанія, частныя состязанія на призы, послѣ войны получили еще большее развитіе и были подчинены болѣе строгимъ правиламъ. Только тотъ изъ состязающихся могъ получить призъ, у кого сумма квадратовъ 5 выбитыхъ нумеровъ не превышала 180. Всѣхъ призовъ было опредѣлено 8, изъ которыхъ одинъ—первый, 3 - вторыхъ и 4 третьихъ и цѣнность перваго приза была гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде. Онъ состоитъ изъ золотыхъ часовъ съ цѣпочкой, стоимостью въ 140 руб. Какъ и прежде, призы пріобрѣтаются на деньги по подпискѣ гг. офицеровъ и частью на счетъ суммъ батальона. Всѣ принятыя полковникомъ Васмундтомъ для улучшенія стрѣльбы мѣры, при дружномъ стремленіи гг. офицеровъ къ ея усовершенствованію, привели къ тому, что съ 1879 г. батальонъ Его Величества, въ теченіи многихъ лѣтъ остается внѣ разрядовъ, давая на смотрахъ результаты выше отличныхъ. Прилагаемая въ концѣ книги наглядная хронологическая таблица, въ видѣ графической

ломанной линіи, указываетъ результаты стрѣльбы каждаго года, отъ основанія батальона до настоящаго времени. Успѣхамъ стрѣльбы и доведенію ея до того, что батальонъ постоянно находится внѣ разрядовъ, много способствуетъ настоящее устройство тира. До войны онъ имѣлъ всего 180 ш. и приходилъ уже въ вѣтхость, а теперь совершенно передѣланъ, чрезъ это роты всю зиму могутъ, съ полнымъ удобствомъ, заниматься стрѣльбою на 300 шаговъ.

Послѣ полутора лѣтъ походнаго и военнаго времени, уровень грамотности въ батальонѣ, значительно понизился. Чтобы поставить эту отрасль образованія на должную степень, полковникъ Васмундтъ, въ неоднократныхъ приказахъ своихъ, указывалъ свой взглядъ на значеніе ротныхъ школъ и учебной команды. Въ первый послѣ похода учебный годъ, онъ по необходимости разрѣшилъ назначить въ учебную команду стрѣлковъ совершенно незнавшихъ грамоты, если только они подходятъ подъ другія условія и имѣютъ всѣ задатки быть хорошими унтеръ-офицерами. Знаніе грамоты, сказано было въ приказѣ – желательно, но въ виду исключительныхъ условій батальона, вызванныхъ минувшею войною, въ этомъ году разрѣшаю допустить въ учебную команду и безграмотныхъ.

Впрочемъ, начиная съ курса 1880 г., подобная льгота уже не допускалась. Неговоря о томъ, что результаты годовыхъ экзаменовъ, со всею подробностію о каждомъ, объявлялись въ приказѣ, частое личное присутствіе батальоннаго командира на занятіяхъ и постоянное его вниманіе къ дѣлу грамотности, быстро ее подвинуло.

Въ 1879 году батальонъ выступилъ въ лагерь 2-го

іюня и оставался въ немъ до 18 іюля. Въ слѣдующемъ же году лагерь былъ еще короче, а именно съ 19-го іюня по 22-е іюля, но для участія въ маневрахъ батальонъ вновь перешелъ 2-го августа въ Красное село. Кромѣ этихъ передвиженій, онъ какъ всегда, находился на происходившихъ въ Петербургѣ майскомъ, осеннемъ и крещенскомъ парадахъ и участвовалъ въ печальныхъ церемоніяхъ: 26 мая—выноса тѣла почившей Императрицы Маріи Александровны, при чемъ былъ расположенъ на Дворцовой площади и 28-го мая—при Ея погребеніи.

Въ наступавшемъ 1881 году должно быть исполниться 25-лѣтіе, со времени основанія батальона и вмѣстѣ со дня принятія Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ званія его шефа. Оба эти знаменательныя событія предполагалось отпраздновать съ подобающею ихъ значенію торжественностію. Къ участію въ праздновании были приглашены всѣ служившіе въ батальонѣ, по общему желанію которыхъ, было рѣшено поднести Его Величеству картину, изображающую нѣсколько главныхъ событій изъ четверть-вѣковой жизни батальона. Къ числу таковыхъ были отнесены: 1) Прибивка знамени, 14-го августа 1856 года, въ Круглой залѣ Петровскаго дворца въ Москвѣ; 2) смотръ батальону въ Царскомъ Селѣ, по возвращеніи его послѣ усмиренія польскаго возстанія; 3) взятіе Правецкихъ высотъ 11-го ноября 1877 года; 4) встрѣча батальона въ Царскомъ селѣ, по возвращеніи его изъ похода. Изображеніе этихъ эпизодовъ, въ видѣ медальоновъ, на одной общей картинѣ, было поручено лучшимъ художникамъ, не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ.

Роковое событіе 1-го марта 1881 г. измѣнило всѣ

предположенія. Батальонъ лишился своего Основателя и вмѣсто празднованія дня 25-лѣтняго существованія, ему пришлось участвовать во всѣхъ печальныхъ церемоніяхъ, вызванныхъ кончиною Императора Александра II-го.

2-го марта всѣ чины батальона были приведены къ присягѣ, на вѣрность службы новому Августѣйшему Шефу. 7-го марта послѣдовалъ выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго Государя, причемъ батальонъ находился на Англійской набережной, рота же Его Величества участвовала въ печальномъ шествіи. Ея офицерамъ: командующему ротою штабсъ-капитану Савримовичу 1-му, подпоручику Савримовичу 2-му, князю Меликову 1-му и Генрихсену, прапорщикамъ: Дмитревскому и Гонтовту даны были на эполеты вензеля почившаго Императора.

Хотя выше и упомянуто, что благодаря хозяйственной опытности настоящаго командира, матеріальное состояніе батальона получило полное устройство, но въ виду принесенной этимъ пользы, считаемъ необходимымъ подробно указать на принятыя полковникомъ Васмундтомъ мѣры. Чтобы вполнѣ уяснить сдѣланное имъ для удобствъ внутренней жизни, какъ офицеровъ такъ и стрѣлковъ, необходимо сказать, что старыя казармы образцоваго полка, которыя занялъ батальонъ по переводѣ изъ Петербурга въ Царское село, къ 1871-му году пришли въ весьма плачевное состояніе. Затѣмъ въ теченіи 5 лѣтъ ежегодно ремонтировали по одной казармѣ. Несмотря на это, начальники гвардейской стрѣлковой бригады, въ особенности Великій Князь Владиміръ Александровичъ, неоднократно указывали на дурныя гигіеническія условія и неудобства разквартированія батальона. Вѣроятно недостатокъ средствъ былъ причиною, что капитальная ре-

монтировка откладывалась съ году на годъ. Погнившія мусорныя ямы, покосившійся цейхаузъ, проходившая вдоль казармъ сточная труба городскихъ бань, вѣтхій тиръ и мастерскія — вотъ что составляло главные недостатки. Кромѣ того, батальонъ не имѣлъ вовсе офицерскихъ квартиръ, такъ что, кромѣ штабныхъ лицъ, прочіе жили внѣ казармъ, а это не могло не отзываться на стрѣлковомъ дѣлѣ, требующемъ постояннаго участія офицеровъ.

Въ 1881 году полковникъ Васмундтъ, послѣ не малыхъ стараній, исходатайствовалъ повелѣніе о передачѣ батальону, находившейся въ концѣ линіи казармъ, на Павловскомъ шоссе, дачи Малиновскаго, съ прилегающимъ къ ней паркомъ и строеніями. Главный каменный домъ былъ потомъ передѣланъ заново подъ офицерскія квартиры, а въ надворныхъ постройкахъ, по ихъ капитальномъ исправленіи, помѣщены различныя батальонныя заведенія. Въ настоящее время всѣ офицеры имѣютъ вполнѣ удобныя казенныя квартиры. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнена была и система ремонтированія казармъ. Прежде она зависѣла отъ инженернаго вѣдомства, потомъ перешла въ хозяйственную часть батальона. Въ послѣдніе же два года, полковникъ Васмундтъ передалъ ремонтъ въ распоряженіе ротныхъ командировъ, что дало превосходные результаты. Завѣдующій хозяйствомъ никогда не могъ имѣть по всѣмъ строеніямъ того надзора, за наемными рабочими, какое имѣетъ каждый ротный командиръ за своею казармою. Кромѣ того, новый порядокъ ремонтировки возбуждаетъ соревнованіе между ротами, такъ какъ дознано, что какъ бы добросовѣстно не относился производитель работъ къ тому что дѣлается для

другихъ, онъ всегда отнесется къ дѣлу еще усерднѣе, если исполняетъ его для себя.

Вмѣстѣ съ улучшеніемъ внутренняго устройства казармъ, приведена въ порядокъ и окружающая ихъ мѣстность: дворы, плацъ и дороги, изъ безобразнаго вида въ которомъ находились, обращены въ щегольское состояніе, дающее живущимъ не малыя удобства. Улица между ротными домами и хозяйственными постройками, по которой приходится ходить на стрѣльбу, на ученья и въ канцелярію, весною и осенью была едва проходима; теперь-же по всему ея протяженію устроенъ бульваръ, освѣщаемый во всю ночь, чрезъ что сообщеніе съ церковью, со столовой, съ швальнею и между ротами вполнѣ удобно во всякое время года. Пространство между казармами и стрѣльбищемъ, представлявшее болото, ямы и рытвины, обращено въ шоссированный плацъ, по которому, по ближайшему къ казармамъ фасу, отведены каждой ротѣ участки для садиковъ, уже засаженныхъ деревьями.

Къ числу полезнѣйшихъ мѣръ поустройству батальона, предпринятыхъ въ послѣднія три года полковникомъ Васмундтомъ, относятся еще слѣдующія: 1) упраздненіе излишне роскошнаго празднованія ротныхъ праздниковъ; 2) соединеніе довольствія пищею всѣхъ четырехъ ротъ въ общее батальонное и 3) устройство общей батальонной пекарни и столовой. Все это настолько практично, что считаемъ необходимымъ занести подобныя распоряженія на страницы настоящаго историческаго очерка и разсмотрѣть каждую мѣру отдѣльно.

По существовавшему съ давнихъ временъ обычаю, ротные праздники обыкновенно бывали днемъ кутежа и

разгула для всего батальона. Ротный командиръ считалъ какъ бы обязанностію угостить товарищей, дать ротѣ водку, которую давали отъ себя и взводные командиры своимъ взводамъ, устроивать для нижнихъ чиновъ какія либо всегда стоящія увеселенія, въ родѣ найма музыкантовъ или шарманщиковъ. Фельдфебель угощалъ у себя фельдфебелей другихъ ротъ, рядовые своихъ земляковъ и между угощеніями конечно главную роль играла водка. Въ результатѣ оказывалось, что всѣ пили, по всѣму батальону нарушатся порядокъ, все принимало характеръ разгула. Ротнаго командира подобный праздникъ всегда вводилъ въ расходъ. Для достаточнаго онъ могъ быть не чувствителенъ, а неимѣющаго средствъ ставилъ въ непріятное положеніе. При прежнихъ, продолжительныхъ срокахъ службы, потеря времени на ротные праздники неимѣла того значенія, какое имѣетъ теперь каждый потерянный день. Выставивъ весь вредъ подобныхъ празднованій, полковникъ Васмундтъ совершенно измѣнилъ ихъ характеръ. Оставивъ за ротнымъ праздникомъ исключительно религіозное значеніе, онъ достигъ того, что этотъ день отличается отъ другихъ дней только тѣмъ, что въ ротѣ, въ 8 час. утра, служится молебенъ, а затѣмъ занятія идутъ своимъ порядкомъ. Взамѣнъ этого разшпрена программа батальоннаго праздника, совмѣстившаго въ себѣ и ротные.

Сліяніе продовольствія людей въ одно батальонное хозяйство представляетъ значительныя выгоды, водворяетъ порядокъ, уничтожаетъ разнообразіе; всѣ нижніе чины, независимо отъ хозяйственныхъ способностей фельдфебеля и артельщика, получаютъ всегда одинаковое довольствіе. Для того же чтобы ротные командиры не

отвыкали отъ надзора за приготовленіемъ пищи и отъ отчетности по хозяйству, полковникъ Васмундтъ ввелъ, чтобы каждый изъ нихъ, три мѣсяца въ году, завѣдывалъ продовольствіемъ всего батальона и былъ бы полнымъ хозяиномъ и отвѣтчикомъ, какъ за качество пищи, такъ и за правильность расхода. Такой порядокъ нисколько не нарушаетъ ротной отчетности, потому что роты расчитываются съ очереднымъ хозяиномъ, пропорціонально бывшему на довольствіи числу ихъ людей *).

Общее довольствіе цѣлаго батальона вмѣстѣ, потребовало устройства общей кухни и общей столовой. То и другое представляетъ теперь образцовое учрежденіе. Приготовленіе пищи въ очагахъ собственнаго изобрѣтенія полковника Васмундта, требуетъ въ день, на весь батальонъ, такого незначительнаго количества дровъ, что даетъ громадную въ нихъ экономію. При этомъ качество пищи и хлѣба безусловно улучшилось, а нижніе чины избавлены отъ носки воды въ котлы, потому что она вливается въ нихъ черезъ краны, прямо изъ водопроводныхъ трубъ. Для обѣда и ужина, роты, по сигналу, одновременно приходятъ въ столовый залъ; для каждаго человѣка заведены отдѣльныя оловянныя миски; на

---

*) Чтобы нагляднѣе показать всю выгоду, какъ отъ перехода довольствія по ротно къ общему батальонному, такъ и отъ изобрѣтенныхъ полковникомъ Васмундтомъ пекарныхъ печей и очаговъ для приготовленія пищи, приведемъ цифровыя данныя, извлеченныя изъ дѣлъ батальона.

1) Хлѣбопеченіе, до устройства печи новой системы, давало на пудъ муки не болѣе полутора или 2-хъ фунтовъ припека; теперь изъ пуда получается его до 4 фунтовъ 33 золотниковъ.

2) Экономія отъ сбереженія топлива громадная. Прежде на хлѣбопеченіе и пищевареніе въ ротахъ и командахъ, батальонъ расходовалъ до 160 саж. трехполенныхъ дровъ въ годъ. Въ настоящее время, на ту же потребность идетъ всего 24 сажени, т. е. въ 7 разъ менѣе противъ прежняго отпуска.

концахъ каждаго стола ставятся большіе графины съ квасомъ, чрезъ что нѣтъ надобности вставать для питья. За пищею подходитъ къ котлу только 8 человѣкъ съ роты; они берутъ ее въ большія миски и на столахъ разливаютъ въ малыя. Все это приводитъ къ тому, что обѣдъ, происходящій всегда въ присутствіи дежурнаго офицера, продолжается, безъ всякой суеты и толкотни, неболѣе получаса; нижніе чины пріучаются къ порядку и опрятности, чего трудно было достичь въ тѣсныхъ ротныхъ кухняхъ. Общая столовая открыта осенью прошедшаго года. Тогда-же Августѣйшій Главнокомандующій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, удостоилъ ее и батальонъ своимъ посѣщеніемъ.

Минувшимъ 1884 годомъ заканчиваемъ историческій очеркъ батальона.

Прошлое стрѣлковъ батальона Его Величества служитъ ручательствомъ, что они будутъ служить нынѣ царствующему Государю Императору, съ тою же безпредѣльною преданностію, съ тѣмъ же благоговѣніемъ къ Священной Его Особѣ, съ которыми служили Его Родителю.

Принявъ эти чувства отъ перваго поколѣнія служившихъ въ батальонѣ, настоящее и слѣдующія его поколѣнія, сохранятъ ихъ навсегда, какъ священный залогъ, и какъ доказательство своей благодарности, за всѣ излитыя на стрѣлковъ милости своего незабвеннаго Основателя.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Особы ИМПЕРАТОРСКАГО Дома

числящіяся въ спискахъ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ 1-го СТРѢЛКОВАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА БАТАЛЬОНА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Числится въ спискахъ баталіона съ 20-го іюля 1865 года

Состоялъ Вторымъ Шефомъ съ 28-го октября 1866 г.

СОИЗВОЛИЛЪ ПРИНЯТЬ ЗВАНІЕ ШЕФА 2-ГО МАРТА 1881 ГОДА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ

Николай Александровичъ

Числится въ спискахъ баталіона съ 6-го мая 1869 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Владиміръ Александровичъ

Числится въ спискахъ батальона съ 17-го апрѣля 1873 года.

ЕГО ВЕЛИКОГЕРЦОГСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ПРИНЦЪ

Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій

Числится въ спискахъ батальона съ 17 апрѣля 1878 г.

Особы ИМПЕРАТОРСКАГО Дома

состоявшія въ спискахъ

Л.-Г. 1-го СТРѢЛКОВАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БАТАЛІОНА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

принялъ званіе Шефа въ день основанія баталіона, 27 марта 1856 г.

ЕГО ВЕЛИКОГЕРЦОГСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

бывшій инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ

Герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій

Числился въ спискахъ съ 26-го августа 1856 года, по день кончины 8 іюня 1876-го года.

СПИСОКЪ

командировъ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества баталъона, со времени его основанія до 1885 года.

1. Флигель-адъют. полков. графъ Александръ Сергѣевичъ **Строгоновъ.** Назначенъ командиромъ батальона въ день его основанія, 27-го марта 1856 года; уволенъ въ отставку 8 іюня 1857 года, сдавъ батальонъ младшему штабъ-офицеру.
2. Флигель-адъютантъ, полковникъ князь Алексѣй Ивановичъ **Шаховской.** Принялъ батальонъ 30 августа 1857 года. До его прибытія временно командовалъ, на законномъ основаніи, младшій штабъ-офицеръ, полковникъ Карцовъ. Сдалъ батальонъ, по производствѣ въ генералъ-маіоры, 23 апрѣля 1861 года.
3. Флигель-адъютантъ полковникъ Александръ Алексѣевичъ **Ребиндеръ.** Изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Командовалъ батальономъ съ 23-го апвѣля 1861 г., по 25 мая 1863 года.
4. Флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Павелъ Андреевичъ **Шуваловъ.** Изъ л.-гв. Коннаго полка. Командовалъ батальономъ съ 25 мая 1863 года, по 27 ноября 1864 г., бывъ назначенъ командиромъ л.-гв. Семеновскаго полка.
5. Флигель-адъютантъ, полковникъ Александръ Богдановичъ **Гельфрейгъ.** Изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Командовалъ батальономъ съ 27-гопоября 1864 г., до назначенія командиромъ л.-гв. Измайловскаго полка, 17 апрѣля 1868 года.
6. Полковникъ баронъ Карлъ Генриговичъ **Арнсгофенъ.** Изъ л.-гв. Семеновскаго полка. Принялъ баталіонъ 4 мая 1868 г.; сдалъ его по назначеніи командующимъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ, 17 апрѣля 1874 г.
7. Флигель-адъютантъ, полковникъ Михаилъ Александровичъ **Эбелингъ.** Изъ л.-гв. Павловскаго полка. Командовалъ батальономъ съ 17-го апрѣля 1874 года, по день смерти 17 октября 1877 года, отъ раны полученной въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ.
8. Флигель-адъютантъ полковникъ Георгій Робертовичъ **Васмундтъ.** Командуетъ батальономъ съ 27 октября 1877 года.

СПИСОКЪ

генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ числящихся въ баталіонѣ.

Генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ **Шаховской.** Числится въ спискахъ баталіона съ 4 мая 1861 года.

Генералъ-лейтенантъ Александръ Алексѣевичъ **Ребиндеръ.** Числится въ спискахъ баталіона съ 20 мая 1881 года.

Флигель-адъютантъ полковникъ **Пейкеръ.** Числится въ баталіонѣ, состоя въ свитѣ Его Величества, съ 15 іюня 1876 года.

Полковникъ **Бибиковъ**, съ 2 сентября 1880 года. Адъютантъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Капитанъ **Газенкампфъ**, при 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ, съ 14 февраля 1875 года.

Штабсъ-Капитанъ **Войшинъ-Мурдасъ-Жилинскій.** При штабѣ Виленскаго военнаго округа.

Штабсъ-Капитанъ **Алкалаевъ-Калагеоргій**, при 3 военномъ Александровскомъ училищѣ, съ 26 января 1879 года.

Поручикъ **Ольховскій**, при 1 военномъ Павловскомъ училищѣ, съ 11 февраля 1878 года.

Поручикъ **Потѣхинъ**, при Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, съ 14 мая 1879 года.

Поручикъ **Генюкъ**, при С.-Петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ, съ 1 іюня 1884 года.

Поручикъ **Дейхманъ**, при С.-Петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ, съ 1 іюня 1881 года.

Поручикъ **Холявко 2**, при Главномъ Военно-судномъ управленіи, съ 15 сентября 1882 года.

Поручикъ **Дмитревскій**, при Сводно-гвардейскомъ баталіонѣ, съ 14 мая 1884 года.

Поручикъ **Ковалевъ.** Московскимъ плацъ-адъютантомъ, съ 26 февраля 1884 года.

Подпоручикъ **Бутовичъ.** При Николаевской академіи Генеральнаго штаба, съ 14 октября 1883 года.

СПИСОКЪ

младшихъ штабъ-офицеровъ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Императорскаго Величества батальона, съ его основанія до 1885 года.

1. Полковникъ **Карцовъ**—переведенъ изъ л.-гв. Семеновскаго полка, при сформированіи батальона 27 марта 1856 г. Въ 1857 г. 24 іюня назначенъ командиромъ 3-го Стрѣлковаго батальона.
2. Полковникъ князь **Крапоткинъ** переведенъ въ 1857 г. изъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1861 г. назначенъ командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка.
3. Полковникъ **Даниловъ** произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1861 г. Въ 1864 г. назначенъ командиромъ 7 стрѣлковаго батальона.
4. Полковникъ **Меженинов**ъ -произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1862 г. Назначенъ командиромъ 1-го Гренадерскаго стрѣлковаго батальона въ 1864 году.
5. Полковникъ графъ **Зубовъ**—произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1863 г. Назначенъ командиромъ 1-го Гренадерскаго стрѣлковаго батальона въ 1865 году.
6. Полковникъ **Лишинъ** произведенъ изъ капитановъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона въ 1865 г. Переведенъ обратно въ 1866 г.
7. Полковникъ **Новомлинскій** произведенъ изъ капитановъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона въ 1866 г. Назначенъ командиромъ 3-го стрѣлковаго батальона въ 1870 году.
8. Полковникъ **Челищевъ**—произведенъ изъ капитановъ своего батальона. Въ 1865 г. назначенъ командиромъ л.-гв. стрѣлковаго батальона Императорской фамиліи.
9. Полковникъ баронъ **Каульбарсъ**—произведенъ изъ капитановъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона въ 1870 г. и въ томъ же году переведенъ обратно.
10. Полковникъ **Роопъ** произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1870 году. Назначенъ командиромъ 37-го резервнаго батальона въ 1872 году.
11. Полковникъ **Данзасъ**, состоя флигель-адъютантомъ, произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1872 году. Исключенъ умершимъ въ 1875 году.
12. Полковникъ **Пейкеръ**, въ званіи флигель-адъютанта, зачисленъ въ ба-

тальонъ въ 1873 г. Назначенъ Бахмутскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ въ 1874 году.

13. Полковникъ **Анненковъ**—произведенъ изъ капитановъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона въ 1875 г. Исключенъ умершимъ въ 1876 году.

14. Полковникъ **Тишинъ**—произведенъ изъ капитановъ л.-гв. Финляндскаго полка въ 1876 г. Зачисленъ по армейской пѣхотѣ въ 1878 году.

15. Полковникъ **Зейдеръ**—произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1878 г. Назначенъ командиромъ 58-го резервнаго батальона въ 1879 году.

16. Полковникъ **Снарятинъ**, состоя флигель-адъютантомъ, произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1879 г. Назначенъ командиромъ 2-го стрѣлковаго батальона въ 1881 году.

17. Полковникъ **Сверчковъ**—произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1882 г. Назначенъ командиромъ 2-го стрѣлковаго батальона въ 1884 году.

18. Полковникъ **Рейманъ** произведенъ изъ капитановъ своего батальона въ 1884 г. Состоитъ на лицо.

Оберъ-офицеры

поступившіе при сформированіи батальона въ первый его составъ, изъ полковъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и произведенные въ 1856 году.

1. **Янковскій** штабсъ-капитаномъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1862 г. въ званіи флигель-адъютанта отчисленъ въ свиту и въ 1866 г. назначенъ командиромъ 4-го Гренадерскаго Несвижскаго полка.
2. **Рылѣевъ**, штабсъ-капитанъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1857 году уволенъ отъ службы.
3. **Даниловъ**, штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка. Въ 1861 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ 7-го стрѣлковаго батальона.
4. Графъ **Зубовъ**, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1865 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ 1-го грен. стр. бат.
5. Баронъ **Фредериксъ**, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1861 г. уволенъ въ отставку.
6. **Карцовъ 2-й**, поручикъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1859 г. переведенъ въ 3-й учебный стр. бат. подполковникомъ.
7. **Межениновъ**, поручикъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1864 г. въ чинѣ полковника назначенъ команд. 1-го грен. стрѣлк. бат.
8. Графъ **Мусинъ-Пушкинъ**, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1859 г. уволенъ въ отставку.
9. **Нейдгартъ**, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1863 году 10 іюня убитъ въ дѣлѣ противъ польскихъ мятежниковъ, при м. Попелянахъ.
10. Фонъ **Розенбахъ**, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1867 году, въ званіи флигель-адъютанта и въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ 1-го лейбъ-гренад. Екатеринославскаго полка.
11. Князь **Щербатовъ**, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1861 году. переведенъ въ генеральный штабъ.
12. **Трузсонъ** 1-й, прапорщикъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1862 г. переведенъ въ Севастопольскій пѣхотный полкъ.
13. **Случевскій**, прапорщикъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1860 году уволенъ въ отставку.
14. **Линдфорсъ**, прапорщикъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1859 году уволенъ въ отставку.
15. **Челищевъ**, прапорщикъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 1868 г. въ чинѣ

полковника назначенъ командиромъ л.-гв. Стрѣлковаго батальона Императорской фамиліи.

16. Графъ **Комаровскій** 1-й, прапорщикъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1874 г. бывъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ С.-Петерб. гренад. короля Фридриха Вильгельма III полка.

17. **Жербинъ**. Прапорщикъ л.-гв. Егерскаго полка. Въ 1863 г. съ производствомъ въ полковники, зачисленъ по армейской пѣхотѣ.

18. Графъ **Комаровскій** 2-й. Прапорщикъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1867 году переведенъ въ л.-гв. 2-й стрѣлк. батальонъ.

19. **Философовъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1859 году уволенъ въ отставку.

20. Баронъ **Дризенъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1868 г. съ производствомъ въ полковники, переведенъ л.-гв. во 2-й стрѣлковый батальонъ.

21. **Столыпинъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1866 году уволенъ въ отставку.

22. **Козловъ** 1. Переведенъ изъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1858 г. назначенъ адъют. С.-Петербургскаго генералъ-губернатора.

Поступившіе въ батальонъ въ 1857 году.

ПРАПОРЩИКИ:

23. **Желтухинъ** 1-й. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1865 г. переведенъ въ генеральный штабъ.

24. **Яковлевъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1858 г. уволенъ въ отставку.

25. **Толстой**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1864 г. переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ.

26. **Охотниковъ**. Произведенъ изъ школы гвардейск. подпрапорщиковъ. Въ 1863 г. уволенъ въ отставку.

27. **Козловъ** 2-й. Произведенъ изъ школы гвардейск. подпрапорщиковъ. Въ 1865 г. уволенъ въ отставку.

28. Графъ **Цукато**. Произведенъ изъ школы гвард. подпрапорщиковъ. Въ 1865 г. уволенъ въ отставку.

29. **Шулепниковъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1859 г. исключенъ умершимъ.

30. **Аничковъ**. Произведенъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ 1867 г. отчисленъ по армейской пѣхотѣ маіоромъ.

31. Князь **Долгоруковъ**. Переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ 1865 г. уволенъ въ отставку.
32. **Гоголь**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1864 г. умеръ отъ раны полученной 10 іюня 1863 г. въ дѣлѣ противъ польскихъ мятежниковъ, при м. Попелянахъ.
33. Князь **Трубецкой**. Переведенъ изъ л.-гв. Московскаго полка. Въ 1861 г. уволенъ въ отставку.

Поступившіе въ батальонъ въ 1858 году.

ПРАПОРЩИКИ:

34. **Пейкеръ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1874 г. въ званіи флигель-адъютанта и въ чинѣ полковника, назначенъ Бахмутскимъ уѣздн. воин. начальн.
35. Баронъ **Врангель**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1865 г. уволенъ въ отставку.
36. **Серебряковъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1863 г. уволенъ въ отставку.
37. **Ханыковъ**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1862 г. уволенъ въ отставку.
38. **Голынскій**. Произведенъ изъ школы гвардейск. подпрапорщиковъ. Въ 1860 г. уволенъ въ отставку.
39. **Карчевскій**. Произведенъ изъ школы гвардейск. подпрапорщиковъ. Въ 1860 г. переведенъ въ Забайкальское казач. войско.
40. **Фейхтъ**. Произведенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса. Въ 1862 г. уволенъ въ отставку.
41. **Депрерадовичъ**. Переведенъ изъ л.-гв. Уланскаго полка. Въ 1867 г. переведенъ на службу въ Восточную Сибирь.
42. Графъ **Стенбокъ-Ферморъ**. Произведенъ изъ вольноопредѣляющихся. Въ 1860 г. уволенъ въ отставку.
43. **Реутъ**. Бывши въ кадрѣ Образцоваго пѣхотнаго полка, зачисленъ въ списки батальона капитаномъ. Куда убылъ неизвѣстно.
44. **Масаловъ**. Бывши адъютантомъ въ штабѣ стрѣлковыхъ батальоновъ, зачисленъ капитаномъ. Въ 1866 г. произведенъ въ генералъ-маіоры.

Поступившіе въ батальонъ въ 1859 году.

ПРАПОРЩИКИ:

45. **Желтухинъ** 2-й. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1872 г. умеръ въ чинѣ капитана.

46. **Смиттенъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1863 г. переведенъ въ Забайкальское казачье войско.
47. **Пущинъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1864 г. бывши адъютантомъ военнаго министра, переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ.
48. **Стаховичъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1863 г. уволенъ въ отставку.
49. **Дохтуровъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1863 г. уволенъ въ отставку.
50. **Философовъ** 2-й. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1866 г. уволенъ въ отставку.
51. **Кабатъ.** Произведенъ изъ Николаевскаго кавал. училища. Въ 1872 г. отчисленъ по стрѣлковымъ батальонамъ.
52. **Бальцъ.** Произведенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса. Въ 1866 г. переведенъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ.
53. **Броккартъ.** Произведенъ изъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса. Въ 1861 г. переведенъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ.
54. **Шкуринскій.** Произведенъ изъ Константиновскаго кадетскаго корпуса. Въ 1864 г. переведенъ въ Генеральный штабъ.
55. **Добошинскій.** Произведенъ изъ Новгород. гр. Аракчеева кадет. корпуса Въ 1862 г. переведенъ въ л.-гв. конную артиллерію.
56. **Загорскій.** Произведенъ изъ Александровскаго кадетскаго корпуса. Въ 1861 г. переведенъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.
57. **Лебедевскій.** Произведенъ изъ Орловскаго-Бахтина кадетск. корпуса. Въ 1864 г. уволенъ въ отставку.
58. **Семеновъ.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего батальона. Въ 1861 г. уволенъ въ отставку.
59. **Роопъ.** Переведенъ поручикомъ изъ Кіевскаго гусарскаго полка. Въ 1872 г. въ чинѣ полковн. назначенъ команд. 37 резервн. батал.
60. **Расторгуевъ.** Бывши адъют. въ штабѣ стрѣлк. батальоновъ, зачисленъ въ чинѣ капитана. Въ 1861 г. уволенъ въ отставку.

Поступившіе въ батальонъ въ 1860 году.

ПРАПОРЩИКИ:

61. **Данзасъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1875 г. умеръ въ чинѣ полковника.
62. **Борщовъ.** Произведенъ изъ Николаевскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ. Въ 1862 г. уволенъ въ отставку.
63. **Евреиновъ.** Произведенъ изъ Николаевскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ. Въ 1873 г. переведенъ въ корпусъ жандармовъ.

64. **Аничковъ.** Произведенъ изъ Николаевскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ. Въ 1862 г. уволенъ въ отставку.
65. **Останкевичъ.** Произведенъ изъ Константиновскаго военнаго училища. Въ 1863 г. переведенъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду.
66. **Гродзинскій.** Произведенъ изъ Константиновскаго военнаго училища. Въ 1861 г. переведенъ въ Минскій пѣхотный полкъ.
67. **Брянчаниновъ.** Произведенъ изъ Константиновскаго военнаго училища. Въ 1862 г. уволенъ въ отставку.

Въ 1861 году поступившихъ въ батальонъ не было.

Поступившіе въ батальонъ въ 1862 году.

ПРАПОРЩИКЪ:

68. **Чаадаевъ.** Произведенъ изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Въ томъ же году уволенъ въ отставку.

Поступившихъ въ батальонъ въ 1863 г. не было.

Поступившіе въ батальонъ въ 1864 году.

ПРАПОРЩИКИ:

69. **Семякинъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1873 г. уволенъ въ отставку.
70. Князь **Оболенскій.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1867 г. переведенъ въ пограничную стражу.
71. **Сергіевскій.** Переведенъ изъ Московскаго гренадерскаго полка. Въ 1865 г. переведенъ въ 72-й резервный батальонъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1865 году.

ПРАПОРЩИКИ:

72. **Шульцъ.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего батальона. Въ 1866 г. уволенъ въ отставку.
73. **Танзе.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего батальона. Въ 1866 г. переведенъ въ Оренбургскій стрѣлковый батальонъ.

*

74. **Бодровъ.** Переведенъ изъ 1-й артиллерійской бригады. Въ 1877 г. зачисленъ по гвардейской пѣхотѣ, съ производствомъ въ полковники.

Поступившіе въ батальонъ въ 1866 году.

ПРАПОРЩИКИ:

75. **Шнейдеръ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1869 г. уволенъ въ отставку.
76. Графъ **Тизенгаузенъ.** Произведенъ изъ порт.-юнкер. своего батальона. Въ 1877 г. переведенъ въ Волынск. пѣх. полкъ подполковникомъ.
77. **Скарятинъ** 1-й. Въ 1875 г. уволенъ въ отставку капитаномъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1867 году.

ПРАПОРЩИКИ:

78. **Салтыковъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1869 г. исключенъ умершимъ.
79. **Анцыфировъ.** Переведенъ изъ 8 стрѣлковаго баталіона. Въ 1877 г. съ производствомъ въ полков. перевед. въ Л.-Гв. 2-й стр. бат.
80. **Делингъ.** Переведенъ изъ 8 стрѣлковаго баталіона. Въ 1869 г. переведенъ въ Оренбургское казачье войско.

Поступившіе въ батальонъ въ 1868 году.

ПРАПОРЩИКИ:

81. **Скарятинъ 2-й.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего баталіона. Въ 1881 г. въ чинѣ полковника и во званіи флигель-адъютанта, назначенъ командиромъ 2 стрѣлковаго баталіона.
82. **Зейдеръ.** Переведенъ изъ 4 стрѣлковаго баталіона. Въ 1878 г. назначенъ командиромъ 58 резервнаго баталіона.
83. **Александровъ.** Переведенъ изъ 4 стрѣлковаго баталіона. Въ 1876 г. назначенъ Лебядянскимъ уѣздн. воин. начальникомъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1869 году.

ПРАПОРЩИКИ:

84. **Шевыревъ.** Переведенъ изъ Л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка. Въ 1873 г. уволенъ въ отставку.
85. **Аршеневскій.** Переведенъ изъ 1 сапернаго баталіона. Въ томъ же году отчисленъ по сапернымъ баталіонамъ.
86. **Энгельгардъ.** Переведенъ изъ 1 сапернаго баталіона. Въ 1870 г. отчисленъ по сапернымъ баталіонамъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1870 году.

ПРАПОРЩИКИ:

87. **Казинъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1874 г. переведенъ въ Либавскій пѣхотный полкъ.
88. **Черинвскій.** Переведенъ изъ подпоручиковъ, состоящихъ по пѣхотѣ. Въ 1872 г. переведенъ въ Козловскій пѣхотный полкъ.
89. **Добровольскій.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1873 г. уволенъ въ отставку.
90. **Арсеньевъ 1-й.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1877 г. 12 октября, убитъ въ сраженіи при Горн. Дубнякѣ.
91. **Гордановъ.** Состоя при штабѣ стр. батал. зачисленъ въ чинѣ полковника. Въ 1872 г. отчисленъ по гвардейской пѣхотѣ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1871 году.

ПРАПОРЩИКИ:

92. **Лихошерстовъ.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1873 г. уволенъ въ отставку.
93. **Кореневъ.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1874 г. переведенъ въ Сумскій гусарскій полкъ.
94. **Шейдеманъ.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1872 г. уволенъ въ отставку.
95. **Масловъ.** Переведенъ изъ 93 пѣх. Иркутскаго полка. Въ 1873 г. переведенъ въ 3 туркест. стрѣлков. баталіонъ.

96. **Краевскій.** Переведенъ изъ 3 туркест. стрѣлковаго баталіона. Въ 1877 г. переведенъ въ генеральный штабъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1872 году.

изъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ подпоручиковъ

прапорщиками:

97. **Хапровъ.** Въ 1874 г. уволенъ въ отставку.
98. **Рейманъ.** Состоитъ на лицо, въ чинѣ полковника.
99. **Черемушкинъ.** Въ 1878 г. переведенъ въ генеральный штабъ.
100. **Каменевъ.** Въ томъ же 1872 г. уволенъ въ отставку.

Поступившіе въ батальонъ въ 1873 году.

прапорщики:

101. **Миллеръ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1874 г. уволенъ въ отставку.
102. **Хатовъ 1.** Переведенъ изъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ подпоручиковъ. Въ 1876 г. переведенъ въ 3 туркест. стрѣлков. баталіонъ капитаномъ.
103. **Зубинскій.** Переведенъ изъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ подпоручиковъ. Въ 1885 г. зачисленъ по арм. пѣхотѣ подполковникомъ, съ назначеніемъ Царскосельскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ.
104. **Пальчевскій.** Переведенъ изъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ подпоручиковъ. Въ 1875 г. переведенъ въ Троицкій пѣхотный полкъ штабсъ-капитаномъ.
105. **Хатовъ 2-й.** Переведенъ изъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ подпоручиковъ. Въ 1877 г. переведенъ въ туркестанскую артил. бригаду.
106. **Сипягинъ.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего баталіона. Въ 1882 г. зачисленъ по гвардейской пѣхотѣ.
107. Графъ **Кронгельмъ.** Произведенъ изъ портупей-юнкеровъ своего баталіона. Состоитъ на лицо, въ чинѣ штабсъ-капитана.
108. **Арсеньевъ 2-й.** Произведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1874 г. уволенъ въ отставку.
109. **Шаховъ.** Переведенъ изъ Лейбъ-гренадерск. Екатеринославскаго полка.

Поступившихъ въ батальонъ въ 1874 году не было.

Поступившіе въ батальонъ въ 1875 году.

110. **Газенкампфъ.** Переведенъ въ чинѣ поручика изъ 3 кавк. стрѣл. батал. Состоитъ при 2 воен. Константин. училищѣ.

111. **Эльрихъ.** Переведенъ изъ 1 лейбъ-гренадер. Екатеринославск. полка. Состоитъ на лицо въ чинѣ капитана.

Переведены изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ.

ПРАПОРЩИКАМИ:

112. **Кончаковскій.** Состоитъ на лицо въ чинѣ штабсъ-капитана.

113. **Артемовъ.** Состоитъ на лицо въ чинѣ штабсъ-капитана.

114. **Воишинъ-Жилинскій-Мурдасъ.** Съ 1882 г. состоитъ въ командировкѣ при Виленскомъ военномъ округѣ.

115. **Савримовичъ 1-й.** Въ 1877 г. убитъ въ Сербіи, бывши волонтеромъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1876 году.

ПРАПОРЩИКИ:

116. **Савримовичъ 2-й.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1878 г. уволенъ въ отставку.

117. **Вунашевъ.** Переведенъ изъ Симферопольск. пѣхотн. полка. Въ 1879 г. исключенъ умершимъ.

118. **Гауптъ.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1877 г. переведенъ въ Болховской пѣхотный полкъ.

119. **Стояновичъ.** Переведенъ изъ Виленскаго пѣхотнаго полка. Въ томъ же году уволенъ въ отставку поручикомъ.

120. **Эллерсъ.** Зачисленъ въ чинѣ шт.-капит. бывши въ штабѣ стрѣл. батал. Въ томъ же году отчисленъ по гвардейской пѣхотѣ.

121. **Мизно-Василевскій.** Переведенъ изъ 132 пѣхотн. Бендерскаго полка. Въ 1881 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ маіоромъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1877 году.

ПРАПОРЩИКИ:

122. **Могденко**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ 1881 г. переведенъ въ 31 артиллерійскую бригаду.
123. **Дейхманъ**. Переведенъ изъ Ростовскаго гренадерскаго полка. Въ томъ же году отчисленъ въ Петербургское юнкерское училищѣ.
124. **Рагозинъ 1-й**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Состоитъ на лицо въ чинѣ поручика.
125. **Бибиковъ**. Переведенъ бывши адъютантомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, изъ л.-гв. Стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи.
126. **Савримовичъ 3-й**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1884 г. переведенъ въ 1 Восточ. сибир. стрѣлковый баталіонъ.
127. **Холявко 1-й**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Состоитъ на лицо въ чинѣ поручика.
128. **Кургановичъ**. Переведенъ изъ подпоручиковъ, состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1879 г. уволенъ въ отставку.
129. **Генюкъ**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по арм. пѣхотѣ. Въ командировкѣ при С.-Петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ.
130. **Филипьевъ**. Зачисленъ изъ 3 Александровск. военнаго училища штабсъ-капитаномъ. Въ 1881 г. отчисленъ по армейск. пѣхотѣ маіоромъ.

Поступившіе въ батальонъ въ 1878 году.

129. **Гейнрихсенъ**. Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ. Состоитъ на лицо въ чинѣ поручика.
130. Князь **Меликовъ 2-й**. Произведенъ изъ камеръ-пажей. Въ 1882 г. переведенъ въ 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ князю Дондукову-Корсакову.
131. **Дмитревскій**. Переведенъ изъ 13 стрѣлковаго баталіона. Состоитъ въ сводно-гвардейскомъ баталіонѣ на лицо.
132. Князь **Лобановъ-Ростовскій**. Переведенъ изъ 16 стрѣлковаго баталіона. Въ 1879 г. уволенъ въ отставку.
133. **Ковалевъ**. Переведенъ изъ 12 стрѣлковаго баталіона. Въ 1879 г. отчисленъ плацъ-адъютантомъ въ Москву.
134. **Ольховскій**. Зачисленъ изъ Павловскаго военнаго училища поручикомъ. Числится въ баталіонѣ.

135. **Карташевъ.** Переведенъ въ чинѣ штабсъ-капитана изъ л.-гв. стрѣлк. баталіона Императорской Фамиліи. Въ 1879 г. зачисленъ по гвардейской пѣхотѣ.
136. Князь **Меликовъ 1-й.** Переведенъ изъ Эриванскаго пѣхотнаго полка подпоручикомъ. Въ 1884 г. зачисленъ адъютантомъ къ наказному атаману войска Донскаго.
137. **Потѣхинъ.** Переведенъ изъ 20 стрѣлковаго баталіона поручикомъ. При Пажескомъ Его Величества корпусѣ, съ 24 мая 1879 г.
138. **Рудницкій.** Переведенъ изъ л.-гв. резервнаго баталіона поручикомъ. Состоитъ на лицо.

Поступившіе въ батальонъ въ 1879 году.

139. **Леннестромъ.** Переведенъ изъ л.-гв. 2 стрѣлков. батал. штабсъ-капит. Въ 1882 г. переведенъ въ 15 стрѣлковый баталіонъ маіоромъ.
140. **Алкалаевъ Калагеоргій.** Переведенъ изъ 2 стрѣлковаго батал. штабсъ-капитаномъ. Числится при Александровск. военномъ училищѣ въ командировкѣ.
141. **Калашниковъ.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ прапорщикомъ. Въ 1881 г. отчисленъ по армейск. пѣхотѣ.
142. **Холявко 2-й.** Переведенъ изъ подпоручиковъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ прапорщикомъ. Числится при Главномъ военно-судномъ управленіи.
143. **Довборъ.** Переведенъ изъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ прапорщикомъ. Въ 1882 г. переведенъ въ 37 артиллерійскую бригаду.
144. **Бунинъ.** Переведенъ изъ л.-гв. кадроваго баталіона. Въ 1882 г. переведенъ л.-гв. Егерскій полкъ.
145. **Карлинскій.** Переведенъ изъ состоящ. по армейс. пѣхотѣ прапорщикомъ. Въ 1881 г. уволенъ въ отставку, подпоручикомъ.
146. **Гоштовтъ.** Произведенъ изъ камеръ-пажей. Состоитъ на лицо въ чинѣ поручика.
147. **Добржанскій.** Зачисленъ штабсъ-капитаномъ, состоя при управленіи стрѣлковой части. Числится при томъ же управленіи.

Поступившихъ въ 1880 году не было.

Поступившіе въ 1881 году.

изъ состоящихъ по армейской пѣхотѣ подпоручиковъ прапорщиками:

148. **Бутовичъ.** Состоитъ на лицо подпоручикомъ.
149. **Кондратьевъ.** Въ 1882 году уволенъ въ отставку.

Поступившіе въ 1882 году.

150. **Голдобинъ**
151. **Транковскій**

} Состоятъ на лицо подпоручиками.

Поступившіе въ 1883 году.

152. **Паландеръ**. Произведенъ изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Состоитъ на лицо подпоручикомъ.
153. **Михайловъ**. Произведенъ изъ подпрапорщиковъ баталіона. Состоитъ на лицо подпоручикомъ.

Прикомандированъ къ баталіону.

154. Подпоручикъ 100-го пѣхотнаго Островскаго полка **Вицъ**.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ, состоящихъ въ л.-гв. 1-мъ стрѣлковомъ Его Императорскаго Величества баталіонѣ на лицо въ настоящее время.

Командиръ баталіона.

1. Флигель-адъютантъ полковникъ Георгій Робертовичъ **Васмундтъ**. Въ баталіонѣ съ 25 сентября 1874 г. Въ чинѣ съ 27 марта 1877 г.

Младшій штабъ-офицеръ.

2. Полковникъ Иванъ Ивановичъ **Рейманъ**. Въ батальонѣ съ 11 августа 1871 г. Въ чинѣ съ 30 августа 1884 года.

Завѣдующій хозяйствомъ.

3. Капитанъ Карлъ Матвѣевичъ **Эльрихъ**. Въ баталіонѣ съ 30 ноября 1874 г. Въ чинѣ съ 30 августа 1878 года.

Штабсъ-капитаны.

4. Графъ Павелъ Карловичъ **Кронгельмъ**. Въ батальонѣ съ 19 сентября 1872 г. Въ чинѣ съ 30 августа 1878 года.
5. Николай Платоновичъ **Кончановскій**, баталіонный казначей, въ чинѣ съ 30 августа 1877 года.
6. Константинъ Александровичъ **Артемовъ**, командиръ 3 роты; въ чинѣ съ 30 августа 1878 года.

Поручики.

7. Александръ Горгонiевичъ **Рудницкій**, командующій 2-ю ротою; въ чинѣ съ 14 мая 1878 года.
8. Александръ Николаевичъ **Рагозинъ**, командующій 4-ю ротою; въ чинѣ съ 30 августа 1878 года.

9. Федоръ Михайловичъ **Холявко 1-й**, командующій ротою Его Величества; въ чинѣ съ 1 января 1885 года.
10. Александръ Георгіевичъ **Гейнрихсенъ**, въ чинѣ съ 1 января 1885 года.
11. Іосифъ Адамовичъ **Гоштовтъ**, баталіонный адъютантъ, въ чинѣ съ 1 января 1885 года.

Подпоручики.

12. Всеволодъ Ивановичъ **Цвиневъ**, въ чинѣ съ 26 іюня 1881 года.
13. Федоръ Васильевичъ **Голдобинъ**, въ чинѣ съ 7 августа 1882 года.
14. Федоръ Николаевичъ **Транковскій**, въ чинѣ съ 7 августа 1882 года.
15. Вольдемаръ Эмиліевичъ **Паландеръ**, въ чинѣ съ 12 августа 1883 года.
16. Александръ Григорьевичъ **Михайловъ**, въ чинѣ съ 9 января 1884 года.

Прикомандированъ къ батальону.

17. 100-го пѣхотнаго Островскаго полка подпоручикъ Иванъ Николаевичъ **Вицъ**, съ 27 февраля 1885 года.

Классные чиновники.

Надворный Совѣтникъ Севиръ Кириловичъ **Прутенскій**, старшій врачъ, съ 24 октября 1883 года.

Надворный Совѣтникъ Константинъ Ивановичъ **Пырѣевъ**, младшій врачъ, съ 27 ноября 1877 года.

Колежскій Регистраторъ Феликсъ Михайловичъ **Невѣровъ**, дѣлопроизводитель по хозяйственной части, съ 10 сентября 1880 г.

Протоіерей Николай Петровичъ **Сахаровъ**. Въ батальонѣ съ 11 апрѣля 1879 года.

Состоитъ 29 лѣтъ въ батальонѣ, со дня его основанія, Оружейный мастеръ **Чеппе**.

ПЕРЕЧЕНЬ НАГРАДЪ

полученныхъ чинами баталіона, въ войну съ турками, въ 1877 и 1878 годахъ.

Командиръ батальона, флиг.-адъют., полковникъ *Васмундтъ*:

Орденъ св. Георгія 4-й ст., за отраженіе турокъ у Кады-Кіоя близь Рущука; золотую саблю—за Правецъ; св. Анны 2-й ст. съ мечами — за Ташкисенъ; св. Владиміра 3-й ст. съ мечами—за Филиппополь; Мекленбургъ-Шверинскій военный орденъ 2-й ст.; Персидскій — Льва и Солнца 2-й ст.; Черногорскій кавалерскій—за храбрость; Сербскіе—Такова 3-й ст. и золотую медаль; Румынскій—желѣзный крестъ.

Флигель-адъютантъ капитанъ *Скарятинъ*:

Станислава 2-й ст. съ мечами—за Горный-Дубнякъ; Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ—за разновременныя дѣла въ Турціи и Румынскій—желѣзный крестъ.

Капитанъ *Эльрихъ*:

Станислава 3-й ст. и Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Ташкисенъ и Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Сипягинъ*:

Станислава 3-й ст. и Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Правецъ и Ташкисенъ; Станислава 2-й ст. съ мечами—за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ графъ *Кронгельмъ*:

Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Правецъ и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Кончаковскій*:

Анну 3-й ст. и Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ—за Горный-Дубнякъ и Ташкисенъ; Станислава 2-й ст. и

Анну 2-й ст. съ мечами — за Правецъ и Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Артемовъ*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Горный-Дубнякъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Правецъ и Ташкисенъ; Станислава 2-й ст. съ мечами—за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Жилинскій*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Правецъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Ташкисенъ и Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Василевскій*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Филиппополь; Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Правецъ; Станислава 2-й ст. съ мечами—за Ташкисенъ и Румынскій желѣзный крестъ.

Штабсъ-капитанъ *Савримовичъ 1-й*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Горный Дубнякъ и Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за разновременныя дѣла въ Турціи; Румынскіе: Звѣзды 5-й ст. и желѣзный крестъ.

Поручикъ *Магденко*:

Анну 4-й ст. за храбрость — за Правецъ и Румынскій желѣзный крестъ.

Поручикъ *Рагозинъ*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Горный Дубнякъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Правецъ и Ташкисенъ; Станислава 2-й ст. съ мечами — за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Подпоручикъ *Генюгъ*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Горный Дубнякъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ — за Правецъ и Ташкисенъ; Станислава 2-й ст. съ мечами—за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Подпоручикъ *Савримовичъ 2-й*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Правецъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Ташкисенъ и Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Подпоручикъ *Холявко*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Правецъ; Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ — за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Подпоручикъ *Дейхманъ*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Ташкисенъ; Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Подпоручикъ *Генриxсенъ*:

Анну 4-й ст. за храбрость—за Правецъ; Станислава 3-й ст. и Анну 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за Ташкисенъ и Филиппополь и Румынскій желѣзный крестъ.

Прапорщикъ *Дмитревскій*:

Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ—за отличіе въ дѣлѣ 28-го декабря 1877 года на Шипкѣ.

Прапорщикъ *Цвиневъ*:

Орденъ Краснаго Креста—за службу его въ этомъ обществѣ, въ бытность нижнимъ чиномъ.

Младшій врачъ *Пыреевъ*:

Станислава 3-й ст. и Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ — за Горный Дубнякъ; Владиміра 4-й съ мечами и бантомъ—за Филиппополь; Станислава 2-й ст. съ мечами — за переходъ черезъ Балканы и Румынскій желѣзный крестъ.

Кромѣ того всѣ чины батальона получили бронзовую медаль.

Итого батальонъ получилъ 46 офицерскихъ наградъ и 129 георгіевскихъ крестовъ, разныхъ степеней, для нижнихъ чиновъ *).

*) Отдѣльно за каждое сраженіе было пожаловано:

За Горный-Дубнякъ — 19 крестовъ 4 степени, въ числѣ которыхъ стрѣлки Чернышевъ и Ленгвинъ получили ихъ изъ рукъ Государя, при посѣщеніи Имъ госпиталя.

За Правецъ — 14 крестовъ 4 степени, изъ которыхъ унтеръ-офицеръ Старшовъ и стрѣлокъ Стародубцевъ удостоились получить лично: первый отъ Государя Императора, а второй отъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

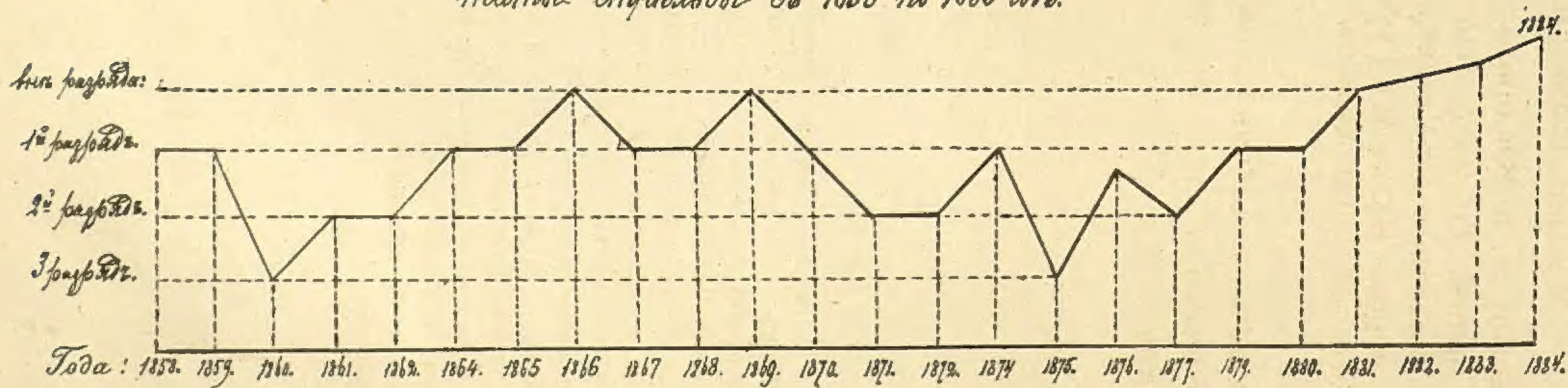
За Арабъ-Конакъ — 6 крестовъ 4 степени.

За переходъ черезъ Балканы — 1 крестъ второй степени, 6 крестовъ третей степени, выданные лично Его Высочествомъ Главнокомандующимъ и 15 крестовъ 4 степени.

За Ташкисенъ и Филиппополь — 1 крестъ 2 степени и 67 крестовъ 4 степени.

Кривая

обозначающая въ хронологическомъ порядкѣ результаты стрѣльбы съ 1858 по 1885 годъ.

2007231713